

# ***SOLANUS***

INTERNATIONAL JOURNAL FOR RUSSIAN & EAST EUROPEAN  
BIBLIOGRAPHIC, LIBRARY & PUBLISHING STUDIES

**New Series    Vol. 11    1997**

**Includes index to Vols. 1-10**





Digitized by the Internet Archive  
in 2018 with funding from  
UCL School of Slavonic and East European Studies (SSEES)

# SOLANUS

INTERNATIONAL JOURNAL FOR RUSSIAN & EAST EUROPEAN  
BIBLIOGRAPHIC, LIBRARY & PUBLISHING STUDIES

New Series Vol. 11 1997

(Includes index to Vols. 1–10)

P 35780

## CONTENTS

<i>Liudmila Charipova</i> , A Survey of the History of the Library of the Kiev Mohyla Academy (1632–1780)	page 5
<i>Armin Hetzer</i> , Printing, Publishing and the Book Trade in Estonia: Historical Aspects	26
<i>Miklós Kontra</i> , Political Censorship of the Defining Dictionary of Hungarian	41
<i>E. K. Sokolinskii</i> , The 'Union Catalogue of Russian Serials, 1801–1825'—A New Type of Bibliography	51
<i>N. G. Patrusheva</i> , Tsenzura i pechat' v Rossii v kontse 1860-kh—nachale 1880-kh gg. (Istoriiia tsenzurnoi kontrreformy)	63
<i>M. V. Zelenov with M. Dewhirst</i> , A Selected Bibliography of Recent Works on Russian and Soviet Censorship	90
<i>J. S. G. Simmons</i> , Index to <i>Solanus</i> , Volumes 1–10	99

## Review Articles and Reviews

<i>N. Iu. Bubnov</i> , <i>Staroobriadcheskaia kniga v Rossii vo vtoroi polovine XVII v.: Istochniki, tipy i evoliutsiia</i> (Aleksandr Gorfunkel')	107
<i>A. V. Voznesenskii</i> , <i>Staroobriadcheskie izdaniia XVIII–nachala XIX veka: Vvedenie v izuchenie</i> (Aleksandr Gorfunkel')	107
<i>I. V. Pochinskaia</i> , <i>Staroobriadcheskoe knigopechatanie XVIII–pervoi chetverti XIX vekov</i> (D. L. L. Howells)	117
<i>N. A. Bogomolov</i> (ed.), <i>Pisateli sovremennoi epokhi: bibliograficheskii slovar'</i> (Katharine Hodgson)	120
<i>Klaus W. Waschik and Natalia B. Volkova</i> (eds.), <i>Russian State Archive of Literature and Art (RGALI): The Complete Archive Guide</i> , first CD-ROM edition (Lesley Milne)	121
<i>Russian National Bibliography on CD-ROM</i> (Oliver Hughes)	122
<i>Maria Kocójowa and Wojciech Zalewski</i> (eds.), <i>Libraries in Europe's Post-Communist Countries: Their International Context</i> (Jenny Brine)	123
<i>Krystyna Bednarska-Ruszajowa</i> , <i>Das polnische Buchwesen: bibliographische Einführung</i> (Karen Rondestvedt)	125



Władysław Chojnacki, *Bibliografia polskich publikacji podziemnych wydanych pod rządami komunistycznymi w latach 1939–1941 i 1944–1953: czasopisma, druki zwarte, druki ulotne* (Wojciech Zalewski) 126

*Kto był kim w drugim obiegu? Słownik pseudonimów pisarzy i dziennikarzy, 1976–89* (Janet Zmroczek) 128

**Contributors** 131

*Solanus* is published by the School of Slavonic and East European Studies (SSEES),  
University of London, Senate House, Malet Street, London WC1E 7HU

© SSEES 1997

The views expressed in *Solanus* are not necessarily those of SSEES  
or of the Editorial Board

Price of this volume: £10.00 or \$15 U.S., including postage. Sterling payment should be sent to the editor (address below) by cheque or international money order made payable to SOLANUS. Dollar payment (personal subscriptions only) (cheque made payable to Wojciech Zalewski) should be sent to: Wojciech Zalewski, 162 Highland Ave., San Carlos, CA 94070, U.S.A.

For more information about *Solanus*, see:

<http://www.ssees.ac.uk/solanus/solacont.htm>

All correspondence, including subscription and advertising enquiries, should be addressed to the Editor:

Dr Christine Thomas  
Slavonic and East European Collections  
The British Library, Great Russell Street  
London WC1B 3DG, United Kingdom  
Telephone: 0171 412 7587  
Fax: 0171 412 7554  
E-mail: [chris.thomas@bl.uk](mailto:chris.thomas@bl.uk)

The Editor will supply *Notes for Contributors* and *Notes for Reviewers* on request.

---

Typeset in Plantin and Times Cyrillic at Oxford University Computing Service  
by Stephen Ashworth Typesetting, Oxford



### ***Editorial Board***

Professor C. L. Drage, Imperial College, University of London

Mr W. Gareth Jones, University College of North Wales, Bangor

Dr W. F. Ryan, The Warburg Institute, University of London

Dr J. E. O. Screen, Library, School of Slavonic and East European Studies,  
University of London

Mr Ray Scrivens, Cambridge University Library, *Reviews Editor*

Dr Christine Thomas, The British Library, *Editor*

Dr Gregory Walker, Bodleian Library, University of Oxford

### ***International Advisory Panel***

Dr J. J. Brine, Lancaster

Professor W. E. Butler, University College London

The Very Rev. Alexander Nadson, Francis Skaryna Belarusian Library,  
London

John S. G. Simmons, Emeritus Fellow, All Souls College, Oxford

Miranda Beaven, University of California, Berkeley

Professor Jeffrey Brooks, John Hopkins University, Baltimore

Professor Marianna Tax Choldin, University of Illinois at Urbana-Champaign

Edward Kasinec, Slavic and Baltic Division, The New York Public Library

Professor Gary Marker, University of New York at Stony Brook

Dr Wojciech Zalewski, Stanford University Libraries

Dr Françoise de Bonnières, Ecole des Langues Orientales, Paris

Dr Horst Röhling, Bochum



# A Survey of the History of the Library of the Kiev Mohyla Academy (1632–1780)

Liudmila Charipova

## *Introduction*

The Kiev Mohyla Academy, founded as a college in 1632 and raised to the status of an academy in 1701, was the first seat of higher education in the East Slavonic lands. It offered a twelve-year course of study and became in the late seventeenth and early eighteenth century the main centre of Ukrainian cultural and intellectual life. Many of its teachers and graduates went on to occupy high positions in Church, education and government in various parts of the Russian Empire, and the Academy's influence extended throughout the Orthodox world. Although there is a huge body of literature devoted to the Academy itself, very little has been written about its library and much uncertainty surrounds its history. Opinions vary as to whether and to what degree the library was destroyed when the Mohyla College buildings were burned by Cossack artillery in 1658 and looted in 1665 during the invasion of Left-Bank Ukraine by Poles.<sup>1</sup> What is certain is that the building that housed the library was badly damaged by fire in 1780, but even so there is little documentary evidence as to what proportion of the library's collections survived that disaster. The aim of this article is to piece together and evaluate evidence from various scattered sources (printed references, manuscripts, surviving books) so as to reconstruct a picture of the library's collections and organisation.

## I. Collections

### *Historiographical background and sources*

Makarii Bulgakov, Metropolitan of Kiev and ecclesiastical writer, was the first author to mention the library of the Kiev Mohyla Academy in his comprehensive history of the Academy published in 1843. Bulgakov suggests that the library could conceivably have survived both the fire of 1658 and the Polish destruction of the Academy in 1665. He concludes, however, that the library was almost completely destroyed in the fire of 1780, together with all the Academy archives.<sup>2</sup> This conclusion appeared to block all subsequent discussion. The next monograph on the history of the Academy was published by Viktor Askochenskii in 1855. He argued even more forcefully that the library, as

<sup>1</sup> George Gajecky, 'The Kiev Mohyla Academy and the Hetmanate', *The Kiev Mohyla Academy*, in a special issue of *Harvard Ukrainian Studies*, vol. 8, no. 1/2, pp. 85, 86.

<sup>2</sup> M. Bulgakov, *Istoriia Kievskoi Akademii* (St Petersburg, 1843), p. 135.



established in 1632, the same year as the foundation of the Academy, and augmented in 1646 by the rich and valuable collection of books bequeathed by the Metropolitan Peter Mohyla, did not survive the calamities that befell the Academy in the seventeenth century: 'The 1658 fire and Polish destruction in 1665 demolished it leaving only few remnants'.<sup>3</sup> Most subsequent writers merely followed suit.<sup>4</sup> The exception was Nikolai Petrov, who claimed that 'by no means all the Academy library was destroyed by fire' in 1780,<sup>5</sup> and that 'no fewer than 1500 books from the seventeenth century survived in the library . . . after the 1780 fire up to 1811'.<sup>6</sup> Evidently, many archival documents revealed and published later, particularly by Petrov, in the 1900s, remained unknown to Bulgakov and Askochenskii, at least at the time that their works were published. One of these documents is of great importance. It is a short note on the contents of the Academy library compiled between 1772 and 1776, stating:

there are 3304 books in the library of the Kiev Academy, . . . all have been contributed by the . . . Metropolitans of Kiev, namely: 2131 books donated by Peter Mohyla; as well as 137 by Rafail Zaborovs'kyi; 144 by Timofei Shcherbats'kyi; 166 by Arsenii Mohylians'kyi; so far the present Right Reverend Metropolitan [Havriil Kremenets'kyi] has given only 35; 595 books were contributed by His Grace Ilarion, Bishop of Krutitsy; 72—by Kyrill [Florins'kyi], Bishop of Sevsk; 24—by Samuil [Myslavs'kyi], present Bishop of Krutitsy. This amounts to a total of 3304.<sup>7</sup>

It follows, then, that if as many as 2131 volumes from Mohyla's library were in the Academy library in the 1770s, then his collection could not have been entirely destroyed by fire and looting in 1658 and 1665 respectively; it must have survived largely intact. Nevertheless the error first introduced by Bulgakov and perpetuated by Askochinskii is repeated in almost all recent works.<sup>8</sup>

<sup>3</sup> V. Askochenskii, *Kiev s ego drevneishim uchilishchem Akademiei*, 1 (Kiev, 1855), p. 290.

<sup>4</sup> S. Golubev, 'O sostave biblioteki Petra Mogily', *Trudy Tre'tego Arkheologicheskogo s'ezda v Rossii, byvshego v Kieve v avguste 1874 g.*, 2 (Kiev, 1878), p. 257; V. Ikonnikov *Opyt russkoi istoriografii i ee protivniki*, I, 1 (Kiev, 1891), p. 749; V. Serebrennikov, *Kievskaiia Akademiia s poloviny XVIII v. do preobrazovaniia ee v 1819 g.* (Kiev, 1897), p. 180.

<sup>5</sup> N. Petrov, *Kievskaiia Akademiia v tsarstvovanie imp. Ekateriny II, 1762–1796* (Kiev, 1906), p. 66.

<sup>6</sup> N. Petrov, *Kievskaiia Akademiia vo vtoroi polovine XVII v.* (Kiev, 1895), p. 118.

<sup>7</sup> *Akty i dokumenty, otnosiashchiesia k istorii Kievskoi Akademii*, edited by N. Petrov, II, 4 (Kiev, 1907), p. 125.

<sup>8</sup> V. Mykytas', *Davn'ioukrains'ki studenty i profesory* (Kiev, 1994), p. 222; I. Torbakov, 'Paleotipy biblioteki Kievskoi dukhovnoi akademii', *Rukopysna ta knyzhкова spadshchyna Ukrainy*, 2 (Kiev, 1994), p. 117. The latter example is particularly irksome, given the fact that Torbakov managed to quote both those nineteenth-century authors who were convinced of the destruction of Mohyla's library in the seventeenth century and the document published by Petrov on one and the same page.

*The origins*

The actual date of the foundation of the Kiev Mohyla library is unknown. Some authors (Khizhniak, Sotnichenko) trace its origins to 1615–16, the time of the establishment of the Kiev Epiphany Brotherhood school.<sup>9</sup> In their view, the bulk of the collection consisted at that time of primers and grammars. The date itself is a possible one, but it would be inaccurate to designate the collections as they were then as the library of the Kiev Mohyla Academy or even as its immediate ancestor. Petr Sotnichenko goes on to say that all books produced by the press of the Kiev Monastery of the Caves from 1616 (the year of their first publication, a *Chasoslov*) to 1632 would also have been available to the teachers and pupils of the Epiphany Brotherhood school, and he also refers to a receipt from Iov Borets'kyi, the rector of the school, for a number of copies of the Greek grammar known as the *Adelphotes* (Lviv, 1591), acquired from the press of the Lviv Dormition Brotherhood for the Kievan school in 1617.<sup>10</sup> However, a collection of alphabet-books and grammars alone, even combined with the eighteen titles published by the Monastery of the Caves press during the sixteen years between 1615 and 1632,<sup>11</sup> could by no means amount to what was known as the library of the Kiev Academy for the subsequent 130–150 years. In her monograph on the history of the Academy, Zoia Khizhniak puts forward the rather dubious thesis that, since the Brotherhood school was founded by a group of scholars from within the Kiev Monastery of the Caves which itself possessed a rich library, the school could have received a donation of books from that library.<sup>12</sup> This view is hard to accept. Such a donation would have been completely at odds with the contemporary practice of accumulating books within the monasteries and not dispersing them for even the most important purpose. Furthermore, for a group of scholars to move the books, which were well cared for and fully accessible at the Monastery, to a new and distant location where no arrangement existed to facilitate their access to them would have made little sense.

It is more likely that the true basis for the library of the Kiev Mohyla Academy was laid when Peter Mohyla founded his school in the Caves Monastery in 1631. Being a person of considerable energy and of Western orientation—he even sent a few talented youths abroad to be trained as future teachers for the school—he would hardly have overlooked such an intrinsic part of an educational establishment as its library.

<sup>9</sup> Z. Khizhniak, *Kievo-Mogilianskaia akademiia* (Kiev, 1988), p. 135; P. Sotnichenko, 'K istorii biblioteki Kievo-Mogilianskoi akademii', *Istoriia stanovleniia i razvitiia akademicheskikh bibliotek* (Moscow, 1987), p. 89.

<sup>10</sup> Sotnichenko (note 9), p. 89.

<sup>11</sup> P. Popov, 'Oseredky knyhodrukuvannia na Skhidnii Ukraini (XVII–XVIII st.)', *Knyha i drukarstvo na Ukraini* (Kiev, 1965), pp. 70–80.

<sup>12</sup> Khizhniak (note 9), p. 135.



The time between the foundation of the school in 1631 and its merger with the Brotherhood school (which resulted in the establishment of the Kiev Mohyla College) was a mere few months; thus, our argument that the library was founded in 1631 does not differ substantially from the view of Bulgakov, that the Academy library was founded 'as soon as Peter Mohyla became the Protector of the College' (i.e. in 1632). Apart from a general statement that Mohyla 'thereafter strove to enlarge it more and more',<sup>13</sup> Bulgakov was unable to say anything specific about the history of the library before 1646, when Mohyla bequeathed his own collection of over 2000 books 'in various languages, purchased throughout his whole life' to the College 'as the only legacy of his life'.<sup>14</sup>

Some authors take the year of Mohyla's bequest, 1646, as being the date of the establishment of the Kiev Mohyla Academy library.<sup>15</sup> This is an enticing argument, but a dubious one. True, the addition of 2000 volumes (a considerable number of books for the middle of the seventeenth century) undoubtedly made it into a library in the fullest sense. On the other hand, it is hard to believe that a college of the kind conceived by Mohyla could have existed without a library for the fifteen years before he made his bequest.

### *The library of Peter Mohyla*

The history of Mohyla's collection is in itself a rather complicated issue. It is clear that more than 2000 volumes survived at the Kiev Academy until the 1770s, but the 1780 fire further confuses things. However, an attempt will be made to build up a picture, albeit imperfect, from the little that is known. Being a man of means, Mohyla could personally afford to spend considerable sums of money on books. In addition, at least two minor book collections were added to his library through gifts from the Ukrainian churchmen and cultural figures Iov Borets'kyi (†1631) and Tarasii Zemka (†1632).<sup>16</sup> Two surviving books (P. Besseus's *Conciones sive Conceptus Theologici* (Cologne, 1611) and L. Beyerlinck's *Promptuarum morale super Euangelia festorum totius anni* (Cologne, 1618), testifying to the fact of Zemka's bequest, are to be found among those previously belonging to the library of the Kiev Academy: one can see both

<sup>13</sup> Bulgakov (note 2), p. 61. Mohyla himself wrote: 'I have supplied, I am supplying, and I will assist . . . the school with books, teaching staff and other resources . . . until the end of my life.' (Quoted in Kh. Titov, *Stara vyshcha osvita v Kyivs'kii Ukraini XVI–pochatku XIX v.* (Kiev, 1924), pp. 93, 94.)

<sup>14</sup> Akty, kasaiushchiesia do istorii Kievskoi akademii [collection of nineteenth-century copies], Kiev, Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine [Instytut rukopysu Natsional'noi Biblioteky im. Vernads'koho Natsional'noi Akademii nauk Ukraïny] (subsequently IM NLU NASU), 445/179 s. ff. 110–111; 115–116; see also: Bulgakov (note 9), pp. 60–61; Knyzhniak (note 9), p. 136.

<sup>15</sup> Torbakov (note 7), p. 117.

<sup>16</sup> Sotnichenko (note 9), p. 91; Khizhniak (note 9), p. 136.



Zemka's and Mohyla's inscriptions on their title pages.

In 1632 and 1633, during his stays in Warsaw and Krakow respectively, Peter Mohyla made two large purchases of books, one of sixty volumes, another of twenty-seven. Some of the copies cost as much as 45 florins (presumably Hungarian florins), which constituted a substantial amount of money at that time.<sup>17</sup> The books that Mohyla bought are notable for their variety of subject-matter. Among them we find books by Plautus, Cicero, Juvenal, Tertullianus, Ovid, Martial, Avicenna, Clement of Alexandria, St Bernard, Calvin, Lipsius, Manutius, Pontanus and Causinus, and Higronius's *Regulae Societatis Jesu et tractatus ascetici*, as well as lexicons and books on Arab history, trigonometry and politics.

Nineteenth-century authors also mention Mohyla's books found in the libraries of the Smolensk and Chernigov seminaries,<sup>18</sup> and in the Moscow Theological Academy and the Viatka Seminary.<sup>19</sup> In Vishnevskii's view, the dispersal of Mohyla's library had already begun in the early eighteenth century when some professors who left Kiev for other places permitted themselves the liberty of taking a few books from their *alma mater* with them when they went.<sup>20</sup> (Such reprehensible practice was quite popular among academy professors and alumni. For instance, Vasili Putsek-Hryhorovych (1706–82), later Metropolitan of Kazan' and Sviyazhsk, having taken a volume from the library when he went to Russia in the 1750s, presented it back to the Academy after 1780, along with other books from his private collection.<sup>21</sup>) This suggests that Mohyla's library, already partially dissolved by the 1720s and yet numbering as many as 2131 volumes by the 1770s, would, if kept intact, have been larger, and probably considerably larger.

### *Private donations*

Referring to the late nineteenth-century Russian historian Il'ia Shliapkin, Sotnichenko names Epifanii Slavinets'kyi (†1675), a Ukrainian churchman and writer who left a part of his book collection to the Academy, as one of the earliest contributors to the library apart from Mohyla.<sup>22</sup> Unfortunately, neither of the two authors were able to evaluate this donation either quantita-

<sup>17</sup> The two catalogues of books purchased by Mohyla in Poland were found by Stepan Golubev and published in his work dedicated to Mohyla's book collection (Golubev (note 4), pp. 263–265). Unfortunately, both of them, being obviously draft copies compiled by a bookseller, emphasise the names of the authors and prices, lack any publication data and sometimes omit titles.

<sup>18</sup> D. Vishnevskii, *Kievskaiia akademiia v pervoi polovine XVIII st.: Novye dannye, otnosiashchiesia k istorii etoi akademii za ukazannoe vremia* (Kiev, 1903), pp. 285–286.

<sup>19</sup> Khizhniak (note 9), p. 216.

<sup>20</sup> Vishnevskii (note 18), p. 285.

<sup>21</sup> In this case the inscriptions look especially peculiar: (1) *Ex Bibliotheca Kijovomohiliana*; (2) *Ex libris Basilii Hryhorowicz*; (3) *Ex Bibliotheca illustrissimi Metropolitae Benjamin [Bibliothecae Kiioviensis applicatus]*.

<sup>22</sup> Sotnichenko (note 9), p. 92.

tively or qualitatively.

The period after Mohyla's death in 1647 up to the early eighteenth century was extremely difficult for the College and its library. The conflicts then shaking Ukraine from both the inside and the outside could not have been favourable for the preservation of the books. As Viktor Askochenskii puts it, 'in such a mess nobody took care of the books, that is why some of them were consumed by fire while others, apparently, fell into the hands of private individuals. From an inscription on one of the surviving books it is clear that some Kievites even sold them, having found them or acquired them first from somebody else'.<sup>23</sup>

From the end of the seventeenth century, however, the collections of the Academy library grew steadily as they had earlier, mainly thanks to contributions from professors and alumni. According to contemporary testimonies, 'a proper library' (*pravil'naia biblioteka*) was run again only during the rule of the Kiev Metropolitan Varlaam Iasins'kyi (1660–1717), who bequeathed his own book collection to the Academy.<sup>24</sup> Among those who contributed to the library in the first half of the eighteenth century, Makarii Bulgakov names Feofan Prokopovych (1681–1736), at that time Archbishop of Pskov and Novgorod (who donated his own works to the library); Amvrosii Iushkevych, Bishop of Vologda; Kyrill Florins'kyi, Bishop of Sevsk and Bryansk; Iosif Iamnits'kyi and Ioasaf Mitkevych, both Archimandrites of Novgorod Iuriev Monastery; 'and many others'. However, he too was unable to quantify any of these donations.<sup>25</sup> Askochenskii also mentions Ioasaf Krokovs'kyi (†1718), Timofei Shcherbats'kyi (1698–1767), Arsenii Mohylians'kyi (1704–70) and, in particular, Rafail Zaborovs'kyi (1677–1747), all Metropolitans of Kiev, as playing an important part in augmenting the library collections during this time.<sup>26</sup>

According to Dmitrii Vishnevskii, several Latin books were bequeathed to the Academy by Varlaam Lennits'kyi in 1742; Ilarion, Bishop of Sarai and Podon'e, presented 479 books in 1758; the Father Superior of the Kiev Monastery of St Cyril Melchisedek Orlovs'kyi left 34 books in 1765.<sup>27</sup> The catalogue of Bishop Ilarion's donation survives in manuscript.<sup>28</sup> It enumerates 403 Latin books, 51 volumes in German, French, Polish, Turkish, Greek and Hebrew (these are predominantly lexicons and grammars), and 25 Russian books. According to Vishnevskii, 837 books came to the Academy from its former Prefect and Professor of Philosophy, later Rector of the Moscow Slavo-Graeco-Latin Academy, Varlaam Lashchevs'kyi (Liashchevskii, c. 1710–74),

<sup>23</sup> Askochenskii (note 3), p. 263.

<sup>24</sup> See Torbakov (note 8), p. 119.

<sup>25</sup> Bulgakov (note 1), pp. 132–133.

<sup>26</sup> Askochenskii (note 2), p. 302.

<sup>27</sup> Vishnevskii (note 18), p. 285.

<sup>28</sup> [Collection of documents], Kiev, IM NLU NASU, DA/p. 221, 2, fols. 152–159v.



in 1774.<sup>29</sup> Petrov, when he published the catalogue of books donated by Lashchevs'kyi, corrected the date to 1776.<sup>30</sup> The list includes a total of 827 volumes, 743 in Latin and 84 in Russian.<sup>31</sup>

### *Purchases of literature*

Although private donations were the Academy's major source of acquisitions, they were not the only one, particularly in the later period. For instance, on the basis of the fact that one of the books, *Florida Mariana*, formerly owned by the Rector of the Jesuit College in Hoshcha, Mitrofan Sudovs'kyi (†1678), was later taken from the library by Gedeon Vishnevets'kyi and then left by him to the Smolensk Seminary, Dmitrii Vishnevskii concludes that a number of books were acquired from that Jesuit educational institution. One other book, Hieronym Lauretus's *Sylvae allegoriarum totius Sacrae Scripturae* (Venice, 1588), is also mentioned by him as being brought to Smolensk from the Kiev Academy by the same Gedeon Vishnevets'kyi.<sup>32</sup>

The librarians of the Academy maintained permanent connections with foreign publishers and book-traders. Thus, in the late 1740s the librarian Dosifei Haliakhovs'kyi, as well as his successor Manasiia Maksymovych (†1758), corresponded with publishers in Silesia and in Warsaw, Bratislava and other European cities. The German trading dynasty, the Korns of Wroclaw, supplied the Academy with books and teaching aids for many years. For instance, in 1753, Heorhii Shcherbats'kyi (†1754), Professor of Philosophy, received books from Wroclaw for a total of 1000 roubles; in 1767, the teacher Kryzhanovs'kyi bought from the same firm 'two globes for 12 *chervontsy*,<sup>33</sup> on the condition that they would be delivered as far as the Russian border, to the town of Vasyl'kov', and 100 French grammars in 1771.<sup>34</sup>

Particularly active was the Academy's collaboration with Johann Jacob Korn (1702–1756) and his son Wilhelm Gottlieb Korn (1739–1806).<sup>35</sup> Their firm specialised in two main spheres of publishing: professional scholarly literature of a varied nature from theology and philosophy to medicine, mathematics and architecture; and more utilitarian publications such as textbooks, religious literature and miscellaneous popular editions.<sup>36</sup> Substantial runs of books were published according to orders from educational establishments, the Kiev Mohyla Academy included. The Academy's orders included commis-

<sup>29</sup> Vishnevskii (note 18), p. 286.

<sup>30</sup> *Akty i dokumenty* (note 7), II, 4, p. 206.

<sup>31</sup> *Ibid.*, pp. 206–233.

<sup>32</sup> Vishnevskii (note 18), p. 286.

<sup>33</sup> Three-rouble golden coins.

<sup>34</sup> Quoted by Khizhniak (note 9), p. 138; Vishnevskii (note 17), p. 285.

<sup>35</sup> For more information about them, see: *Słownik pracowników książki Polskiej* (Warszawa, 1972), pp. 442–443; A. Mendykowa, *Kornowie* (Wroclaw, 1980).

<sup>36</sup> Mendykowa (note 35), pp. 25–26.



sions to publish the works of its professors (for instance, collections of Feofan Prokopovych's Latin and Polish poetry, sermons and polemical works issued between 1743 and 1745, and two editions of Varlaam Lashchevs'kyi's *Institutionum linguae graecae liber* (1746 and 1768). Aleksandra Mendykowa suggests that it was through book-dealers in Leipzig that the contacts between the Kiev Academy and the Korn dynasty were originally established.<sup>37</sup> The Korns did not deal only in their own publications. Detailed subject lists and comprehensive catalogues of their book stock were issued regularly, for example, the 1742 *Catalogus auserlesener Auctorum Classicorum*, the 1743 Polish-language catalogue advertising recent acquisitions of new and second-hand French books, entitled *Wykaz starych i nowych ksiazek francuskich*, and the 1764 *Catalogus librorum*.<sup>38</sup>

A number of professors and alumni of the Academy presented it with money aimed directly at the expansion of the library. For instance, the same Varlaam Lashchevs'kyi who bequeathed a collection of books also left 3000 roubles for that purpose; in his will of 1779 Havriil Kremenets'kyi, the Metropolitan of Kiev, instructed that a part of the interest from his capital of 44,000 roubles (500 roubles) should be set aside specifically to fulfil the needs of the Academy library.<sup>39</sup>

Some of the rectors and professors also used their personal connections for purchasing books. The Rector Samuil Myslavs'kyi (1731–1796) wrote in 1758 to Christian Baumeister, who was at that time a professor at the Brandenburg Academy: 'If there are some new books in any disciplines, may I ask that you send them [to Kiev], for the benefit of the Academy, including the cost of postage as well as service in the total'.<sup>40</sup>

Books could also be bought at the annual Kiev Contract Fair (*Kontraktova iarmarka*), for instance, from the Italian merchants who came from Lombardy, bringing with them, among other wares, many Latin and French books, engravings and teaching aids. The fair usually took place in the Podil district of Kiev, on the square in the immediate vicinity of the Academy. Among the local bookshops that of the second-hand dealer nicknamed 'Garbuz' was famous for its wide range of stock.<sup>41</sup>

With the broadening of the curriculum, especially after new courses in history, geography, natural sciences and modern languages were introduced and demand for recent literature began to grow, the Academy established close relations with the main printing shops of Moscow and St Petersburg. A special post of commissioner responsible for acquiring books through contacts

<sup>37</sup> Mendykowa (note 35), pp. 48, 75–76.

<sup>38</sup> Ibid., pp. 48, 90.

<sup>39</sup> Sotnichenko (note 9), pp. 94–95.

<sup>40</sup> Quoted by Khizhniak (note 9), p. 138.

<sup>41</sup> Khizhniak (note 9), p. 138.

with state and educational institutions, printers and booksellers was created at the Academy. This 'commissioner' was a full member of the teaching staff and was charged with rendering assistance in ordering books, maps, teaching aids etc. A bookshop managed jointly by the librarian and the commissioner was founded in 1754 to serve the needs of professors and students. Outsiders could also buy books there.<sup>42</sup>

The Academy library was also supplied with periodicals. In 1759, the Kiev Metropolitan and Protector of the Academy, Arsenii Mohylians'kyi (1704–70), subscribed to Sumarokov's pioneering independent moral journal 'The Busy Bee' (*Trudoliubivaia Pchela*), published in Moscow, at his own expense. He also subscribed to some French and German newspapers which were translated into Russian by the students and re-written 'in clear ... characters ... to be read in schools by the pupils for their entertainment'.<sup>43</sup> There is also a document stating that '26 bound Latin books arrived at the Academy library' from Arsenii Mohylians'kyi in 1767.<sup>44</sup>

### *The bursa library*

From 1768, a special library for the inhabitants of the Academy *bursa* (a hostel for poor students), situated at the same place, began to be formed. The initiator was Nikolai Bantysh-Kamenskii (1734–1814), the Russian historian and writer, himself a former pupil of the Academy. He contributed 154 books, among them a number of copies of various textbooks, mainly in Russian, basically intended for the students of primary and intermediate grades, and also provided a special book for registering further donations. On its cover he wrote: '15 October 1768, this register is sent by ... Nikola Bantysh-Kamenskii for cataloguing books presented to the *bursa* of the Kiev Academy by benefactors ...'.<sup>45</sup> He also organised a campaign of subscription in St Petersburg for the benefit of the *bursa* library. Money raised was spent on purchasing textbooks and other printed matter such as periodicals, which were then sent to Kiev.<sup>46</sup>

Another benefactor, the physician Semen Hamaliia, also a former student of the Academy, wrote in 1770: 'Dear brothers in Christ! Inhabitants of the great Kievan *bursa*! I beg your gracious acceptance of the following books for your library: three copies of Gottsched's German grammar and four copies of the *History of Theodosius the Great*. They are dedicated to you by one who

<sup>42</sup> Sotnichenko (note 9), p. 98.

<sup>43</sup> Quoted by Khizhniak (note 9), p. 137.

<sup>44</sup> Samuil Myslavs'kyi to Arsenii Mohylians'kyi, 2 August 1767, Kiev, IM NLU NASU, 444/605 s, f. 1.

<sup>45</sup> *Reestr rossiiskim i latinskim knigam, ot raznykh dobrokhotnykh datelei prisylaemykh v Kievskuiu bursu*, 15 October 1768–1781, Kiev, IM NLU NASU, 10/371 s; published in *Akty i dokumenty* (note 7), II, 3 (Kiev, 1906), p. 386.

<sup>46</sup> V. Mykytas' (note 8), p. 226.



was once a member of your community. Your most humble servant, N.N., Petropoli'.<sup>47</sup> The total number of books donated by Hamaliia is estimated at 25.<sup>48</sup>

It is evident that the contributors to the *bursa* library were mostly laymen and Academy alumni who had themselves experienced all the needs and shortages of student life. Among them were: the medical professor Konstantin Shchepin (reported to have donated 6 volumes); Aleksander Bibikov (4 volumes); the scientist Nikolai Motonys (17 volumes); the historian Vasilii Ruban (15 volumes); the writer Hryhorii Kozyts'kyi (39 volumes); a certain Major Iakym Sulyma (5 volumes); the merchant Ia. Dobrynin (38 volumes); the Senate Secretary V. Kramarenko (9 volumes);<sup>49</sup> and the former Father Superior of the Kiev Brotherhood Monastery V. Volans'kyi (439 volumes).<sup>50</sup> According to Makarii Bulgakov, the number of books in the *bursa* library reached about 1000 during the first four years of its existence (1768–72).<sup>51</sup>

The register (*Reestr*) provided by Bantysh-Kamenskii allows us to make some corrections to the dates and figures, to add a number of new names to the list of donors and to review the contents of the *bursa* library. Apart from those already mentioned, the register refers to: a donation made by the Bishop of Sevsk and Bryansk, Kyrill Florens'kyi, on 17 January 1770 (126 volumes);<sup>52</sup> two contributions made by Havriil Kremenets'kyi, the Metropolitan of Kiev, on 17 April 1778 and December of the same year (28 and 43 volumes respectively); a contribution of 'pater Melchisedek Werbickj' of 2 February 1781 (64 volumes); and that of Semen Sulima of 17 August 1781 (26 volumes).<sup>53</sup> In addition, according to a donor's inscription on one of the books (Andreas Reyher's *Lexicon Latino-Germanicum*, Leipzig and Frankfurt, 1696), a number of books were presented to the *bursa* library by Prince Sergei Kantemir on 7 October 1778. The bulk of the *bursa* library collections consisted of books in Russian, unlike the primary collections of the Academy library, which comprised mainly literature in Latin. Publication dates, mentioned whenever possible by the compiler of the register, offer an absolute confirmation that the *bursa* library was an eighteenth-century library, and that in this respect it can be distinguished from the main library. From a total of 1167 books in the register there are: 942 published in the eighteenth century (80.7%); 178 (15.3%) unattributed by the compiler, presumably due to the absence of a title-page, which allows us to suggest that a certain number of them could also be from

<sup>47</sup> Quoted by Khizhniak (note 9), p. 137. Makarii Bulgakov erroneously attributed this note to Bantysh-Kamenskii (Bulgakov (note 2), p. 134).

<sup>48</sup> Mykytas' (note 8), p. 226.

<sup>49</sup> Khizhniak (note 9), p. 137; Mykytas' (note 8), pp. 226–227.

<sup>50</sup> *Akty i dokumenty* (note 7), II, 3, pp. 399–412.

<sup>51</sup> Bulgakov (note 2), p. 134.

<sup>52</sup> *Akty i dokumenty* (note 7), II, 3, pp. 395–399.

<sup>53</sup> *Ibid.*, pp. 412–416.



the eighteenth century; and only 47 books (4.0%) dating back to the sixteenth and seventeenth centuries.

An epidemic of cholera in Kiev in 1770 claimed some students and forced others to leave the city, and the *bursa* library was left unattended in an empty building. On the orders of Empress Catherine II and the Metropolitan Havriil Kremenets'kyi, the *bursa* collection was to be moved to join the main collections of the Academy library, but to be kept separately.<sup>54</sup> Therefore, the *bursa* library is usually reported to have been destroyed by fire together with the main collection of the Academy. However, there are some grounds to doubt this argument. Here, the *Reestr* (the manuscript of which is now held at the Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine of the Ukrainian Academy of Sciences, in the corpus of the manuscript collection of the Kiev St Sofia Cathedral),<sup>55</sup> provides useful evidence. According to the register, the two last donations to the library were made in 1781, that is, a year after the main collection of the library had been burned. That would mean that the inventory was simply continued after the fire, without any mention of the *bursa* library having been destroyed. For this to make sense, it is reasonable to assume that the library survived: one can hardly imagine that a librarian would continue to record newly acquired books in a register listing those destroyed by fire. The fact that only the *bursa* library inventory has survived, unlike those of the main library, is also significant. Altogether, the evidence suggests that the *bursa* library had either, for some unknown reason, never moved from its place despite the Metropolitan's order, or, possibly, that it was transferred to a building other than the Church of St Boris and Gleb, on the top floor of which the main library collection (*fundamental'naia biblioteka*) was located for many years and which must have burned on 29 February 1780.

### *The fire of 1780*

In order to discuss the question of the 1780 fire and its consequences for the main Academy library, it is necessary to estimate the size of the collection prior to its destruction. Neither a comprehensive original inventory nor any catalogue of the book collection is as yet known to exist. A recent archival search undertaken by the author of the present essay has only served to support this. Bulgakov referred to 12,000 books as having been kept at the library before the fire, and Askochenskii, Serebrennikov and Khizhniak also rely on this figure.<sup>56</sup> Referring to Maksim Berlinskii's *A Short Description of the City*

<sup>54</sup> [Collection of documents], Kiev, IM NLU NASU, DA/p. 221, 3, doc. 38; Bulgakov (note 7), p. 134.

<sup>55</sup> *Reestr rossiiskim i latinskim knigam, ... prisylaemykh v Kievskuiu bursu*, 10/371 s. Special attention should be drawn to the fact that, apart from the register, a great number of manuscripts and printed books formerly belonging to the Kiev Mohyla Academy have been found among the books of St Sophia Cathedral.

<sup>56</sup> Bulgakov (note 2), p. 134; Askochenskii (note 3), p. 303; Serebrennikov (note 4), p. 180;

of Kiev, Vladimir Ikonnikov wrote: 'the library numbered more than 10,000 volumes when burned in 1780'.<sup>57</sup> A report of 9 March 1780 by the Metropolitan Havriil Kremenets'kyi to the Holy Synod on the destruction of the library mentions a precise figure of 8632 books:

On 29 February [1780], at four o'clock in the afternoon, the wind blowing strongly, the central cupola of St Boris and Gleb Church, for some unknown reason, caught fire. The fire soon spread to the two other cupolas. In this way, the Academy library located on the top floor of the same Church, along with the cells of the Academy superiors, was completely destroyed by fire. The library consisted of eight thousand six hundred and thirty-two books in different languages.

This figure is considered to be reliable by Vishnevskii,<sup>58</sup> but Nikolai Petrov estimates that the collection was less than half this size, suggesting that 'in 1776, there were no less than 4220 [volumes] in the Academy library. The missing ... 4412 could hardly have been acquired ... between 1776 and 1780'.<sup>59</sup> In fact, a simple addition of all figures referred to in all currently available documents (excluding the *bursa* library) gives a total of approximately 5000 volumes—20% more than Petrov's estimate. Thus, having no sufficient grounds to dispute the correctness of Metropolitan Havriil's 1780 report, we should accept his figure as the most reliable one.

Neither is there any common view on how many books were burned. Some authors assert that the library was destroyed completely or almost completely.<sup>60</sup> On the evidence available so far this is unlikely. Special attention must be paid to the testimony of an eye-witness, Il'ia Tymkovs'kyi: 'Those books rescued were sorted at the main church of the monastery, on the wide gallery spreading from the walls to the pillars. There we were free to dig among the volumes,'<sup>61</sup> (One can only guess how many books could have been taken away and lost amid such a mess.) According to Petrov, 'not all the Academy library was burned',<sup>62</sup> and 'no less than 1500 volumes survived until

---

Khizhniak (note 9), p. 116.

<sup>57</sup> M. Berlinskii, *Kratkoe opisaniie goroda Kieva* ... (St Petersburg, 1820), p. 274; Ikonnikov (note 4), p. 749.

<sup>58</sup> *Akty i dokumenty* (note 7), II, 4, p. 256; Vishnevskii (note 17), p. 285.

<sup>59</sup> N. Petrov (note 5), p. 66. Petrov obtained the approximate figure of 4220 by adding the 827 volumes donated by Varlaam Lashchevskii in 1774 and, probably, some other minor contribution, to the 3304 books mentioned in the report of 1772 already quoted. By all appearances, he excluded the *bursa* library from the primary library stock which makes sense in the light of the fact that it was a separate collection maintained with its own inventory, and probably never even kept in the main library.

<sup>60</sup> See, for instance, Bulgakov (note 2), p. 135; Ikonnikov (note 4), p. 749; G. Moiseeva, *Lomonosov i drevnerusskaia literatura* (Leningrad, 1971), pp. 74–77.

<sup>61</sup> *Sbornik materialov dlia istoricheskoi topografii Kieva i ego okrestnostei*, 2 (Kiev, 1874), p. 165.

<sup>62</sup> Petrov (note 5), p. 66.



1811 at the library of the Kiev Brotherhood College after the fire of 1780'.<sup>63</sup> Mykytas' says that 'approximately 9000 books from the Academy library were burned, and only 1670 were rescued'.<sup>64</sup> Unfortunately, he gave no source for this important information, so we are unable to judge how reliable it is.

The primary source of confusion is Metropolitan Kremenets'kyi's report on the complete destruction of the library. However, given the Academy's constant shortage of funds, it would not be surprising if its Protector was tempted to exaggerate the loss in order to stimulate the authorities to raise as many funds for its restoration as possible.

### *Surviving books*

The author's search for the remnants of the Kiev Mohyla Academy book collection in the corpus of the library of the Kiev Theological Academy (founded as a successor to the Mohyla Academy in 1819) has revealed as many as 177 volumes (190 titles, some bound together) which definitely belonged to the library of the Mohyla Academy, all having ownership inscriptions testifying to the fact that they came into the library before the 1780 fire. It is almost certain that every volume held at the Academy library bore such an inscription,<sup>65</sup> and in order to avoid wrongly attributing any pre-1780 publications to the pre-fire library the author will discuss only those which bear inscriptions made earlier than 29 February 1780.

Among seventeenth-century acquisitions two main groups of surviving books can be defined so far: volumes from Peter Mohyla's collection, including those which were formerly owned by other people, and others acquired by the College (not from Mohyla) before it was officially transformed into the Academy in 1701.

A varying number of books from Mohyla's collection were reported by different authors to survive until the present: one by Bulgakov,<sup>66</sup> three by Ikonnikov,<sup>67</sup> six by Golubev,<sup>68</sup> eight by Krylovskii,<sup>69</sup> ten by Vishnevskii,<sup>70</sup> and twelve by Torbakov.<sup>71</sup> The author of the present article has managed to find 21 volumes (26 titles, some bound together). Among them 20 volumes (25 titles) are in Latin, and one volume consists of two titles in Polish. The books fall into four categories according to the date of their inscriptions: 30 May 1639

<sup>63</sup> Petrov (note 6), p. 118.

<sup>64</sup> Mykytas', *Davn'ioukrains'ki studenty i profesory*, p. 227.

<sup>65</sup> See Samuil Myslavs'kyi to Arsenii Mohylians'kyi, 444/605 s.

<sup>66</sup> Bulgakov (note 2), p. 61.

<sup>67</sup> Ikonnikov (note 4), p. 749.

<sup>68</sup> Golubev (note 17), pp. 258–260.

<sup>69</sup> A. Krylovskii, *Biblioteka byvshei Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, 12–25 February 1925, Kiev, IM NLU NASU, fond 184, no. 67, ff. 1v–2v.

<sup>70</sup> Vishnevskii (note 18), p. 285.

<sup>71</sup> Torbakov (note 8), p. 118.

(16 volumes, 20 titles); a note testifying to the purchase of a book in 1645 from a Father Anatolii Muzhylovs'kyi (Muzylowski) (two volumes bound as one); a note of the same character of 18 May 1646 (one volume); and finally a few books with undated inscriptions (three volumes, four titles).

The second group deemed to be seventeenth-century acquisitions consists of books purchased by the College before 1701. A comparative analysis of inscriptions in surviving volumes makes it clear that only those obtained before 1701 bear inscriptions mentioning the Kiev Mohyla College (*Ex Bibliotheca Collegij Kijouo Mohilaeana*; *Ex Bibliotheca Collegij Mohilaeani Kiiouiensis*; *Ex Bibliotheca Collegij Mohilaensis Kiiovi*; *Post obitua Bibliothecae Collegii Mohilaeani Kiiouensis applicatus*). After that approximate date the word 'Academy' was used instead of 'College'. This practice persisted throughout the eighteenth century, through 1780 and up to 1817, the year when the Mohyla Academy was closed down. Thus, it proves impossible to tell whether a particular volume with an inscription referring to the Academy was acquired before or after 1780, when numerous contributions arrived at the devastated library from the former disciples of the Academy, only if the inscription is dated or if the donor is known to have died before 1780.

The second group of seventeenth-century acquisitions includes 13 volumes (14 titles), 12 in Latin and one in Polish. One of these—Conradus Dinnerus's *Epithetorum graecorum Farrago locupletissima* (Frankfurt, 1589)—is of special interest. According to its first inscription dated 1601, in Greek, the book belonged to Lavrentii Zyzanii (c. 1550–1634), an outstanding churchman and writer of Greek origin. According to the second inscription, the volume was presented to the library of the Brotherhood Monastery (meaning Mohyla's College situated in the monastery grounds) by a certain Bishop of Stagoi and Meteora (historical regions in Greece) in 1640. The third inscription testifies that the volume belonged to the College library.

Some of the books in the second group bear a whole series of inscriptions. For instance, Everardus Bronchorst's *Aphorismi politici per Lambertum Danaeum collecti* (Leiden, 1623) first belonged to a certain rector of the College (some pages are damaged and the name is impossible to read). The second inscription notes its arrival in the College library. The third inscription notes the change in status of the institution from College to Academy. This evidence suggests that the library was well cared for by generations of librarians who were at pains to update ownership inscriptions.

A smaller group of 'intermediate' acquisitions, i.e. those made shortly after 1700, can also be distinguished by comparative analysis of inscriptions and publication dates. All volumes from this group were published before 1701 and bear the inscription *Bibliotheca Kijowo Mohilana* (undated). This form of name does not appear in any inscription later than 1740, so it can be assumed that they were acquired during the first four decades of the eighteenth century.



This group comprises 13 volumes (14 titles, two bound as one), all in Latin.

In addition, several surviving manuscripts from the Academy library must be attributed to the 'intermediate' acquisitions group on similar grounds. There are seven such manuscripts: five in Latin, one in Russian and one in Polish, mostly notes of lectures on theology, philosophy, rhetoric, arithmetic and mathematics delivered in the Catholic colleges in Vilna, Brest, Yaroslav and Lviv as well as in the Kiev Academy itself, and a Polish polemical work.<sup>72</sup>

Later eighteenth-century acquisitions consist of a series of groups of donations. They include: Rafail Zaborovs'kyi's donation of 1741—18 volumes (19 titles); Ioseph Iamnyts'kyi's of 1748—9—4 volumes; Timofei Shcherbats'kyi's of 1748—57—3 volumes; that of Ilarion Bishop of Sarai and Podolia made in 1752—6—17 volumes; David Nashchyns'kyi's of 1756—2 volumes; Samuil Myslavs'kyi's of 1768—3 volumes; Cyrill Florins'kyi's contribution of 1770—21 volumes (22 titles); Maksym Baranovych's of the same year—5 volumes (6 titles); Havriil Kremenets'kyi's of 1772—3 volumes; and Varlaam Lashchevs'kyi's of 1773—4—28 volumes (30 titles). Among the names of donors there are to be found two not previously referred to: David Nashchyns'kyi and Maksym Baranovych. There are also a number of single contributions made between 1756 and 1778. Of a total of 114 books, 8 are in Greek, 2 in Russian, 4 in German, several volumes are bilingual Latin-Greek lexicons, one is a Latin-German dictionary, while all the remainder are in Latin.

Finally, there is one more group of surviving books that the author of the present article also provisionally attributes to the pre-fire collection. Their inscriptions indicate they were presented to the library by a certain Father Ruvim Petulins'kyi, but the date of the donation is not mentioned. However, one of these volumes is marked 'Old Library' (*Staraia Biblioteka*). It is necessary to note here that many post-fire purchases, on the other hand, are marked 'New Library' (*Novaia Biblioteka*), to be found in none of the pre-fire donations. The system of dividing the primary collections into 'Old Library' and 'New Library' was evidently inherited from past times, originating in the terms *Libraria Magna* and *Libraria Parva* first introduced by Mohyla. Moreover, this system was still in use after the destruction in 1780. That the concept of 'Old' and 'New' libraries existed in the Academy is evident from the 1761 'Instructions to a newly appointed librarian'. This document specifies that serious attention should be paid to the avoidance of mixing the 'old' and 'new' books. According to the Tenth Article of the Instructions, 'books should be kept separately, with respective numbers and letters on each one being put accurately'.<sup>73</sup> Thus, there is enough circumstantial evidence to indicate that

<sup>72</sup> Kiev, IM NLU NASU, nos. 539/216 s, 601/257 s, 653/444 s, 655/447 s, 656/446 s, 662/454 s, 722/577 s.

<sup>73</sup> [Instructions to a newly appointed librarian], 1 July 1761, Kiev, IM NLU NASU, fond II,

Petulins'kyi's donation of 15 volumes (14 in Latin, one in Polish) belonged to the pre-1780 collection.

All in all, the number of volumes which have survived from a library which was renowned as one of the largest in the East Slavonic lands is pitifully small.

## II. Organisation

### *The librarians*

We know very little of those who were appointed librarians to the Academy. Sotnichenko claims that it was the Prefect of the Academy who was responsible for the library.<sup>74</sup> However, it stands to reason that the Prefect would have been so busy performing his primary duties that it would hardly have been possible for him to combine them with those of a librarian.<sup>75</sup> Petrov's view that 'the library had a librarian chosen from professors of the Academy'<sup>76</sup> is more credible, even though it needs a minor correction. In fact, librarians were chosen from among teachers (that is, those giving instruction up to and including the rhetoric grade) rather than professors (those teaching in the senior classes of philosophy and theology, who were clerics of higher standing, and usually the Rector and the Prefect themselves). Such a practice, moreover, accords well with that of other contemporary European educational institutions: it presupposed that the librarian's fellowship in the academic community was combined with his other duties.<sup>77</sup> Only six names of librarians have so far been found in archival sources: Dosyfei Haliakhovs'kyi, the teacher

---

no. 4226, f. 1v. By all appearances, the 'Old' library included the oldest and most valuable part of the Academy book collection, such as Mohyla's library and the other earliest collections acquired roughly during the first seventy years of its existence.

<sup>74</sup> It is interesting to note that Jesuit librarians were usually called 'library prefects'. It is very likely that either Sotnichenko himself or a source that he used in his article were misled by the usage of the word 'prefect' in some other source, probably the original one. Unfortunately, it is impossible to trace any of those sources because Sotnichenko made no reference at this point. Besides, there is one more relevant point: Feofan Prokopovych's 1721 *Dukhovnyi Reglament* (Spiritual Regulation) states: 'Prefects . . . should . . . annually submit registers of . . . students including their names, surnames and just attestations, compiled diligently according to the order and denomination of schools, to the library' (quoted in A. Krylovskii, *Kratkii istoricheskii ocherk biblioteki Kievskoi Dukhovnoi Akademii* (late nineteenth or early twentieth century), Kiev, IM NLU NASU, fond 184, no. 66, ff. 22v–23). It seems to be similar to the Jesuits' regulations obliging their librarians to keep records of academic exercises and activities which then largely contributed to the bibliography and history of their establishments (see P. S. Morrish, *Dr Higgs and Merton College Library: A Study in Seventeenth-Century Book-Collecting and Librarianship* (Leeds, 1988), [178], p. 42).

<sup>75</sup> The Prefect occupied the second administrative position in the Academy after the Rector, and was responsible for administering the teaching process: visiting lectures, controlling students' behaviour and looking after their living conditions. He was also a judge in any conflicts arising between professors and students (see Khizhniak (note 9), p. 145).

<sup>76</sup> *Akty i dokumenty* (note 7), II, 1, section 1, p. xxviii

<sup>77</sup> Morrish (note 74), pp. [171] 35, [179] 43–[182] 46.



of 'Senior Instruction', to August 1749;<sup>78</sup> his successor *Ierodiakon* Manasiia Maksymovych, 'the teacher of languages';<sup>79</sup> two librarians who worked concurrently being responsible for the 'Old' and the 'New' libraries respectively—Luka Korzhevych, the teacher of *Analogia*, and *Ieromonakh* Ruvim, the teacher of *Syntaxima*, before July 1761;<sup>80</sup> *Ieromonakh* Iasson, the teacher of 'Junior Instruction', who replaced these two from July 1761;<sup>81</sup> and *Ieromonakh* Il'ia Shumlevych, the teacher of *Syntaxima*, before September 1764.<sup>82</sup>

According to the 1761 'Instructions', the librarian's duties were as follows. He had to provide a thorough description of every book in the collection. A standard book description consisted of author and title, size ('*in folio* or *in quarto*, or *in octavo*, or smaller'), publishing data, the number of volumes or parts of a complete set, and physical condition. These data had to be added to the 'clean catalogue' (*chistoi katalog*).<sup>83</sup> The latter is mentioned in the text of the document along with the 'old catalogue' that was to be consulted in case of uncertainty about the class-marks for the books.<sup>84</sup> One can estimate the importance attached by the Academy authorities to a thorough description of books from the evidence of another archival document, a letter of thanks for a donation of books of 1767. It also refers to the old and new registers (not *catalogues*, in this case, although this is probably just a matter of choice of word). The letter indicates that compilation of the new register was still in progress, and that the assignation of class-marks to newly acquired books had been temporarily stopped until the new register was compiled.<sup>85</sup> It does not tell much, however, about the nature of those registers: whether they were catalogues in a proper sense with some kind of subject division, or just inventories of books listed in the sequence that they came into the library. The earliest post-fire

<sup>78</sup> [Collection of documents], Kiev, IM NLU NASU, DA/p. 221, 1, no. 22, fol. 289. Ever since Mohyla's time, the academic community was divided into Junior Congregation (*Malaia Kongregatsiia*; *sodales Minoris Congregationis*) and Senior Congregation (*Velikaia Kongregatsiia*; *sodales Majoris Congregationis*), for pupils of lower grades and for students of intermediate and senior classes together with teachers and professors of the Academy respectively. Members of the Junior and Senior Congregations were provided with weekly religious instruction of different levels: catechism or *Malaia Instruktsiia* (Junior Instruction) for the former and more advanced lectures on theological questions—*Velikaia Instruktsiia* (Senior Instruction)—for the latter. Special teachers were appointed for each Congregation (see Nikolai Nikitin, *O velikoi i maloi instruktsiakh Kievskoi akademii* (1908), Kiev, IM NLU NASU, Dis. no. 2015, 45).

<sup>79</sup> *Akty i dokumenty* (note 7), II, 1, section 1, p. 399.

<sup>80</sup> [Instructions to a newly appointed librarian], fond II, no. 4226, ff. 1–2. The structure of education at the Academy consisted of six lower classes: *Analogia*, *Infima*, *Grammatica*, *Syntaxima*, *Poetics*, *Rhetoric*; and two higher classes: *Philosophy* and *Theology* (see Bulgakov (note 2), p. 54).

<sup>81</sup> *Ibid.*; as well as fond 160, nos. 185–228 (bound as one), ff. 110v–111.

<sup>82</sup> IM NLU NASU, fond 160, nos. 185–228, f. 111.

<sup>83</sup> [Instructions to a newly appointed librarian], fond II, no. 4226, f. 1

<sup>84</sup> *Ibid.*, f. 1v.

<sup>85</sup> Samuil Mislavskii to Arsenii Mohylianskii, 2 August 1767, Kiev, IM NLU NASU, 444/605 s, f. 1.



catalogue of the Academy library compiled *ca.* 1791 by Irynei Fal'kovs'kyi (1762–1823) was structured according to a subject classification resembling that elaborated by Leibnitz, with ten classes: theology, law, medicine, philosophy, mathematics, physics, philology, history, literature, *miscellanea*.<sup>86</sup> This may well indicate that the 1791 catalogue merely reflected the structure of the library before the fire.

This evidence contradicts Mykytas's statement that 'an attempt to compile a comprehensive catalogue of the Academy book collection' was undertaken not earlier than the last decade of the eighteenth century (it is obviously Fal'kovs'kyi's catalogue that is meant).<sup>87</sup> Now there is documentary proof that at least in the mid-eighteenth century, that is before the 1780 fire, complete catalogues of the library holdings were already kept. Indeed, such a library simply could not have functioned normally had it been otherwise.

### *The maintenance of the library*

A few words should also be said on the arrangement of the Academy library's building and special care for the books. Making the bookcases and bookshelves conform to European library practices laid the basis for the so-called 'fixed' system of arranging books and their class-marking. According to this, a book was assigned to a certain place in a bookcase and on the shelf, and acquired a three-part shelfmark, where the first character, usually a letter, designated the bookcase, the second the shelf and the third the place of the book on it.<sup>88</sup> It seems that Kievan librarians omitted the second character of that three-part shelfmark, using a two-part one instead, which signified the bookcase and the order of the book on the shelf.

The considerable number of books in the library in addition to our knowledge of usual practices allow us to make provisional assumptions about the manner in which books were arranged on the shelves. Most probably, they stood on their bottom edges with their spines facing outwards. Thus the class-marks would have to be put on the books' spines. On the evidence of books examined by the author of the present article, shelfmarks were never put on the fore-edges of the volumes. On the other hand, the spines of all books and manuscripts from the Academy library that have survived to the present bear visible traces of small pieces of paper (in size about 2 in × 1.5 in) which must have been detached later. Presumably shelfmarks were written on these pieces

<sup>86</sup> For Fal'kovs'kyi's catalogue, see *Akty i dokumenty* (note 7), II, 5, pp. 300–470. Such a kind of classification was much in use, for instance, in neighbouring Poland. See, for comparison, the manuscript catalogue of Stanisław August Poniatowski's renowned *Collectio Regia* by his librarian, ex-Jesuit Jean Baptiste Albertrand (IM NLU NASU, fond 300, nos. 1–11).

<sup>87</sup> Mykytas' (note 8), p. 227.

<sup>88</sup> L. Vladimirov, *Vseobshchaia istoriia knigi: Drevnii mir, Srednevekov'e, Vozrozhdenie, XVIII vek* (Moscow, 1988), p. 196.

of paper and then removed after the library was completed and re-catalogued after the fire. There are also some grounds to believe that a kind of subject division was implemented in the library, but very little about this is known so far. If that was the case, then a brief note of author and/or title or subject may have been written under the class-mark. The remnants of such notes can still be observed on the spines of some books.

From the 1761 'Instructions' one can extract a slight idea of how the different parts of the library, i.e. the 'Old' and 'New' ones, looked. As we have already said, the library was situated for many years on the top floor of the St Boris and Gleb Church. The top floor of a church was normally a kind of tier or gallery at the apex of the church building. It is obvious from the text of the 'Instructions' that 'there were no special bookcases with locks' in the 'Old' library which, presumably, was furnished with simple bookshelves. It also seems that space was rather restricted, since they even had to put books 'under each window'. The 'New' library, on the contrary, seems to have been better suited for storing books, and less cramped.<sup>89</sup>

The Academy librarian was responsible for airing books by the simple means of opening the windows when the weather was suitable for doing so. At the same time, he had to protect them from damp caused by rain or snow that could come through the open windows. He was also to take care 'that everything was clean inside, and that the books were by all means protected from dust'.<sup>90</sup> Those people in Ukraine who themselves possessed large book collections and were educated abroad, such as Bishop Stefan Iavors'kyi (1658–1722), a former pupil of the Academy and later a prominent churchman and man of letters, had the opportunity of becoming acquainted with the way the books were cared for in European libraries. Iavors'kyi, having bequeathed his library to Nezhin Monastery, drew up a whole set of regulations on the care and usage of his books. He requested that a convenient storage area built of stone and having iron locks should be provided in case of fire. A trustworthy monk was to be appointed librarian; he had to take care that the books in the library were not too close to the walls so that they would not rot due to the natural humidity of the stone. In the summer when the weather was windy, he was to keep the windows open and the books aired, and also to take them out of the building and have them dried in the sunshine. It was especially emphasised that the books were by all means to be kept safe from decay and moths.<sup>91</sup>

### *Accessibility*

Just like the library of any similar educational establishment elsewhere in

<sup>89</sup> [Instructions to a newly appointed librarian], fond II, no. 4226, f. 1v.

<sup>90</sup> Ibid.

<sup>91</sup> S. Maslov, *Biblioteka Stefana Iavorskogo* (Kiev, 1914), pp. 42–43.



Europe, the library of the Kiev Academy was an elitist institution in terms of its accessibility. The 1761 'Instructions' bear witness to the fact that conditions for borrowing books from the library were strict even for professors and teachers of the Academy. It was impossible for a student to take a book out without the mediation of a teacher, and even then borrowing was restricted to the range of books determined by need for study in a particular subject ('Greek and Hebrew Pentateuchs, Greek Testaments, French lexicons, or various samples of writing'). The teacher had to borrow all books for the students, 'especially for the poorest ones', and then distribute them at his own discretion and on his full responsibility. When a book was lost, it resulted 'in the cost of reimbursement being levied on the teacher'.<sup>92</sup>

In order to borrow a book from the library, preliminary permission had to be sought from the Rector and then an obligatory short note extracted from the borrower in his own handwriting stating the agreed term when 'books should be returned to the library, regardless of who took them and without accepting any excuses'.<sup>93</sup> Furthermore, measures that provided a still larger degree of control over borrowing were undertaken, including the rule that 'two special laced books should be kept in the library, which recorded without any exceptions, one: books which have been taken from the library, and another: those returned or the reasons why they have not yet been returned'.<sup>94</sup> It should be mentioned, however, that general practices of borrowing books from college libraries were often in reality more liberal than the rules would suggest,<sup>95</sup> and this could well have been true of the library of the Kiev Academy, given the quantity of books that had originally belonged to it and were then found in a number of private and institutional libraries throughout the Russian Empire, having been brought there by former students and professors.

The evidence mentioned above, as well as a passage from the 'Instructions' stating that 'no stranger should be let into the library . . . without [special] permission from the Rector or the Prefect',<sup>96</sup> contradicts a private letter of 1724 published in the corpus of documents connected with the Kiev Academy in 1904, which maintains that 'the library was absolutely open for anybody who

<sup>92</sup> [Instructions to a newly appointed librarian], no. 4226, ff. 1–1v. It might have been this almost complete inaccessibility of the library to students (which obviously hindered effective learning) that led to the foundation of the *bursa* library by the Academy's former alumni, characteristically mostly laymen and representatives of professions that required some advanced modern learning.

<sup>93</sup> [Instructions to a newly appointed librarian], f. 1.

<sup>94</sup> Ibid., f. 1v.

<sup>95</sup> See S. Bush and C. J. Rasmussen, *The Library of Emmanuel College, Cambridge, 1584–1637* (Cambridge, 1986), pp. 35–37.

<sup>96</sup> [Instructions to a newly appointed librarian], f. 1v. The next article of the 'Instructions' mentions that in case a noble person were eager to see the library, the librarian should keep everything inside clear. This, however, would not necessarily mean that even high-ranking people were granted free access to the library.

wished to use it'.<sup>97</sup> What grounds there are for such an emphatic attitude is difficult to say. It is unlikely that the library regulations could have been so much more liberal in the 1720s than they were in 1761. On the other hand, this cannot be proved definitively as no instructions earlier than those of 1761 are known to survive. Whatever the case, the library of the Kiev Academy cannot be regarded as accessible to those beyond the membership of the academic congregation.

★   ★   ★   ★   ★

Thus, with careful sifting of surviving evidence, it is possible to gain a relatively clear idea of the Mohyla Academy library between 1632 and 1780, and to see that, in many respects, it followed the same general pattern of development as other European college and university libraries of the same period. Notably, it was similar to other libraries in that the principal source of acquisitions was from private donations. Practically every European university library of the period had to live and work without a fixed income, and its collections were dependent on the nature of the contributions the library happened to receive. On the one hand, the practice of graduates and fellows making bequests to the libraries of educational institutions, in thanks for the benefits they had received, enabled significant expansion of library collections. On the other hand, this did not always produce a well-balanced library.

Considering the crucial role that the Mohyla Academy library played in the cultural development of seventeenth- and eighteenth-century Ukraine, it is surprising that its history has been so little studied. The library had, after all, the first and, for the period under question, the most important holdings of West European books in the East Slavonic lands. Thus, Ukraine was more exposed to the cultural changes that occurred as the result of the substitution of the printed book for the manuscript codex than were other parts of the East Slavonic lands (notably Russia). Consequently, the library enabled Kievan intellectuals to encounter the consequences of the European print revolution and to discover a notably different cultural paradigm. Moreover, the transformation engendered by this encounter was very rapid and largely skipped the stages passed through in Western Europe. This topic, which could help to extend and to qualify existing approaches to the history of the book, deserves further exploration.

<sup>97</sup> *Akty i dokumenty* (note 7), II, 1, section 1, p. 398.



# Printing, Publishing and the Book Trade in Estonia: Historical Aspects

Armin Hetzer

## Introduction: The State of Research

The history of the book in Estonia has been the subject of considerable study, although this has been devoted predominantly to books in the Estonian language. Puksoo's monograph of 1933,<sup>1</sup> still not superseded, contains an excellent German summary, so that—with a few qualifications—a well-grounded overview is provided for the period up to 1930 on the basis of this work alone. The collective publication edited by J. Peegel<sup>2</sup> was published to commemorate the 450th anniversary of the confiscation of a pamphlet which is believed to have contained an Estonian text, and shares some of the weaknesses of works issued during the Soviet period. However, another smaller book<sup>3</sup> has subsequently appeared in 1993 which supplements or corrects those points which could not be placed in their proper light in 1975, so the 1978 book is still of value. The project aimed at compiling an Estonian retrospective national bibliography has already made considerable progress. A volume recording foreign-language periodicals published in Estonia has now appeared,<sup>4</sup> and bibliographical data for foreign-language monographs is already in existence as a card file. We can therefore make precise statements about what was published in Estonian between the seventeenth and nineteenth centuries in foreign languages, chiefly German and Russian. As regards the nature and scale of book imports, Mare Lott believes that the booksellers' inventories and account books which survive in the Tallinn city archives throw light on this question. The latest publication on the subject is also a collective work, this time in Swedish, published by Helsinki University Library. It contains contributions from seven authors, born between 1915 and 1937, on 'The Estonian book through the centuries'.<sup>5</sup>

### 1. The Period of Confessionalism and the Enlightenment

The earliest surviving printed texts in Estonian were exclusively religious in character and dedicated to the dissemination of the faith. Both Lutheran and Catholic catechisms exist from the time of the Reformation and Counter-

<sup>1</sup> Puksov [sic], Friedrich, *Eesti raamatu arengulugu*. 1933.

<sup>2</sup> *Eesti raamat 1525–1975*. 1978.

<sup>3</sup> Lott, M. and A. Möldre, *A brief history of Estonian book*. 1993.

<sup>4</sup> Annus, E. (ed.), *Eestis ilmunud saksa-, vene- ja muukeelne perioodika 1675–1940*. 1993.

<sup>5</sup> *Den Estniska Boken genom seklerna*. Helsingfors, 1995. Due to the length of time taken to print the book, the contributions reflect the state of research in about 1990.

Reformation. A note relating to the year 1525 has been interpreted as indicating that a Reformist publication in Estonian had been printed in Germany as early as that year: it had then been confiscated in Lübeck and publicly destroyed. In 1535 a catechism was published in Wittenberg, of which eleven fragments including the imprint survive. This is probably the first reliable evidence of printing in Estonian: the so-called Wanradt-Köll Catechism, which must have been bilingual, with Low German for the pastor and Estonian for his parishioners.<sup>6</sup> Bilingual editions remained the rule during the centuries which followed, although Low German had given place to High German by around 1560.<sup>7</sup> In 1585 a Catholic catechism in Estonian was printed in Vilnius for the use of the Jesuit community in Dorpat (Tartu). There followed in 1622 the *Agenda Parva*, printed in Braunsberg (Braniewo), with the texts of church services in all the languages of Livonia, i.e. Estonian, Latvian, German and Polish. It can be asserted that there was no Catholic printer at work in Livonia; and that, during the short period of Polish rule, Catholics there had their publications printed in neighbouring Lithuania or the bishopric of Warmia (Ermland).

In 1639 there appeared an Estonian grammar (pages 1–33) and dictionary (pages 34–134). Its purpose, naturally, was not primarily philological but rather to serve as an introduction for clergy to the language of their parishioners.<sup>8</sup> In 1648 there followed an Estonian grammar by Johann Gutslaff, who also wrote a ‘short report’ (*Kurtzer Bericht*) on superstition among the Estonians which is of documentary value for the study of folklore. The earliest surviving Estonian school primer carries the date 1694. A New Testament was printed in Reval (Tallinn) in 1715, a complete Bible in 1739, and Estonian calendars appeared regularly from 1781 onwards. In all, about 400 titles in Estonian were issued during the eighteenth century, the majority of which can be classed as minor publications. Even the journal *Lühike õpetus* (1766) was printed in small quarto format, as was usual for Baltic journals of the time.

One factor which hindered the development of publishing was the fact that Estonian was initially printed in two variants: North Estonian in Reval and

<sup>6</sup> It was only in 1929 that the fragments concerned were found in the binding material of a later book. Reimo and Robert (1992), p. 20.

<sup>7</sup> 1560 is regarded as the date when High German was introduced for official usage in Reval/Tallinn. Low German remained in use much longer for local publications and as a spoken language, and Low German Reformist writing is therefore encountered well into the seventeenth century.

<sup>8</sup> On the title-page of Heinrich Stahl’s grammar (Reval, 1637) are the words: ‘[...] auff Wolgemeinten Rath/ vnd Bittliches Ersuchen/ publiciret’ (‘[...] published in response to well-intentioned advice and pressing entreaties’). The title-page of the grammar published in Halle in 1732 carries this unambiguous wording: ‘Denen/ welche das Evangelium Christi der Ehstnischen Nation deutlich und verständlich zu predigen von GOTT beruffen werden [...]’ (‘For those called by God to preach the Gospel of Christ clearly and intelligibly to the Estonian nation’).



South Estonian in Dorpat. The South Estonian New Testament of 1686 was, however, printed in Riga. Since the cities of Reval and Dorpat belonged at times to different political entities, the parallel development of two varieties of the written language is understandable, reflecting as it did the desire to create a written language as close as possible to the popular language for purposes of religious instruction. Eventually this contest was won by North Estonian, enabling the dualism to be ended during the eighteenth century. There followed various orthographic reforms, marking stages in the development of a single Estonian written language. Use of the *Fraktur* ('Gothic') typeface, copied from the Germans, persisted until it was replaced by the Roman typeface during the period of independence after 1917. *Fraktur* is still not uncommonly used in Estonia even now for purposes of emphasis.

Out of concern for popular education, Bengt G. Forselius set up a school in the seventeenth century which has been called a 'teachers' seminary'. This idealised description has been refuted by Alvar Põldvee, who has established that Forselius' school in Dorpat existed for no more than two years, and that it was little different from other 'peasant schools' of the time. Archival sources are in any event extremely scanty, so we can expect the picture of Forselius created in the nineteenth century to persist.

The 'House and Church Book' (*Koddo ning Kirko Ramat*), published in 1721, was printed in Halle to the order of the Reval Lutheran Consistory. In this instance, therefore, an order was placed abroad even though printing facilities were available at the Reval High School Printing House (*Gymnasial-druckerei*). On the other hand, it is worth noting that from early times Reval was a chosen location for printing books and official documents which went 'abroad' to Finland or Russia. Finland, like Estonia (1634–1710), belonged to the Kingdom of Sweden, and after 1710 Estonia belonged to Russia. Finnish and Russian publications printed in Reval can therefore be regarded as exports only with some reservations. Even so, it is a tribute to the standards of the Reval printers that they were entrusted with orders from further afield. In 1783 the Russian government permitted private printing establishments to be set up, thus giving a stimulus to the trade.

In earlier times printers and bookbinders often also acted as booksellers. Book traders are occasionally attested in the fifteenth century, but it was only from the seventeenth century onwards that bookbinders regularly functioned as booksellers; that is, that they held the privilege of selling the books which they had sewn or bound, while the printers supplied only unbound sheets. At that time it was hardly possible to make a living from bookselling, hence its occurrence as a sideline. There were also travelling book traders from Lübeck and Riga who came to sell their wares in Estonia. In the countryside, publications were sold by sacristans and schoolteachers, since virtually all the books were for use either in the school or in the church. There were certainly

some remarkable occupational combinations: for example, a bookbinder is attested in Pernau (Pärnu) in 1690 who also worked as a sacristan. Bookbinders held the exclusive right to sell calendars, but the so-called 'peasant traders' (*Bauernhändler*) also sold such secular publications in the countryside.

In 1766 the first journal in Estonian was published by Wilde under the title *Lühike õpetus* ('Short instruction').<sup>9</sup> It should be mentioned that there were several lending libraries before the end of the eighteenth century: the first was founded in Reval in 1777, and one in Dorpat in 1786. They offered recreational literature, which was not tolerated either in scholarly libraries or in the churches, but which met a demand for information. There appears to have been no reading society (*Lesegesellschaft*) on the lines of those in Northern Germany.

We may take it that the majority of publications sold in Estonia up to the end of the eighteenth century were initially in Latin and later, increasingly, in German. Certainly only a proportion of these were produced in Estonia itself, and there must have been a considerable import trade, in the first place from Riga and secondly from Germany. The books now preserved in the 'Baltica' collection of the Estonian Academy of Sciences must have come into the country somehow, and most of them were not printed in Estonia. By contrast, the 'export' trade was of limited importance, if we regard as exports those publications which went to Finland or Russia. These were titles printed to order which were not offered for sale in Estonia. They were produced in Reval because the printing-houses there were technically well equipped; but—unlike the modern conception of book exports—not even a portion of the print runs were sold on the home market.

## 2. The Period of the 'National Rebirth' and the Inter-War Republic

Materials for the study of folklore had been gathered sporadically in earlier centuries, chiefly by parish clergy, since they were the only educated people who came into contact with the populace. The Enlightenment, however, led the educated classes to approach the populace deliberately in order to refine their morals and equip them with practical skills. This was how, all across Europe, there arose the first collections which provided the raw material for the Romantic movement. Herder, when he published his *Stimmen der Völker in Liedern*, included in it texts from Estonia which he must, of course, have received from local informants. In the nineteenth century, enthusiasm for 'the people' reached such a pitch that a national epic poem, Kreutzwald's *Kalevipoeg* ('Kalev's son'), was composed from elements of authentic folklore.

<sup>9</sup> P. E. Wilde was a German from Latvia: the clergyman A. W. Hupel translated the entire journal into Estonian for him. Wilde published a similar journal in Latvian, likewise influenced by the spirit of the Enlightenment.



Between 1857 and 1861 it appeared in instalments bilingually in German and Estonian, and then in 1862 was published as a book—in Estonian only—in Kuopio (Finland) due to the constraints of censorship. The Estonian Learned Society (*Gelehrte Ehstländische Gesellschaft*) was founded in 1838<sup>10</sup> and concerned itself, among other things, with disseminating publications in rural areas. In 1842 there followed the founding of the Estonian Literary Society (*Estländische Literarische Gesellschaft*); and in 1872 the Estonian Writers' Association (*Estnischer Schriftstellerverband* / *Eesti kirjameeste Selts*) was established, which existed until 1893. A little later, a cultural society was formed with the mythological name of 'Vanemuine' (corresponding in Estonian to Väinämöinen, leader of the 'sons of Kaleva' in the *Kalevala*). For popular reading at that time there was a predilection for translating improving stories, such as the Geneviève legend, from German into Estonian.

The first half of the nineteenth century was, then, a period of preparation in which the ideological and organisational foundations for the development of a national body of writing began to be laid. In the second half it was then a matter of finding genuine adherents among the people—that is, actual readers. Miroslav Hroch (1968: 74–76), who has made a comparative study of the social composition of those supporting national movements from Scandinavia to Slovakia, distinguishes several phases in this development. For the so-called Phase B he has made an analysis of those who supported particular journals, and of the membership of patriotic associations. He has identified a very striking growth in the membership of the Estonian Writers' Association (*Eesti kirjameeste Selts*) around 1880: in 1882, for example, teachers accounted for only 24.3% of members, compared with 50% in 1878.<sup>11</sup> This means that within four years the proportion of peasants in the association's membership had risen by 10.3%, from 9.3% to 19.6%. A similar though not identical picture emerges from the analysis of those supporting the journal *Sakala*, founded by Carl Robert Jakobson (1841–1882).<sup>12</sup> As against 170 peasants there were 175

<sup>10</sup> The Latin form of its title was *Societas Litterarum Esthoniae*, and its seat was in Dorpat. There are several German versions of the title; in the twentieth century the society received the Estonian title *Õpetatud Eesti Selts*, and survived under this name right into the Soviet period until 1950. From 1842 to 1940 there was also an Estonian Literary Society (*Estländische Literarische Gesellschaft* / *Eestimaa Kirjanduse Ühing*) with its seat in Reval. From 1907 to 1940 the Estonian Literature Society (*Estnische Literaturgesellschaft* / *Eesti Kirjanduse Selts*) existed in Dorpat. See Kalvik (1995), p.116 f; Reimo & Robert (1992), p.16 f.

<sup>11</sup> Hroch writes 'Estnische Literarische Gesellschaft' in his German text, but it is clear from his footnote 54 that the *Eesti Kirjameeste Selts* is meant. Owing to the similarity of the names, which may be transmitted in either their German or their Estonian forms, it is easy for confusion to arise over which association is being referred to.

<sup>12</sup> Hroch relies on a study published by the Academy of Sciences in Tallinn in 1965, in which Ea Jansen examined the partially preserved archive of *Sakala*'s editorial correspondence (Ea Jansen, '“Sakala” kaastöölise sotsiaalsest ja kutsselisest jagunemisest', *Eesti NSV Teaduste Akademia Toimetised*, 14 (1965), p. 435 ff.). The term 'supporter' (*Mitarbeiter*) has been taken from the Estonian

teachers, the latter working predominantly in rural areas. Hroch draws from this the conclusion that the growth of the national movement took place in the countryside and especially in the south, centring on Viljandi (Fellin): 39% of *Sakala*'s supporters were to be found in a district inhabited by only 17% of the Estonian-speaking population (Hroch 1968: 78 f.). According to this interpretation, Estonian national consciousness had already taken shape before the Estonian-speaking population formed a majority in the larger towns such as Reval, Dorpat, Pernau and Narva; and the vehicles for this process were patriotic and instructional newspapers, journals and pamphlets, harrassed though they were from the beginning by the Russian censorship.

In 1857 the 'Pernau Messenger' (*Perno Postimees*) began appearing, actively seeking Estonian-speaking readers. Its publisher, J. W. Jannsen, had in fact spent twelve years in his efforts to obtain the necessary licence from the Russian authorities. The Tsarist authorities had issued a decree on censorship in 1804, which replaced the earlier regulations dating from the time of Swedish rule. It was intended, on the one hand, to prevent the publication of undesirable material, and on the other to promote material which was approved by the state.<sup>13</sup> The censorship rejected without inspection foreign publications dealing with Russia and its component regions—hence, for our present purposes, Rossica and Baltica. As may be seen from the relevant holdings in the Library of the Academy of Sciences in Tallinn (the Baltica collection) and in the Rossica section of the Russian National Library in St. Petersburg, such works were heavily collected—but only for official purposes or for the private libraries of the nobility. In Reval the Knights of Estonia (*Estländische Ritterschaft*) collected foreign Baltica among other things; and the Monrepos Castle collection in Helsinki University Library,<sup>14</sup> which came from Viipuri (Vyborg), shows that the nobles preferred to acquire 'subversive' publications in French. It should be recalled here that Catherine II acquired Voltaire's private collection for her court library. Indeed, it could be said that in general the Russian censorship followed the principle of *quod licet Iovi, non licet bovi*. Its attitude was just as contradictory as that of Soviet cultural policy later, which applied designations of secrecy to all possible subject areas even though the information concerned had to be used for official purposes. A system arose, therefore, of graduated privileges of access to information.

The question now arises of how officially prohibited publications came into

---

*kaastöö*, and has to be understood within the context of the archival source material: it covers both contributors of material and subscribers.

<sup>13</sup> Salupere, Malle, 'Einiges über die Zensur im Zarenreich Russland' (résumé), in: *Tsensor Eesti raamatukogus* (Tallinn, 1991), pp. 20 f.

<sup>14</sup> The rare book collections, which include that of Monrepos, are at present housed in the basement of the university's administration building. They will not be found in the historical main building of the University Library in Unioninkatu.



the country: in this case, into the library of the *Estländische Ritterschaft*, whence it was transferred to the Library of the Academy of Sciences only after the Second World War. There are three possibilities: (1) through the regular book trade, which was commissioned to obtain the titles concerned on the foreign book market; (2) through professional smuggling by private individuals; or (3) through the purchase of books on journeys abroad by members of the nobility, who then took them home. At present the question cannot be answered from available sources, and remains open.

There had for a time been no higher educational institution in Estonia, and an important event in the country's cultural development was the reopening of the University of Dorpat in 1802. The Swedish Academia Gustaviana had initially (1699) been evacuated to Pernau during the Northern War, but then had to cease its activity in Estonia entirely. Higher educational institutions, including the University of Dorpat, were either German- or Russian-speaking until independence in the twentieth century. With the exception of the desperate attempts at Russification at the end of the nineteenth century, academic life in Estonia remained heavily influenced by the use of German. The 'grass-roots' work of the National Romantics bore fruit only decades later, but then all the more lastingly.

The printing trade remained in German hands. The first lithographic printer began work in 1833, and in 1846 the first powered press was set up by Laakmann in Dorpat. In Reval a second printing-house (Gressel) was opened in 1802 in addition to the *Gymnasialdruckerei*, then in 1852 a third (Diesfeldt, sold to Assafrey in 1862). The fourth printing-house was the *guberniia* printer, opened in 1858. By 1880 there were nine printing-houses in Reval. In Dorpat at least two other printers were in operation besides Laakmann, and between 1840 and 1880 Laakmann printed one-third of the 'national output', that is, of the country's Estonian-language publications. Several lithographic works were active: eleven in the country as a whole by 1880, with four of those in Reval. In 1878 eight power and hand presses were active in Dorpat. The first type-foundry in Estonia was that of the Reval printers Lindfors Erben in 1861. From the 1880s onwards the number of printing-houses under Estonian control rose to the point where they outnumbered the German ones. In 1881 only 32% of workers in the printing trade were Estonians, but this had risen to 70% by 1890. The relative urbanisation, which followed upon the liberation of the peasants and industrialisation, showed above all in the population growth of Tallinn (at that time still officially called Reval—Revel' in Russian); and the proportions of nationalities represented shifted accordingly (Thomson 1979: 103):

	<i>Inhabitants</i>	<i>Estonians</i>	<i>Germans</i>	<i>Russians</i>
1816	11,983	4,000	5,000	2,000
1871		15,097	10,020	3,300
1897	64,572	40,301	10,382	10,318
1917	159,193			
1938	145,191			

Such a growth in the population inevitably affected the development of the printing trade, due to an increasing demand—in absolute and relative terms—for publications in Estonian. In 1927 there were 1,115 men and 614 women employed in printing. The most widely noticeable development after 1880 was that nationalistically inclined Estonians took up printing without themselves being fully trained printers. The rising number of printing-houses is striking:

1890	30
1900	44
1910	58
1930	94

Since this small country had less than a million inhabitants, the high density of printing-houses resulted in a large amount of printed matter being placed on the market. In 1913 there were over 700 titles published.<sup>15</sup> Use of the most modern technology contributed to this. In 1906 A. Pert, publisher of the newspaper *Päevaleht*, bought the first rotary press, and in 1909 the first composing machine (whether Linotype or Monotype is not known). In 1930 nine rotary presses, 46 composing machines and 162 powered presses were at work in Estonia. At that time the largest printing-house was the State Printers (*Staatsdruckerei*) in Reval, which employed 200 workers. This was, in fact, the successor to the *Gymnasialdruckerei* and could therefore look back on a tradition some 300 years long.

The revolution of 1905 in the Russian Empire gave rise to the printing and dissemination of socialist publications in Estonian. These were leaflets and pamphlets: even Karl Marx's *Das Kapital* was distributed in a series of pamphlets. J. Lilienbach's publishing-house 'Mõte' ('The Idea') gained a name for the production and sale of socialist literature. Later, during the period of the inter-war Republic of Estonia, the Communists were still operating as an underground organisation, and their publications were produced in the Soviet Union and smuggled into Estonia. In Petrograd/Leningrad there were the 'Külvaja' publishing-house (the successor to Lilienbach's 'Mõte') and the Estonian Publishing Association. During the 1930s there were specialist

<sup>15</sup> Lott/Möldre (1993), p. 13.



publishers in Moscow whose output included books in Estonian. Altogether, 1,100 Estonian book and pamphlet titles appeared in the Soviet Union before the Second World War, among them the works of V. I. Lenin.

In inter-war Estonia, particular importance was attached to the design of books. Whereas books and pamphlets had needed first and foremost to be cheap—and hence largely unadorned—during the time of the national movement and under conditions of illegality, from the turn of the century onwards attention was deliberately devoted to their attractive appearance. Except for schoolbooks, however, they were generally published without a hard cover (i.e. paperbound). The journal *Noor Eesti* ('Young Estonia') displayed artistically designed title-pages typical of Art Nouveau which were the equal of similar work by the German Insel-Verlag. Under the bourgeois Republic the style shifted towards Expressionism and the *Neue Sachlichkeit*. The prestige works published during the 1930s, such as the eight-volume *Eesti Entsüklopeedia* (EE, 1932–1937), the *Eesti biograafiline leksikon*, and the three-volume publications *Eesti ajalugu* ('Estonian history') and *Eesti rahva ajalugu* ('History of the Estonian people'), showed appropriate care and taste in their design. In 1935, on the four-hundredth anniversary of the 1535 catechism, a series of commemorative publications appeared, and the national epic *Kalevipoeg* was published in an edition of high artistic quality<sup>16</sup> which is still regarded by its admirers as unsurpassed.

The Estonian written language underwent several attempts at reform and standardisation, beginning with the publication of the first grammar (Stahl's of 1637). The orthography devised by B. G. Forselius remained for more than a century as a standard for the North Estonian dialect, in which most publications were printed. Eduard Ahrens carried out a reform in 1843, under the influence of Finnish, but the most sustained intervention was made by Johannes Aavik (b. 1880) after the First World War.<sup>17</sup> In 1924 he published in Tartu a work on language renewal which had been written in 1914–18. In it he set out his principles for a reform of the language, which had the aims of, firstly, eliminating unnecessary foreign words and, secondly, forming new words which fitted the structure of Estonian. Aavik created over 300 new words, of which 30–40 have made their way into the written language. The ultimate consequence of this reform in practical terms was the final separation of Estonian from German as a pattern. Its word-formation and syntax were to be modelled more on those of its Finno-Ugrian sister languages.

In the first half of the nineteenth century, professional booksellers in Estonia did not deal in Estonian-language books but stocked only works in foreign languages such as German or Russian. There have so far been no studies

<sup>16</sup> Printed in 10,000 copies. Decoration by Hando Mugasto and Kristjan Raud. Lott/Möldre (1993), p. 17.

<sup>17</sup> Cf. Vihma, Helgi (ed.), *Keelreform ja raamat* (Tallinn, 1993), esp. pp. 192–196.

of the scale on which such books were imported or sold in Estonia. Books in Estonian were traditionally sold through sacristans, teachers or travelling booksellers. It has been stated that there were still some 50 firms of travelling booksellers in 1900: they received a discount from the publishers of 50–60% on Estonian books. Peripatetic bookselling diminished as permanent bookshops were established in rural areas after the turn of the century. Bookshops had been set up in some towns, besides Reval and Dorpat, by the middle of the nineteenth century. In 1870 there were eleven in the country as a whole, but 38 by 1880, including 11 in Reval and 10 in Dorpat. By that time three-fifths were Estonian concerns. Just as the Estonians took over the printing trade, so during the same period the expanding bookselling business was taken over by representatives of the majority population. By 1903 there were 170 bookshops in the country; that is, one for every 6,000 inhabitants. It should be noted, nevertheless, that these were not professional booksellers but shops which dealt in a mixture of books, paper and writing materials, and often in other stationery for school and office use.

Those volumes of the retrospective national bibliography (edited by Annus) which are to record foreign-language monographs published in Estonia have not yet appeared. Some figures for periodicals are therefore given here to illustrate the proportions of German- and Russian-language titles.<sup>18</sup> Annus lists 384 German periodicals (that is, newspapers and journals) compared with 270 in Russian, i.e. a ratio of 59:41. The chronological index allows us to see how many years are covered by each title, and from what point Russian periodicals begin to appear in larger numbers. We can say that, generally speaking, the growth in Russian periodicals can be seen to parallel the rising proportion of Russian inhabitants in the towns (cf. the table for Reval above). The short-lived *Raduga* appeared in Reval in 1832–33, and the equally short-lived scholarly journal *Uchebnyi matematicheskii zhurnal* in 1833–34. The publisher of *Raduga* was Andrei Ivanovich Biurger (1804–88)—a name which does not sound very Russian. The same applies to the publisher of the mathematical journal, Karl Genrikh Kupfer (1789–1838). Up to 1902, according to Annus' data, only 51 Russian periodical titles appeared in all, most of them short-lived. It can therefore be said that the rise of Russian publishing in Estonia is a twentieth-century phenomenon. At the same time it should be remarked that there was an abrupt falling-off after 1920. It was probably the presence in Estonia of Russians with anti-Communist leanings which enabled Russian-

<sup>18</sup> The figures are not very reliable for our purpose, because (a) they include periodicals relating to the Baltic area but published in Western Europe (Paris, London, Berlin, etc.); and (b) titles published in the Latvian towns of Mitau (Jelgava), Libau (Liepāja) and Riga are 'selectively' included. Annus lists almost as many periodicals published in Riga as in Reval. This naturally influences the statistics; but because Russian publications from Riga are also included, the ratio between German and Russian is scarcely affected although the absolute figures would need to be verified.



language publishing to survive in Estonia until 1939.

### 3. The Years of Soviet Rule

In the supplementary protocol to the so-called Hitler–Stalin Pact, the three Baltic states were assigned to the Soviet sphere of influence. The Baltic Germans, who had lost their social pre-eminence under the bourgeois Republic, were deported; and after the German Reich's attack on Poland an attempt was made to resettle them in the Posen (Poznań)/West Prussia region in order to strengthen the German element there. On 17 June 1940 the USSR invaded Estonia,<sup>19</sup> and during July and August 1941 the German armed forces occupied the country. There followed some two-and-a-half years of dubious freedom, then in September 1944 the Soviets reoccupied it. In 1940–41, and again in the years immediately after 1944, large numbers of the Estonian intelligentsia fell victim to the Stalinist terror. All this had a marked effect on the cultural development of the following 45 years. The deportation of the Baltic Germans, and the repeated changes of occupying power, had a direct impact on libraries and on the book trade, including the contents of publishers' warehouses.<sup>20</sup> The books left behind by the Baltic Germans and the deported Estonians, as well as the holdings of public and school libraries, etc., were collected up by the Russians to be destroyed.<sup>21</sup> In the interim (1941–1944) the German occupiers naturally confiscated 'Bolshevik' publications, resulting overall in something approaching a clean sweep of the cultural infrastructure. Out of 99 publishing-houses only five survived, and only 30 out of 98 printing concerns. Censorship reached a previously unknown level of severity.<sup>22</sup>

The USSR then did its utmost to bring Estonia ideologically into line. As early as 1944–45, 580 book and pamphlet titles with the new orientation were issued. It should be noted that the immediate post-war period was the time of the *Zhdanovshchina*—years which even in the heartlands of the USSR were regarded as a cultural Ice Age. It was not until the mid-1950s, after Khrushchev had initiated de-Stalinisation, that the general climate temporarily altered and—still within closely defined limits—made possible a cultural life which was not centred exclusively on the cult of personality. During the so-called period of stagnation, i.e. from Brezhnev's assump-

<sup>19</sup> Laar, M. et al., *Ocherki istorii estonskogo naroda* (Tallinn, Kupar, 1992), p. 158.

<sup>20</sup> Ainz, Anne, 'Über die Provenienz der Bücher des Reservbestandes [sic] der Estnischen Nationalbibliothek', in: *Tsensor Eesti raamatukogus* (Tallinn, 1991), pp. 150–153.

<sup>21</sup> By passive resistance the Estonians opposed, on the one hand, the Nazis' order to transfer the nation's book treasures to the Reich in 1943–44, and on the other, the Russians' order to destroy all confiscated books. In this way significantly more was saved for the country (partly by concealment) than was the case, for example, in neighbouring Latvia.

<sup>22</sup> Jürman, Hans (ed.), *Tsensor Eesti raamatukogus. Uurimusi eesti raamatukogunduse ajaloost 3* (Tallinn, 1991).

tion of power to Gorbachev's accession (1968–1985), cultural policy again assumed a harder line. Nevertheless it did prove possible to bring some considerable projects to fruition, such as the 'Estonian Soviet Encyclopedia' (*Eesti Nõukogude Entsuklopeedia*—*ENE*). This is now being published in a revised edition and has reached volume 8, although from volume 6 onwards with the old title of *EE*. The *N* for 'Soviet' (*Nõukogude*) was dropped in the course of the revision, so that technically this multi-volume work has undergone a change of title.

During the second half of the 1950s, over 500 titles per year were appearing in Estonia, half of which were by Estonian authors: that is, were not translated. The tradition of artistic book design was revived at that time, with an annual competition for the 25 best combinations of typography, binding and jacket. It was only then that hard covers became standard, whereas before the war books had been supplied paper-bound from the publishers. In 1963 a State Publishing Committee was set up, attached to the Council of Ministers of the Estonian SSR. This became the organisational and economic lever for incorporating book production and distribution into the Soviet command economy. All the disadvantages of centralised economic planning came with it: inflexibility, delays and so on. There were in principle only two publishers: *Eesti Raamat* ('Estonian Book') and *Valgus* ('Light'). The former concentrated on fiction, the latter on non-fiction. Even so, the number of titles published rose to 2,000 per year: in 1974 there were 2,391 titles in a total of 15.3 million copies: that is, ten copies per head of population. There was one bookselling kiosk for every 13,000 inhabitants. Of the 85,000 titles in Estonian printed since 1535, 44,000—more than half—appeared between 1945 and 1975.

Estonian writers comment nowadays that the figures for 1975 do not stand comparison with those of other countries. In Finland 8,930 titles were published in 1985, compared with 1,976 in Estonia. In any case, large print-runs were characteristic of the Soviet period; at the end of the 1970s the average was 8,000 copies per title, which was at least four times the pre-war average and about double the average print-run for fiction in Norway (Lott/Möldre 1993: 20). As regards the comparatively low proportion of non-fiction in Soviet Estonian book production, it has to be borne in mind that coverage of most subjects was provided in Russian throughout the Soviet Union. This was not the case before the Second World War, nor is it likely to be so in the future; but it must also be anticipated that many scientific and technical topics will simply be treated in English instead of in Russian. It remains doubtful whether the national language will be capable of gaining a hold or asserting itself in all subject areas.



#### 4. Future Prospects

Since Estonia's complete separation from the USSR in 1991, and hence from the rouble currency area, book publishing there has experienced the same turbulent changes as it has in other formerly socialist countries, especially in Russia. At the end of 1991 there were 750 'publishers' issuing books or journals. This figure included bodies which were only secondarily concerned with publishing books, such as scholarly institutions and artists' associations. Many of these new 'publishers' are bringing out no more than perhaps three or five titles before being dissolved due to shortage of capital. Since a system of free pricing is in force, we can expect in the longer term a trend towards greater concentration of ownership in the market.

One serious problem for Estonia, as for all three Baltic states, is the persisting high proportion (despite gradual emigration) of residents who have Russian as their mother tongue. It might be said optimistically that a group of Baltic Russians is now developing, analogous to the former Baltic Germans. This is a false comparison, however, for more than one reason. The Baltic Germans formed an incomplete community: they were an upper stratum without any peasant substructure. The Russians, by contrast, do form a complete society, though admittedly with its greatest concentration among the industrial workers. They have been represented at all levels of the social pyramid: professors, doctors, artists, soldiers, technicians and skilled workers as well as industrial workers; but the latter have now generally been reduced to dependence on social security since the concerns which formerly employed them have been forced to close.

The process of absorbing these people has made considerable headway in Estonia, in the first place because at least 25% of Estonian Russians must have voted for independence in the referendum, and secondly because the younger Russians can as a rule pass the necessary language tests and then obtain Estonian citizenship. At the same time the Russians are allowed a kind of linguistic autonomy, most obviously in the shape of a number of radio channels and several hours of broadcasting time on the state television. Estonian Russians can also receive several channels of Russian television by cable. In addition there are numerous Russian newspapers published in Tallinn, and even today literary journals are produced for more elevated tastes (*Tallinn* since 1978 and *Raduga/Vikerkaar* since 1986) besides scholarly monographs and reference works. The 'Aleksandra' publishing-house is worth mentioning, devoted as it is exclusively to issuing works in Russian (e.g. those of Iurii Lotman); and works on Estonian history and culture are frequently published in parallel Estonian and Russian editions. Not least significant is the fact that the import of recreational literature and video cassettes from Russia flourishes without hindrance. The cultural scene (including the theatre) is therefore still

bilingual, and is likely to remain so—as far as we can judge—for as long as the generation of those not able or willing to learn Estonian can still articulate their cultural requirements.

In order not to minimize the conflicts between the two communities, it should be said that in general they live side-by-side rather than together. So far as our subject is concerned, it can be affirmed that there is scarcely a bookshop or kiosk in the country which does not offer Russian books and periodicals besides Estonian ones. However, the volume and the distribution channels of the Russian portion may prove as difficult to describe accurately as they currently are in Russia itself, because there are non-specialists busily at work in this sector who—to put it mildly—do not shrink from very unconventional ways of making money.

Translated from German by Gregory Walker

#### BIBLIOGRAPHY

- Annus, E., ed. *Eestis ilmunud saksa-, vene- ja muukeelne perioodika 1675–1940*. (Eesti retrospektiivne rahvusbibliograafia. V osa). Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Raamatukogu, 1993. 477 pp. Periodicals in German, Russian and other languages in Estonia 1675–1940.
- Annus, Endel and Häkli, Esko, eds. *(Den) Estniska boken genom seklerna. Bokhistoriska uppsatter*. (Helsingin yliopiston kirjaston julkaisuja, 57). Helsingfors, 1995. 199 pp.
- Eesti raamat. 1525–1975. Ajalooline ülevaade*. Tallinn: Valgus, 1978. 376 pp. German summary pp. 345–350. The Estonian book 1525–1975. Historical overview.
- Hroch, Miroslav. *Die Vorkämpfer der Nationalbewegung bei den kleinen Völkern Europas. Eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen*. (Acta Universitatis Carolinae philosophica et historica. Monographia, XXIV). Prag: Karlsuniversität, 1968.
- Jansen, Ea and Arukaevu, Jaanus, eds. *Seltsid ja ühiskonna muutumine. Talupojakonnast rahvusriigini. Artiklite kogumik*. Tartu/Tallinn: Eesti ajalooarhiv/TA Ajaloo Instituut, 1995. 214 pp. English and German summaries pp. 176–200. Associations and social change. From peasant society to national state. Collection of articles.
- Kalvik, Mari. 'Estniska litteratursälskapet. Folkbildning och förlagsverksamhet 1907–1940'. In: *Estniska boken*, pp. 116–134.
- Keelreform ja raamat. Language reform and the book*. (Acta Bibliothecae Nationalis Estoniae, 3). Tallinn: 1993. 209 pp.
- Kto est' kto v kul'ture Estonii. Izobrazitel'nye iskusstva, literatura, teatr, muzyka, kino*. Tallinn: Avenarius, 1996. 222 pp., illus. Who's who in Estonian culture. Art, literature, theatre, music, cinema.



- Laar, M. et al. *Ocherki istorii estonskogo naroda*. Tallinn: Kupid, 1992. 234 pp. Outline history of the Estonian people.
- Liivaku, Uno. *Eesti raamatulugu*. Tallinn: Monokkel, 1995. 310 pp., many illus. and statistics. Estonian book history.
- Liivaku, Uno. 'Raamat ja rahvaste kultuuriviljakus', *Raamatukogu*, 1995 (2), pp. 25–27. The book and cultural productivity of peoples.
- Lotman, Piret, ed. *Uurimusi tsensuurist*. (Acta Bibliothecae Nationalis Estoniae, 4). Tallinn: 1995. 152 pp. Papers on censorship.
- Lott, Mare and Möldre, Aile. *A brief history of Estonian book*. Tallinn: Estonian Librarians' Association, National Library of Estonia, 1993. 23 pp., many illus.
- Puksov [sic], Friedrich. *Eesti raamatu arengulugu seoses kirja ja raamatu uldise arenemisega*. Tallinn: Eesti raamatukogu hoidjate ühingu kirjastus, 1933. 186 pp. German summary pp. 171–181. History of the development of the book trade and bibliography in Estonia.
- Pullat, Raimo. *Eesti linnarahvastik 18. sajandil. Monografia*. Tallinn: Olion, 1992. 223 pp., illus., many tables. The urban population of Estonia in the 18th century.
- Thomson, Eric, ed. *Reval/Tallinn. Porträt einer Ostseestadt*. (Ostmitteleuropäische Geschichte in Bildern und Dokumenten, II). 1979.
- Treumann, Hans. *Vanemast Raamatukultuuriloost*. Tallinn: Eesti Raamat, 1977. 160 pp. From the old history of book culture.
- Tsensor Eesti raamatukogus*. (Acta Bibliothecae Nationalis Estoniae, 2). Tallinn: 1991. The censor in the library.
- Vahstre, Lauri. *Istoriia estonskoi kul'tury. Kratkii obzor*. Tallinn: Jaan Tõnissoni instituut, 1994. 229 pp. History of Estonian culture: a short overview.
- Vahstre, Sulev. *Eesti ajalugu. Kronoloogia*. Tallinn: Olion, 1994. 256 pp. Estonian history: a chronology.
- Vaike Entsüklopeedia*. II. trükk. Tartu/Tallinn: Loodus, 1938. Small encyclopaedia.

# Political Censorship of the Defining Dictionary of Hungarian

Miklós Kontra

'If entry-words for a dictionary were to be selected according to the desirability of the concepts they denote, then words like *'tüdőgyulladás'* (pneumonia) or *'lepra'* (leprosy) could never be listed.' This painfully trivial statement is quoted from the unpublished text of a public lecture delivered in 1953 by Professor László Országh,<sup>1</sup> editor-in-chief of the Defining Dictionary of Hungarian (*A Magyar Nyelv Értelmező Szótára*), which was published in seven volumes by Akadémiai Kiadó in Budapest between 1959 and 1962.

When completed in 1962, the Defining Dictionary of Hungarian (DDH) filled an enormous gap in Hungarian lexicography. It was a dictionary focused on the literary language of the nineteenth and twentieth centuries and the contemporary (i.e. mid-twentieth-century) standard language. The DDH was a synchronic dictionary which became the authoritative foundation for all Hungarian bilingual dictionaries as well as other specialist dictionaries of Hungarian, ranging from dialect dictionaries through a reverse-alphabetized dictionary to a frequency dictionary of modern Hungarian fiction and beyond. It is generally regarded as one of the greatest achievements of post-war Hungarian linguistics, the fruit of many a collaborative project carried out in the Linguistics Institute of the Hungarian Academy of Sciences.

The DDH has had several reprints since it first saw the light of day, but they are no ordinary reprints, even by Hungarian standards. The major publisher of Hungarian dictionaries, Akadémiai Kiadó, seems to be unaware of the distinction between a reprint of a book (Hungarian *utánnnyomás*) and a new edition (*[új] kiadás*). For Akadémiai Kiadó, any reprint is a new edition. Hungarians know this from experience, so when I see something like *harmadik kiadás* (literally meaning 'third edition') on the title-page of a dictionary, my first and best guess is that the copy in my hand is the second unchanged reprint of the original publication. This is a rule of thumb which works in 99 per cent of cases, but there is an important exception, tricky enough to fool the most seasoned Hungarian librarians. This exception is the DDH, whose first two volumes had an uncensored original edition in 1959 and 1960, and a drastically purged edition in the mid-1960s, which the publisher disguised as a mere reprint.

<sup>1</sup> Professor László Országh, CBE (1907–1984) was the founder of modern synchronic Hungarian lexicography. He held the chair of English at Kossuth Lajos University, Debrecen, until his retirement in 1968.



The word *cenzára* (censorship) was, of course, never spelled out in print in connection with the DDH, but it was hinted at in some scattered remarks. In the afterword of the DDH, the editor-in-chief László Országh thanks 'Dr Margit Siklós and Györgyné Werner, who reviewed the manuscript from Volume III on from an ideological point of view'<sup>2</sup> (my translation). In the Preface to his Hungarian-English Dictionary of 1953, Országh mentions that 'The building of socialism in Hungary has enriched the vocabulary with hundreds of very widely known and daily used words and expressions and most of them have been included.'<sup>3</sup> He then explains that 'much philological deadwood'<sup>4</sup> had to be excised, but that 'care has been taken not to do away with all the words and locutions that have only just begun to show signs of obsolescence with the social and political transformation of the country.' He goes on to say:

On the basis of linguistic considerations we have decided not to omit words and locutions expressing attitudes that are not those of the progressively minded in this country. The complete obsolescence of these words has yet to establish itself in the years to come.<sup>5</sup>

In 1960 Országh published a substantial, 62-page paper in English about the DDH, in which a mere 43 lines, scattered in seven places, deal with the 'ideological requirements'<sup>6</sup> that the editors had to meet. When describing the problems of selecting entry-words for the DDH, he writes:

A somewhat similar pseudo-problem was presented by the question of registering words that are considered undesirable by some non-linguists. For a linguist there can be no doubt as to the inclusion in the dictionary of words denoting concepts of the social and economic systems of the immediate past. These words have long been known to the widest layers of society in our century both in literature and in the standard spoken language and belong even today to the recognition vocabulary of persons over thirty, as for instance *csendőr*, *főszolgabíró*, *ludovikás*, *nagykereskedő*, *tőzsdézík*, etc.<sup>7</sup>

The first word means 'gendarme', the second 'chief constable of a county', the third 'Hungarian officer trained in the *Ludovika* military academy before 1945', the fourth 'wholesaler', and the last 'gamble/speculate on the stock exchange'. All of them, and a great many more, were regarded by the ideological watchdogs of the time (or the 'non-linguists', as Országh called them) as words denoting concepts of the past reactionary society, and hence their place

<sup>2</sup> DDH, Vol. 7, p. 657.

<sup>3</sup> *Magyar-angol szótár / Hungarian-English Dictionary* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1953), p. 10.

<sup>4</sup> *Ibid.*, p. 11.

<sup>5</sup> *Ibid.*

<sup>6</sup> László Országh, 'Problems and Principles of the New Dictionary of the Hungarian Language', *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae* 10 (1960), pp. 211-273, p. 218.

<sup>7</sup> *Ibid.*

in the DDH, 'a weapon of the cultural revolution', was called into question.

So much for the printed documents. Some of the memos kept at the Linguistics Institute of the Hungarian Academy and documents in the possession of Akadémiai Kiadó, the publishing house of the Hungarian Academy, reveal more. In a memo written in 1960, Országh relates that 'the ideological reviewing' of the manuscript had long been a major concern of the editors. In 1954 he requested that the president of the Academy appoint a body to review between six and eight thousand entries, not just the one or two thousand which denote directly political and ideological concepts. The request was rejected. Then, in early 1956, the Linguistics Institute asked the cultural and scientific committee of the ruling Hungarian Workers' Party 'to provide help'. The Party commissioned the Second Department of the Academy, that for philosophy, to do the job. Two years later the Publishing House of the Academy offered its help to the president of the Academy. By late 1959 about 1200 entries had been reviewed from an ideological point of view. Throughout the review meetings Országh maintained that the suggestions of the reviewers would be made use of 'as far as it is possible', but the verbatim insertion of the suggestions would not always be feasible due to the lexicographic principles used in the creation of the DDH.<sup>8</sup>

In 1959 the first volume appeared, soon followed by the second in 1960. These volumes contain the letters A through Gy, about one-third of the entire dictionary comprising over 60,000 entries. The Romanian People's Republic officially protested,<sup>9</sup> whereupon the 'ideological reviewers' whom Országh thanked in the afterword to the DDH set to work. The exact content of the protest is unknown, but one can assume that the Romanians found fault with entries mentioning *Erdély*, that is Transylvania, the eastern part of historical Hungary which was ceded to Romania in 1920 according to the Treaty of Trianon. A casual examination of the several hundred pages of the ideological review of the manuscript of Volume III<sup>10</sup> supports the validity of such a conclusion, as does a comparison of the first edition of the first two volumes and their second, ideologically purged edition published in 1966, the latter

<sup>8</sup> This summary is based on 'Feljegyzés az ÉrtSz kéziratának ideológiai lektorálása tárgyában' (Notes on the subject of the ideological reviewing of the manuscript of the DDH), a three-page typed memo written by Országh on 20 April 1960.

<sup>9</sup> I have not seen the Romanian protest myself; a member of the editorial team, Lajos Kiss, told me about it in an interview in 1994. A handwritten note on Országh's 1960 typed memo (see previous note), obviously made by somebody at the Publishing House, mentions '*Román panasz*' (Romanian complaint).

<sup>10</sup> Thanks are due to Akadémiai Kiadó for allowing me to copy in January 1995 the original censor's reports on the manuscript of Volume III and part of Volume IV, and some of their internal memos and official letters.



disguised as if it were a mere reprint.<sup>11</sup> Volumes III through VII were written with the highly active ‘cooperation’ of the censors and, one should assume, with increasing self-censorship on the part of the lexicographers themselves.

### How the Censorship Worked

The original manuscript of the DDH has not been preserved. Of the ideological comments attached to the entries, only those for Volume III and part of Volume IV, written by Margit Siklós, are available today. Thus it is only with great difficulty and a measure of imprecision and conjecture that I can attempt an analysis of the exact mechanism of censorship. In most cases it is impossible to know what exactly the censor found fault with because the manuscript she criticized is unavailable. What is available are her critique and the printed dictionary. An examination of several hundred pages of ideological comments on the manuscript of Volume III and a part of Volume IV seems to suggest that the editors reacted in one of three different ways to the censor’s comments: they deleted material, changed entries partially, or made no changes at all despite the censor’s recommendations.

In the first kind of case, the censor demanded that an entry-word, a meaning or an example sentence be left out of the dictionary. Thus hundreds of quoted uses of words from the works of Hungarian classics such as those by the novelist Mór Jókai, the poets János Arany, Sándor Petőfi, Endre Ady and others were eliminated, often with such indignant remarks as ‘*Elég az Ady idézet!*’ (Enough quotes from Ady!) or ‘*Madách súlyosan téved ebben a kérdésben!*’ (Madách is badly mistaken in this matter!). Such examples, quoted from the greatest Hungarian authors, were intolerable because they suggested, or simply made reference to, ideals different from those of the communists of the time.<sup>12</sup> However, other example sentences, written by the lexicographers, also had to be edited out. For instance, the censor demanded that the reference to ‘*székelyek*’ (Szeklers, Magyars of eastern Transylvania) in an example sentence in the entry ‘*hagyomány*’ (tradition) be left out, and it was. Or she remarked that ‘it is not necessary to give an example sentence’ for the entry ‘*hazatelepít*’ (repatriate), and the editors gave in to her demand. One can assume that the excised sentence could have made reference to the post-war deportation of ethnic Germans from Hungary, or of ethnic Hungarians from Slovakia. An

<sup>11</sup> The 1966 edition of Volume I gives no indication of it being anything but a reprint of the 1959 edition. Even the colophon at the end of the volume is identical with that of the original, uncensored edition, claiming that ‘The manuscript went to press on 20 December 1958.’ For details see Kontra, ‘A Magyar Nyelv Értelmező Szótárának két kiadása volt’ (There were two editions of the Defining Dictionary of Hungarian), *Magyar Könyvszemle* 110 (1994), pp. 433–434.

<sup>12</sup> In much the same fashion, vocabulary linked with middle-class, capitalist and Christian values was dropped in the GDR; see Michael Clyne, *Undoing and Redoing Corpus Planning* (Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1997), pp. 117–42.

example sentence in the draft entry for the verb '*importál*' (to import) made reference to Hungary importing salt and lumber from Romania. The censor suggested that imports from the Soviet Union should be mentioned instead, and her suggestion was heeded.

A second type of intervention consisted in completely following the censor's suggestions which the editors could not, or dared not, ignore. Perhaps the worst example is the definition of '*jótekonny*' (charitable) and '*jótekonyság*' (charity). The wording printed in the DDH is a verbatim replica of the censor's. The adjective is defined (in my own English translation) as follows:

(pre-socialist usage) <in an exploitative society> [a well-to-do person or institution] which gives donations to selected 'poor people' in a humiliating manner while using philanthropic and religious slogans in order to conceal the necessity of radical social changes.

In the original manuscript the entry '*korforduló*' (epochal event) had no example sentence but, following the demand of the censor, one stating that 'the Great October Socialist Revolution is the most significant epochal event in the history of mankind' found its way into Volume IV. Oftentimes the suggestions aimed at using the DDH as a means of communist propaganda, as shown, for instance, by an example sentence in the entry '*kiigazodik*' (find one's bearings, orient oneself): 'With the help of Marxism-Leninism we can orient ourselves well in the complex phenomena of nature and society'. All too frequently the censor suggested usage labels, especially (*szoc e*), which stood for *szocializmus előtti*, that is, 'pre-socialist usage'. Ironically, she suggested that the verb '*kicenzúráz*' (censor out) be labelled 'historical term'. The editors labelled it (*szoc e*). In the uncensored 1959 edition of the DDH, the word '*cionizmus*' (Zionism) was defined as 'a political movement which intends to bring together in Israel Jews living in various countries'. In the purged 1966 edition this definition reads: 'the bourgeois nationalist movement which ...'.

A curious example of the censors' interference is offered by the 1959 and 1966 definitions of the word *csángó*. The Csángós are ethnic Hungarians who have lived beyond the Carpathian Mountains in Moldavia in Romania since the thirteenth century. Cut off from other Hungarians, they speak an ancient form of Hungarian and large numbers of them have undergone a shift to Romanian. As Schöpflin puts it, 'The Romanian authorities under Ceauşescu attempted to imply that the Csángós were Romanians who had been forcibly Magyarized in Romania'.<sup>13</sup> While the original definition of *csángó* reads 'Hungarians and Szeklers who live or lived in Bukovina and Moldavia', the reworked definition is: 'Partly Romanianized Hungarians who mainly engage in animal husbandry and live or lived in Bukovina and Mol-

<sup>13</sup> George Schöpflin and Hugh Poulton, *Romania's Ethnic Hungarians*, A Minority Rights Group Report (London: Minority Rights Group, 1990), p. 18.



davia'. Today it is not possible to establish why the phrase 'who mainly engage in animal husbandry' was inserted. One might argue that this line was inserted because the censor demanded it for some reason; and then, since any insertion could be made only if the same length of text was at the same time deleted, the quote '*Vajha . . . a csángó magyar is polgártársunk lenne*' ('If only Csángó Hungarians were also our fellow-citizens') from the classical poet Mihály Vitéz Csokonai (1773–1805) had to be edited out. An alternative argument could be that the Csokonai quote was found inadmissible and its place had to be filled with something. Be that as it may, the phrase 'partly Romanianized Hungarians' in the censored definition is the lexicographic tip of an iceberg of international historical debate.

The censor's remarks attached to the draft entry for '*húsvét*' (Easter) illustrate a subtle feature of communist propaganda. Dictionaries of English have definitions of 'Easter' such as 'Festival of the Christian Church commemorating the Resurrection of Christ' (Collins), 'One of the great festivals of the Christian Church, commemorating the resurrection of Christ' (OED). They do not cast doubt on whether or not Christ's resurrection actually took place. In this, the original Hungarian draft for the entry was similar to the English entries: it used the factual phrase '*feltámadásának ünnepe*' (the feast-day of Christ's resurrection). The censor suggested that it be changed to '*. . . hit szerint ezen a napon támadott fel . . .*', which translates as 'according to the Christian faith Jesus was resurrected on this day'. The change from a factual statement to an expression of (some people's) belief served the ideological purpose of promoting atheism.

In numerous cases, however, the editors kept the example phrases or sentences which the censor wanted to go. One example is found in the entry '*hóstát*' (suburb), which, despite the censor's passionate '*Hagyjuk békén Kolozsvárt!*' (Let's leave Kolozsvár alone!), retains the phrase '*A kolozsvári hóstát*' (the suburb called *hóstát* in Kolozsvár). The city of Kolozsvár, today Cluj-Napoca in Romania, was an 'un-city' (to coin a word on the analogy of 'unperson') for Hungarian communists, who did not want 'to offend the brotherly socialist Romania' by calling the city by its centuries-old Hungarian name, officially used until it became part of Romania in 1920.

Another example of defying the censor is found in the entry for '*késik*' (be late). The DDH, wrote Országh, 'is not only a dictionary of the standard language as used in daily intercourse but also the inventory of literary usage. And literary usage can be attested by literary quotations only.'<sup>14</sup> Thus it was absolutely natural for the original draft of *késik* to contain the famous first line in Vörösmarty's epic poem *Zalán futása*, namely: '*Régi dicsőségünk, hol késel az éji homályban?*', which in translation is: 'Where are you, glory of old? Lost deep

<sup>14</sup> Országh (note 6), p. 262.

in the night of the shadows?'. The censor demanded the deletion of this quote, well known to any Hungarian high-school graduate, but the editors retained it.<sup>15</sup>

### The Censor's Priorities

It seems to be fairly clear that the censor had some major priorities on her agenda: on the one hand, religion and the consequences of the Treaty of Trianon<sup>16</sup> were taboo; on the other hand, the Soviet Union, internationalism and the dictatorship of the proletariat, that is the new social system, had to be presented in an attractive way. Even quotations from the greatest classics of Hungarian belles-lettres were to be selectively chosen to serve that purpose.

The taboo on mentioning Trianon resulted in such a level of paranoia that simple historical facts were excised from the DDH. In the uncensored first volume published in 1959, the entry '*anyaország*' (mother-country) contains an example sentence saying: 'On 15 March 1848 the political unification of Transylvania with her mother-country was demanded.' This sentence was excised from the purged 1966 edition, the one which was disguised by the publisher as just a reprint. In countless cases, as a response to the censor's demands, examples were dropped which mentioned geographic areas, events, objects or concepts related to historical Hungary, especially Transylvania. If '*Erdély*' (Transylvania) or its adjective '*erdélyi*' (Transylvanian) were mentioned in an example illustrating the use of '*kolónia*' (colony) or '*kukoricamálé*' (corn pone), the censor wanted them deleted, and more often than not she had her way. The few references to '*Kárpátalja*' (Sub-Carpathia, a north-eastern Hungarian region which became part of Czechoslovakia in 1920 and then of the USSR in 1945) were also done away with after the censor's remark on the entry '*kazár*' (Khazar): 'The use of the word *kárpátaljai* is especially objectionable!' And, not surprisingly, the original example sentence for '*kiigazít*' (adjust, straighten out, correct) was dropped because it mentioned the redrawing of borders. Also, the entry '*kulturális*' (cultural) does not contain the illustrative phrase for 'cultural autonomy'. (In some cases there seems to be little difference between the communist thought- and language-police and post-communist right-wing nationalists. As I write this at the end of 1996, mention of even the term 'cultural autonomy' for the Hungarians in Slovakia or Rump Yugoslavia is like a

<sup>15</sup> Mihály Vörösmarty (1800–1855) was the greatest Hungarian Romantic poet. His epic poem *Zalán futása* (The Flight of Zalán) describes the conquest of Hungary.

<sup>16</sup> As Makkai and Herrick observe, 'The majority of Hungary's leading poets were born outside of today's Hungary. This is the result of the tragedy of the Versailles-Trianon peace treaty of 1920 in which Hungary lost two thirds of her territories.' See Adam Makkai and Earl M. Herrick, 'A Note on the Hungarian Language: Provenance, Spelling and Pronunciation', in Adam Makkai (ed.), *In Quest of the Miracle Stag: The Poetry of Hungary. An Anthology of Hungarian Poetry from the Thirteenth Century to the Present in English Translation* (Chicago, Budapest: Atlantis-Centaur, Corvina Publishers and M. Szivárvány, 1996), Vol. 1, pp. xxvi–xxix, xxvi.



red rag to a bull for right-wing extremists.)

In an officially atheist society the mere mention of religious concepts was to be avoided as far as possible. A simple quote from the nineteenth-century classical poet János Arany had to be dropped for it contained the word *szent* (saint) in an illustration for the entry of the verb *kondul* (toll). The original draft for 'kéz' (hand) prompted this remark from the guardian of ideological correctness: 'The quotation from Ferenc Móra should be dropped. We should rather teach people that their fate is in their own hands, not in the hands of some kind of God.' Janicki demonstrates similar principles of censorship during the writing of the *Dictionary of the Polish Language* (1958–1968). For instance, the authors of the dictionary were accused of clericalism for the inclusion of the common Polish expression *nie дай Boże* (God forbid). And the common Polish saying *Gość nie w porę gorszy Tatarzyna* (An uninvited guest is worse than a Tatar) was perceived as 'an insult to the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, and thus as anti-sovietism'.<sup>17</sup>

The taboos (religion and Hungary's dismemberment following the Trianon Treaty) and the extreme care taken to avoid 'touching the sensitive issues of neighbouring brotherly socialist countries' in the DDH show unmistakable similarities to the principles of censoring classical Hungarian poets and writers in the 1950s and 1960s.<sup>18</sup>

The attempt to make the new regime attractive was tangible in such recommendations as to mark the verb *koldul* (to beg) as obsolete, to insert a sentence about how the mechanization of collective farms makes life easier for *kolkhoz* members in the entry for *könnyít* (make easy), or the elimination of an example from *iskolás* (schoolboy/schoolgirl), which must have mentioned something such as the schoolchildren received clothes and milk from somebody. According to the censor, 'they should not—their parents should be able to buy these for them!' The remarks appended to *káder* (communist cadre) and its compounds and derivatives explicitly state 'we are now in a position to shape language use' and call for 'warmer and more humane' definitions and examples.

Hand in hand with the presentation of a rosy picture of the socialist present and future went the attempt to eclipse words denoting concepts of pre-1945 Hungarian society. *Közigazgatás* (public administration) had to be replaced by *államigazgatás* (state administration). The word *úriember* (gentleman) was to disappear. The word *méhkaparás* (curettage) was recommended to be left out because it denoted a concept 'alien to socialism'. The editors who are still with

<sup>17</sup> Karol Janicki, 'Sociolinguistics in Poland: History and Prospects (A Socio-Political Analysis)', in Jeffrey Harlig and Csaba Pléh (eds.), *When East Met West: Sociolinguistics in the Former Socialist Bloc* (Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1995), p. 174.

<sup>18</sup> László Szörényi, 'Ars Mutilandi Hungarica: Bevezetés a delfinológiába (1–3)'. In: 2000, 1989 május, pp. 56–63; 1989 július, pp. 49–57; 1989 szeptember, pp. 53–58.

us today relate the story that after the publication of Volume IV, they received an angry letter from the director of the Budapest Public Transport Company protesting against the example sentence in the entry *kurva* (whore). Meaning 3 of the entry, labelled as (*swear word*), was illustrated by '*Nem jön ez a kurva villamos*' (This fucking streetcar isn't coming). The director protested, saying that his company always did its best to transport workers to their workplaces in time.

### Resistance and Damage

What resistance did the censors and their masters meet, if any? What damage was done to this epoch-making synchronic dictionary of Hungarian? The answers which I can offer to these questions are necessarily speculative.

It seems that the situation Országh and his excellent team of lexicographers were in was not completely hopeless. First, the really harsh censorship hit the DDH and its compilers quite late, only after the Romanian protest, that is after the publication of Volume II, by which time the principles and structure of the dictionary had long been established and were well-nigh impossible to alter radically. This delay resulted in a curious method of censorship: purging the first two volumes and republishing them as if they had been mere reprints. Due to the typesetting and printing technology of the 1960s, any changes inflicted by the censor had to be made without breaking the type area, that is, any new text had to be exactly as long as what it was replacing. In a highly production-conscious age, when arguments about the best possible use of the money of the people's democracy were of paramount importance, this technological constraint limited the possibilities open to the censors to change everything as they pleased.

Throughout its creation, the DDH enjoyed considerable state support. Its editor-in-chief was a scholar held in high esteem, the supreme authority on synchronic Hungarian lexicography. Opposed to Országh and his team were trustworthy communist censors and other bureaucrats who were completely ignorant of matters lexicographic. In many cases this gave a chance to the lexicographers to use the argument that the censor's suggestion was lexicographically unfeasible. Moreover, in a planned economy, producing this all-important dictionary (a weapon of the Hungarian cultural revolution, as it is called in the preface) too much behind schedule was unpardonable. Again, the tug-of-war between censors and lexicographers was not entirely hopeless for the latter. The memo which Országh wrote on 20 April 1960, in which he states that there is no guarantee that all the ideological suggestions can be made full use of, is evidence of resistance. And a handwritten remark on the memo, which translates as 'And only now does he tell us this', clearly testifies to the authorities' anger and relative helplessness in that situation.

Nevertheless, in spite of their ignorance of matters lexicographical and



although they arrived late on the scene, the censors inflicted a lot of damage on the DDH. It is difficult to imagine what the dictionary might have been like had it been written in a censor-free, non-communist age. The list of entry-words would have been almost the same, but the definitions in many cases would have been different. The examples of usage would have been free of communist propaganda and would have featured more quotations from nineteenth- and twentieth-century classical writers. Many usage labels would have been different or even missing. It would indeed have been a different and better dictionary. The DDH has nevertheless filled an enormous vacuum in Hungarian lexicography and continues to be the apogee of synchronic Hungarian dictionary-making.

All things considered, this is a relatively happy story of censorship. Book collectors and students of Hungarian should know, though, that the first two volumes of the dictionary distributed by the publisher even today, nearly a decade after the collapse of communism in Hungary, are of limited value. The real things were published in 1959 and 1960. Later editions are examples of *Ars Mutilandi Hungarica*.

# The 'Union Catalogue of Russian Serials, 1801–1825'— A New Type of Bibliography

E. K. Sokolinskii

In Russia work on national union catalogues has always been characterised by a constant struggle between two approaches. The first seeks to give brief information about the greatest possible number of publications; whereas the second concentrates on a relatively small number of documents which are studied in great depth. It may be said that both have in common an 'extra-economic' approach. As a rule libraries in the West take as a starting point their financial possibilities and the extent to which the problem in hand has already been studied by the institution undertaking the bibliography. In Russia right up to the present day the approach has been to set a very ambitious goal and to assume that the requisite resources and specialists will be found. In our country the description of documents for the national bibliography has been begun over and over again with practically no regard for existing catalogues. Each time that a union catalogue has been started, in parallel with the description of the books, a new methodology has been developed, and in the process of preparing the corpus of documents, compilers have mastered ever more complex forms of bibliography. Such projects are essentially long-term and are possible to accomplish only if there is constant government support. The 'extra-economic' approach has its positive and its negative sides. The negative side is that it is not an efficient way of satisfying the 'hunger for information'. To this day there is still no published list of Russian nineteenth-century books. *The Bibliography of Russian Periodical Publications, 1901–1916* (Bibliografiia periodicheskikh izdaniï Rossii, 1901–1916) has been in course of compilation for about thirty years, the *Union Catalogue of Russian Books, 1826–1917* (Svodnyi katalog russkoi knigi, 1826–1917) has been in preparation for nineteen years and has not yet been converted into electronic form, the *Union Catalogue of Russian Books, 1801–1825* (Svodnyi katalog russkoi knigi, 1801–1825) has been in preparation for nine years and the first volume is just being completed. Thus it is that the compilers, as they near the completion of their task, find themselves in a completely different ideological, organisational and financial situation than they were when they began the work. The new situation demands amendments in, for example, the criteria for selecting material for inclusion.

Our Western colleagues have a different way of going about things. German bibliographers have brought out their national bibliography *Gesamtverzeichnis des deutschsprachigen Schrifttums (GV) 1700–1910* in 160 volumes over



the course of eight years (between 1979 and 1987). They made the necessary compromise of scanning old and ununified descriptions. Thus the Germans have satisfied at least the basic needs of historians and students of the book. The Bavarian State Library is adopting a similar approach in its co-operation with the Consortium of European Research Libraries (CERL). The Bavarian State Library was the first to make its file of books of the hand-press period available to CERL. The file contains only brief descriptions, i.e. those which the library (the oldest of all German libraries) had at its disposal. Russian librarians, on the other hand, consider that in compiling their national bibliography of the nineteenth century (about 600,000 records) it is essential to modernise and to enhance descriptions which were done using various methods between the 1920s and the 1960s. Years are being spent on bringing the records into line with the present-day national standard for bibliographical description. Printed cards which have been corrected by hand time after time are no longer fit for scanning. The process of work on the 'Nineteenth-Century Union Catalogue' takes the form of continuous bibliographical rechecking of existing records against the text of the books. But all the same, in the final analysis, such a 'wrong', 'foolish' approach produces results which are not at all bad; the descriptions become more accurate, they correspond to modern scientific requirements, and, if one takes the historical view, the 'maximalism' of the compilers is justified.

In many foreign libraries and bibliographical centres there is a clear division of duties, which frees each specialist from the need to go into any aspect of bibliographical description which does not concern him or her directly. The programmer does not start pondering cataloguing problems, the cataloguer is not particularly concerned with the contents of the book, and so on. In the National Library of Russia the group which has been formed to work on the 'Union Catalogue of Russian Serials, 1801–1825' (*Svodnyi katalog serial'nykh izdaniy Rossii, 1801–1825*) is adopting an integrated method of working. A small team of six people is preparing both the software of the 'Union Catalogue' and the layout of the camera-ready copy of the first volume. Each member of the team is a cataloguer, a bibliographer and IBM operator. Thanks to this combination of skills it has been possible to co-ordinate questions of methodology, automation, and library and historical/cultural problems. The fact that this group is preparing in parallel two union catalogues—one of Russian books and one of Russian serials—provides the possibility of enriching both publications; information found in books can be used in the description of serials and vice versa. For example, as journals are being described, information can be taken from them about reviews of books which can then be used as footnotes in the description of the books. Equally, the study of books gives the possibility of adding notes about separate publications of belles-lettres and articles found in journals.

Another advantage of the integrated approach to work on union catalogues is that it is easier for the compilers to make the division between periodical publications and non-periodical publications. As is well known, this question has always given rise to theoretical disputes. The bibliographer of the Russian Book Chamber L. K. Il'inskii (1878–1934) proposed in 1918 four criteria for determining what was a periodical publication: (1) unity of the publication, (2) the existence of an editorial collective, (3) the intention that the publication should continue indefinitely, and (4) diversity of content.<sup>1</sup> In the 1940s Iu. A. Mezhenko (1892–1969) reduced the criteria to two points: according to his definition, periodicals are publications coming out not less than twice a year and intended to continue for an indefinite period.<sup>2</sup> Neither of these definitions encompasses the variety of publishing practice at the beginning of the last century. When working on material from the first quarter of the nineteenth century when the pattern of publishing was not fully formed it is necessary in individual cases to take individual decisions, based on the form and content of the document. In 1992 the compilers of the 'Union Catalogue of Russian Serials' worked through 80 fundamental bibliographic sources and the general alphabetical catalogue of the National Library of Russia, on the basis of which they formed a working card catalogue with 340 titles; Lisovskii's bibliography of Russian periodicals 1703–1900<sup>3</sup> has only 179 titles for the period 1801–1825. This discrepancy can be accounted for mainly by the fact that the concept of a 'serial' is wider than the concept of a 'periodical'. The new catalogue includes calendars (*kalendari*) and almanacs (*mesiatseslovy*) which were excluded by Lisovskii. Besides this some periodical miscellanies and provincial publications were added (for example, *Vestnik Iuzhnoi Rossii, ili Kommercheskii listok*, published in Odessa, and *Kaluzhskoe periodicheskoe izdanie*). Lisovskii's judgement of what was a periodical was based solely on form. To illustrate this point, *Zhurnal pravovedeniia* (Lisovskii, no. 203) was conceived by I. N. Bellingsgausen as a periodical publication, but the only issue that ever came out was a collection by one author. According to the criteria of both Il'inskii and Mezhenko, it is not a periodical publication. *Detskii muzeum* (Lisovskii, nos. 220 and 267) which came out in two editions between 1815 and 1822 is included in many periodicals indexes, but in essence it was the first Russian children's encyclopaedia.

Many complications also arise in connection with dividing material within the Union Catalogue into journals and newspapers. As was observed by V. G. Berezina, the historian of Russian journalism, in the period in question there

<sup>1</sup> L. K. Il'inskii, *Spisok povremennykh izdaniĭ na 1918 god* (Petrograd, 1922). XXIV, 287 pp.

<sup>2</sup> Iu. A. Mezhenko, *Opyt raboty po sostavleniiu bibliografii periodicheskikh izdaniĭ Rossii, 1901–1916 g.* (Leningrad, 1943), p. 50.

<sup>3</sup> N. M. Lisovskii, *Bibliografiia russkoi periodicheskoi pechati, 1703–1900 gg.* (Petrograd, 1915).



was no clear distinction between the terms 'journal' and 'newspaper'.<sup>4</sup> One of the reasons for this confusion is that the word 'journal', borrowed from the French, means a newspaper in French. *Genii vremen* (St Petersburg, 1807–09) calls itself a journal on the titlepage, but the way the text is laid out, broken up into separate items, indicates clearly that it is a newspaper. There were also some publications which had mixed characteristics of a journal and a calendar. For example, the *Dukhovnyi god zhizni khristianina* was a mixture of didactic excerpts from the works of different authors, intended as readings for each day by believers. In such cases the publication was placed in the appropriate section of the Union Catalogue not on the basis of its form but according to its predominant characteristics.

However, what interested the compilers more than the question of selection of material was the question of how to enrich the contents of the Catalogue. Their intention was to solve three problems at once, i.e. to provide: (1) a detailed description (of the depth normally given to rare books) of each journal (the first four volumes of the Catalogue are devoted to journals); (2) a full listing of the contents of the journal; and (3) essential reference information. Of course, analytical bibliography is a distinct discipline, not directly associated with the prime aims of the usual kind of union catalogue, but it would have been pointless to carry out two separate page-by-page examinations, one for the purpose of compiling a union catalogue and one for the purpose of compiling listings of contents. Basic description of journals and newspapers of the beginning of the nineteenth century has already been done by Lisovskii, so it made sense for the compilers of the new union catalogue to widen their sights. A description in Lisovskii's *Bibliografiia russkoi periodicheskoi pechati, 1703–1900* consists of: title and change of title; subtitle; years and place of publication; general information about the publishers; frequency; format.

The Union Catalogue gives the following additional information: about censorship; language of the text; the presence of indexes; announcements about subscription; price; characteristics of copies held in the participating libraries. Descriptions also take account of variant printings.

For example, the description of *Vestnik Evropy* has the note: 'In variant 1 N 1 on lines 14 and 15 of page 66 there is the printing error "kogda on vzdumaet emu shepnut'" (copies in GPIB, RGADA). Variant 2 has, "pomozhet, kogda on vzdumaet shepnut'..." (copies in RNB, NB, MGU).'

Descriptions include detailed information about illustrations; for example: 'in N 8 illustration "Iunyi rossianin odolevaet Pechenezhskogo velikana" (From vol. 1 of *Histoire de Russie* by A. M. H. Blin de Sainmore (Paris, 1797). Drawings by Ch. Monnet after engravings by F. A. David. Etchings. Sepia-tint. Engraver A. A. Florov.'

<sup>4</sup> V. G. Berezina, *Russkaia zhurnalistika pervoi chetverti XIX veka* (Leningrad, 1965), p. 8.

Unfortunately, the archives of most of the journals which interest us do not survive, but the compilers have tried to gather together all available information about the history of the founding of journals. For example, annotations in the description of *Dramaticheskii vestnik* (St Petersburg, 1808) cites all existing literature on this topic:

In the opinion of S. P. Zhikharev (see his *Zapiski sovremennika*, M., L., 1934, pp. 279–280, 295) the initiator of *Dramaticheskii vestnik* and its editor-in-chief was A. A. Shakhovskoi, while publication costs were paid for by the artist and printer V. F. Rykalov.

N. Smirnov-Sokol'skii (*Rasskazy o knigakh*. M., 1959, pp. 225, 228, 282) maintains that its main editor was I. A. Krylov. The most strongly argued case is made by S. M. Babintsev. Archival documents have helped him to establish that the *Tipografiia imperatorskikh teatrov*, which issued the *Vestnik*, belonged at that time not to V. F. Rykalov but to a company consisting of A. N. Olenin, N. E. Ermolaev, I. A. Krylov. It was they who initiated publication.

The general part of the description of a journal ends with a list of bibliographies in which the journal is cited and a list of literature about the journal. For example, the list of literature on *Vestnik Evropy* comprises 32 citations.

However, most space in the printed Union Catalogue and in the database is occupied by the listing of contents. Several attempts have been made to list the contents of Russian journals of the first quarter of the nineteenth century, but these have produced only incomplete and patchy coverage. A. N. Neustroev limited himself to the year 1802.<sup>5</sup> In 1929 Professor A. G. Fomin proposed to the students of the Higher Library Courses at the State Public Library that they describe thirteen short-lived journals from the first quarter of the nineteenth century.<sup>6</sup> This was just in the nature of an exercise. V. E. Bograd, of the National Library of Russia, proposed a new method for the description of the contents of journals which did include bibliographical commentary, but this was applied to publications of a later period.<sup>7</sup> What is the main difference between his method and the method used in our Union Catalogue? Above all, in structure. His commentaries are divided off in a separate section. But this is not the only difference. The form of Bograd's record is briefer. Depending on what information the reader is looking for, this can either be an advantage or a disadvantage. Bograd was trying to provide a key to the contents of a journal and did not attempt to analyse the text, but, on the other hand, he gave a

<sup>5</sup> A. N. Neustroev, *Istoricheskoe razyskanie o russkikh povremennykh izdaniakh i sbornikakh za 1703–1802 god* (St Petersburg, 1875).

<sup>6</sup> Arkhiv Rossiiskoi Natsional'noi Biblioteki, fond 3, op. 1, ed. khr. 237–238, 247–249.

<sup>7</sup> Ukazateli soderzhaniia, sostavlennye V. E. Bogradom: *Zhurnal 'Sovremennik'*, 1847–1866 (Moscow, Leningrad, 1959); *Zhurnal 'Otechestvennye zapiski'*, 1868–1884 (Moscow, 1971); *Zhurnal 'Otechestvennye zapiski'*, 1839–1848 (Moscow, 1985).



detailed explanation of each attribution. Nowadays, when the preservation of old journals is a more serious problem than it was ten to twenty years ago, when in the major libraries of Russia readers are given microfilms of rare books (so inconvenient to use) instead of originals, it is desirable to reduce to a minimum the need to consult the original texts. For, often, the reader needs only to check one or two facts.

Admittedly, a listing of contents cannot replace a careful analysis of contents, but it can give a clearer idea of them. The Catalogue draws together more information from various parts of the journal than Bograd's indexes, and more use is made of information found in footnotes. When something is not clear from the title, the compilers provide an explanation either in a note or in square brackets in the title area.

Examples:

O Sternakh, ili Puteshestviiakh sentimental'nykh: [An unfavourable review of F. F. Ivanov's play "Ne vse to zoloto, chto blestit"]

Shutka Diderotova.—p. 39.—About an incident that happened to Diderot in Petersburg in the reign of Catherine II.

Zapiska [about the new Customs Code]

Notes also include information about separate works which are included in the body of a text, and about the contents of subsections of a text which are either numbered or separated by subheadings.

Examples:

[Meister L.] Anna Luise Karshchin.—pp. 40–59.—On pp. 42–45: excerpts from Karschin's poems for children, in a prose translation. On pp. 52–58: text of a letter from Karschin to her husband. Footnote on p. 59: This article is taken from the book: Portraits des Hommes Illustres.

Gogel' I. G. O porokhe: [With table] / Reported by Major-General Gogel' (of the Artillery).—pp. 1–49.—Contents: [On the traditional method of making gunpowder] (pp. 1–3); Comparison of three different methods of making gunpowder (pp. 4–11); Gunpowder of Citizen Champy (pp. 12–16), etc.

Information about genre is also included in information relating to the title. In the first quarter of the nineteenth century a system of genres had not fully formed. There was a fairly tenuous dividing line between the fables (*basni*) and tales (*skazki*) of A. E. Izmailov, between a review and a notice, and between a learned article and an essay. Many works were written in a free essayistic manner; they can be described as 'prose fragments', 'discourses' or, sometimes, simply as 'miscellanies' (close to the German 'Miszelle'). When designating a verse or prose genre, the compilers have tried to use terms which already exist in scholarly literature, in academic publications. When defining the genre or the contents of a work, the aim was also: to distinguish belles-lettres from

scientific, popular scientific, social/political articles; to facilitate further systematisation of material; and to provide material for the creation of localised bibliographical databases of the type 'Tales in periodicals of the first quarter of the nineteenth century' or 'Epigrams in journals of the first quarter of the nineteenth century'.

Such databases could be of help in the compilation of verse and prose anthologies. Thus, for example, the database of the first volume of the Union Catalogue was used for checking information and for making additions to the anthology 'Russkaia epitafiia' (being prepared for publication by the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences).

V. E. Bograd in the preface to his index to the contents of *Otechestvennyye zapiski* was right in pointing out that the main difficulty in listing the contents of early journals is that most works are published either anonymously or under a pseudonym or cryptonym. And he did at least have as an aid the Reestr of A. I. Galakhov.<sup>8</sup> The compilers of the Union Catalogue did not have at their disposal analogous archival materials relating to journals of the first quarter of the nineteenth century. In general they have been very little studied, with the exception of *Vestnik Evropy* (for the period when it was edited by N. M. Karamzin and V. A. Zhukovskii), and the Decembrist *Poliarnaia zvezda*. Besides, this period is particularly badly represented in Masanov's *Slovar' psevdonimov*.<sup>9</sup>

The compilers embarked on their own bibliographical investigations into authors, translators, authors of translated works, dedicatees, authors and recipients of published letters, historical figures mentioned in the bibliographical entry. This research was necessary not only in order to make correct entries but also in order to create expanded name indexes—expanded in the sense that they contain: full forename (or forenames), patronymic and surname of authors; the name in the original language of foreign authors; years of birth and death; in the case of rulers—their title; in the case of dignitaries of the Orthodox Church—their secular name.

Examples:

Evgenii (Bazhanov, Aleksandr; 1787–1862)

Evgenii (Bolkhovitinov, Evfimii Alekseevich; 1767–1837)

Kade de Vo, Antuan Aleksis Fransua (Cadet de Vaux, Antoine Alexis François; 1743–1828)

Karl Fridrikh (Karl Friedrich; gertsog golshtinskii; 1700–1739)

These investigations were carried out regardless of what contribution any

<sup>8</sup> A. D. Galakhov, Reestry nazvanii knig, podlehashchikh retsenzirovaniiu i raspredeleniiu mezhdru moskovskimi sotrudnikami 'Otechestvennykh zapisok', 1839–1855. Manuscript.

<sup>9</sup> I. F. Masanov, *Slovar' psevdonimov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deiatelei* (Moscow, 1956–60). 4 vols.



given person had made to the development of science, culture, literature. The index features the American wunderkind Zerah Colburn about whom there is a note in *Vestnik Evropy*, and the German woman Boyer who died of spontaneous combustion. The whole of world history is reflected in one way or another in the pages of journals, in global events and curious episodes. Particularly complicated was establishing names of historical figures from Asia, Africa, Oceania. From the text it is not clear which of the Chinese emperors is being referred to, and then there is the fact that Thamas Kouli Kan is more commonly known as Nadir Shah. Furthermore, it could be said that journalism of that time was more democratic than nowadays. In practically every issue of the literary/political journals there are announcements about people in need and those who helped them. Thus not only a dweller in the capital, but also the inhabitant of the smallest village may come upon information about his or her ancestors in the listing of contents and the index. The journalism of the time was of a rather domestic nature. Literary texts and notes on them contain diverse information about the relations, friends and acquaintances of authors and publishers. In order to find out about the person to whom the verses of Count Shalikov (Shalikashvili) were addressed, it was necessary to comb the entire body of literature on Russian–Georgian relations, a dissertation on the life of P. I. Shalikov, and so on. His granddaughter Katia, his nieces, his favourite female pupils—all became the objects of intense scrutiny for the compilers. In principle this sort of work is traditionally carried out by commentators of the series *Biblioteka poeta* and of various collected works, but these commentators deal mostly with well-known authors and with belles-lettres. The bibliographers of the National Library of Russia had to concern themselves with self-taught poets and graphomaniacs, and to go into the problems of horse-breeding (*Ezhenedel'nik dlia okhotnikov do loshadei*), into matters military (*Artilleriiskii zhurnal*, *Voenno-meditsinskii zhurnal*, etc.), that is, they had to become specialists in all fields.

The name index to the first volume, which has about four thousand entries (six thousand including references), can be used as the basis of a personal name authority file for Russian libraries.

The compiler responsible for the description of a particular journal made a rough list of known and suppositious authors who worked on that journal, established for what institution the editor-publisher worked and of what societies he was a member. For example, A. E. Izmailov was a member of the Vol'noe obshchestvo liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv, M. T. Kachenovskii was connected with Moscow University and willingly published works by the students and graduates of the 'Blagorodnyi pansion' which was attached to it. The transactions of the institutions and organisations with which editor-publishers were associated were carefully studied. A list of place-names associated with the life of writers (places where their estates were, places where they

worked, where they were guests, places that they visited abroad) was also compiled. One source for compilation of this list, in addition to various scholarly works on literature, were notes found at the end of publications. For example, the poet N. Grammatin sometimes put the word 'Kostroma' at the end of his poems, instead of his name, and the poet N. M. Kudriashev—'Orenburg'. Although in some cases an abbreviation can be ambiguous; for example, V.O. can mean both Vasil'evskii ostrov and a code for the name of the poet V. Orlov.

Working from the list of suppositious authors, the compiler then went through contemporary miscellanies, the authors' collected works, almanacs, anthologies of Russian epigrams, fables, songs and elegies. In the course of this familiarisation with the literary texts and works on literature of the period, not only were authorial attributions made, but it was also possible to establish variant readings of titles and first lines of verse, and separate editions of poems, *povesti*, published speeches, plays.

The question arises as to what extent it is possible to determine the authors of translated works, and various slight pieces. In the journalism of the period in question there existed the concept of the author of a journal. When analysing the principles underlying Karamzin's approach when he was editor of *Vestnik Evropy*, Lotman wrote that all his issues represented an almost incessant monologue of the editor. 'Works of other authors which Karamzin introduces into his texts are perceived as a kind of indirect speech or as references to the opinion of another, but made by the editor himself. Furthermore, in the case of translated works, the style of the translator (again Karamzin) underlines even more the unity of the whole text of the journal.'<sup>10</sup> Even though he indicates the source of the translation, Karamzin sometimes puts into the mouth of foreign writers or statesmen thoughts which have been adjusted to coincide with his own views, and which, on occasions, are diametrically opposed to the convictions of the original authors. Moreover, the editor would write an introduction and conclusion to the publications, and adapt the idea of the original to suit a Russian context. This authorial approach to the compilation of a journal is also characteristic of Karamzin's successors, V. A. Zhukovskii and M. T. Kachenovskii, although they did enlist other contributors. In some sense, one could enter half of the material under the name of the editor, although this would be scientifically not the right thing to do. Therefore anonymous works have been entered under the editor only if a cryptonym or some exact bibliographical information point to him or if he himself acknowledges in correspondence that he was the author.

Prose texts of foreign writers have been entered under the author of the original. A similar arbitrary decision was made that poetry texts would be entered under the poet-translator, that is the one who put his name to the text. Poets

<sup>10</sup> Iu. M. Lotman, *Sotvorenie Karamzina* (Moscow, 1987), p. 211.



of the reign of Alexander I perceived the poems of others as material for their own works. It is with reason that Iu. D. Levin, who has studied the question of translation in Russia, points out that in the eighteenth and the beginning of the nineteenth century the attitude of authors and readers to prose in translation was different from their attitude to poetry: 'Fiction and prose translations of verse, as "lower forms", were published under the name of the author, and it never occurred to anyone to ascribe them to their translator. Translations of poetry were another matter [...] the translator was reconstructing not a specific work, but his own aesthetic ideal [...]—all this meant that for a long time verse translations were considered to belong more to the translator than to the author, and to be counted as part of Russian poetry, Russian literature, as its fully accredited representatives.'<sup>11</sup>

Particularly useful in establishing different variants of translations were the card index 'Mirovaia literatura v russkikh perevodakh' (with about 500,000 cards), housed in the National Library of Russia, and collections on special subjects, like *Shiller v russkikh perevodakh*, works of literary history (such as *Ossian v russkoi literature*).<sup>12</sup> Information discovered was included in notes attached to the appropriate entry.

For example:

[Zhukovskii V. A.]. Safina oda. 1st version under the title: 'Oda Safy k Faonu'.

[Zhukovskii V. A.] Amina i Endimion. 2nd version in *Vestnik Evropy*. 1883. N 12. pp. 811–812.

It was particularly difficult to track down original titles of non-fiction works. At that time each publisher of a journal tried to outdo the others in the number of foreign journals which he subscribed to and used for translations. In general the journal press of the time, apart from patriotic journals like *Otechestvennye zapiski*, *Syn otechestva* and journals of government departments, like *Zhurnal Ministerstvo prosveshcheniia*, consisted mostly of translations. The list of foreign journals based on the material in the first volume of the Union Catalogue numbered 276 titles in French, German, English, Spanish, Italian, Polish, Serbian, Swedish and Greek. Geographically too, the journals, newspapers, almanacs and other serials which were used for translations range over a fairly wide geographical area, encompassing not only the European capitals (Paris, London, Berlin, Brussels, Geneva, Rome, Vienna, Warsaw) but also smaller towns such as Altona, Halle, Mitau, Göttingen, Tübingen. The list of

<sup>11</sup> Iu. D. Levin, *Russkie perevodchiki XIX veka i razvitie khudozhestvennogo perevoda* (Leningrad, 1985), p. 10.

<sup>12</sup> *Sobranie sochinenii Shillera v perevodakh russkikh pisatelei*, izdannye pod redaktsiei N. V. Gerbelia. Izd. 4 (Leipzig, 1863); Iu. D. Levin, *Ossian v russkoi literature, konets XVIII–pervaia tret' XIX veka* (Leningrad, 1980).

translated journals was also studied to investigate frequency of their use in the Russian periodical press. For example, articles from *Journal de Débats* were frequently translated for *Vestnik Evropy* between 1818 and 1825, articles from the Hamburg *Politisches Journal* between 1809 and 1825, and from *Dziennik Wileński* between 1815 and 1825. These most frequently used journals were studied in their entirety, enabling the compilers to establish original titles, sometimes the name of the author of the original and other supplementary information.

The Union Catalogue aims to describe journals in Russian wherever they were published: in Latvia, Ukraine or any other place which was at that time part of the Russian Empire. Also of interest to the reader will be the index of serials in foreign languages, placed at the end of the Catalogue. This index gives a picture of the foreign periodical press of the first quarter of the nineteenth century, gives information about place and time of publications of journals, newspapers, almanacs, about changes of title, and variations in translation of title into Russian (taken from those Russian journals which feature in Volume I).

For example:

Politisches Journal (Hamburg, 1781–1840)

Hamb.P. J., H. P. J.; Gamburskii politicheskii zhurnal, Gamburskie vedomosti, Gamburg. polit. ved., Polit. i uchen. gamb. ved., Nem. politicheskii zhurnal, Polit. zhurn.

Every Russian journal was examined not in isolation, but in connection with other publications of the time, Russian and foreign. In notes, features of literary polemics are recorded:

[Somov O. M.]. Reply (to the reply of Mr F.B. . . . [Bulgarina] Inhabitant of the Galernaia gavan', in the 9th issue of Syna Otechestva for 1821): [A polemic about a critique of V. A. Zhukovskii's ballad 'Rybak'].—Reprinted from the journal 'Nevskii zritel' (1821, pt. 5, March, pp. 275–290)

Notes also give information about other translations of a particular piece of poetry or prose and their fate.

For example:

Derzhavin G. R. Deva za klavisinom ('Vladeiushchim tvoim perstam . . .') / Derzhavin; First part of the 3rd ode of Mr Schiller.—pp. 175–177. Was also published under the title: 'Deva za arfoiu'. Original title: 'Laura am Klavier'. For another translation see: N 5949. V Sobranii sochinenii I. F. Shillera (SPB., 1901. T.1), a note on p.336 says that Derzhavin's translation was sent to M. T. Kachenovskii in 1805, but the editor did not like it, therefore the order was given to Merzliakov. 2 years later it still had not been printed. The last 10 lines do not correspond to the original and belong to G. R. Derzhavin.



Previously bibliographers have studied the contents and the history of the founding of individual journals. With the advent of the Union Catalogue of Russian Serials, 1801–1825, a complete picture of Russian journalism will be revealed to researchers; all serials—journals, newspapers, almanacs, etc.—will be presented in the fullest possible way. If the National Library lacks a particular issue, then holdings of the Russian State Library, the Russian Academy of Sciences Library, the State Public Historical Library, the university libraries of Moscow and St Petersburg, the Russian Archive of Ancient Acts will be used. As a result of this combined effort an ‘ideal’ copy of a complete set of the publication will be reconstructed, with description of all illustrations, every variant of printing. The first volume alone, which describes 19 Russian journals of various types and is 900 pages long, gives a not inconsiderable amount of useful information.

If studied attentively, the listings of contents will tell a fascinating story about what interested people of a period which is not so far away from ours, what made them happy, what jokes they made, how their tastes and views changed—it is possible to find out all this from titles, footnotes, which are cited in full or in shortened form; and from explanations to the contents of short notices, articles and literary works. The life of Napoleon, the appearance of the first air balloons, foreign fashions, literary disputes, the rapturous reception of performances of the French actress Mademoiselle Mars, the first poems of Pushkin, the naive verses of a forgotten dilettante poet about a watch-chain, experiments with cannons in Grenoble, riddles in verse and mathematical puzzles—there is almost nothing you will not find when leafing through the pages of the first volume of the Union Catalogue of Russian Periodicals. From these important and trivial events a former age arises before our eyes; our aim is to bring that age closer to the present day.

Translated from Russian by Christine Thomas

# Цензура и печать в России в конце 1860-х—начале 1880-х гг. (История цензурной контрреформы)

Н.Г. Патрушева

## 1. Закон 6 апреля 1865 г.

После трехлетней работы над подготовкой цензурной реформы, 6 апреля 1865 г. были утверждены 'Временные правила', носившие двойственный характер.<sup>1</sup> С одной стороны, это был шаг вперед в истории цензурного законодательства — впервые наряду с предварительной вводилась карательная система цензуры, с последующей ответственностью по суду. С другой стороны, действие закона распространялось только на Петербург и Москву; круг изданий, освобожденных от цензуры был ограничен, и наряду с ответственностью по суду правительство сохранило за собой меры административного воздействия на печать.

Ближайшая практика применения закона показала, что правительство все еще не имело достаточно средств для направления и подавления оппозиционной печати, а печать стремилась к большей свободе. В феврале 1868 г. П.А. Валуев, под руководством которого разрабатывался этот закон, анализируя 'Временные правила' в записке 'О положении дел печати', пришел к следующим выводам: 'Не существует и не может существовать такого закона о печати, которым политическая пресса была бы довольна, и который в то же время мог бы удовлетворять требованиям и потребностям сильного правительства'.<sup>2</sup> По его мнению, необходимо было оставить основные начала закона 6 апреля 1865 г., усилив при этом административную власть, задача которой была бы не подавлять прессу, а 'сдерживать... в известных пределах'. Валуев считал, что печать надо рассматривать только как противника правительства и обеспечивать содействие всех правительственных ведомств тому ведомству, которое будет заниматься печатью.<sup>3</sup>

В отчете III Отделения за 1869 г. указывалось, что печать с каждым днем делалась 'все более и более разнузданною' и 'дошла до немислимой распушенности', а власть 'стеснялась прибегать к мерам, предоста-

<sup>1</sup> См.: Патрушева Н.Г. Реформа цензуры в России 1865 г.: закон и практика // *Solanus*, New Series, Vol. 5 (1991), pp. 120–129.

<sup>2</sup> Российский государственный исторический архив (далее РГИА), ф. 908, оп. 1, ед. хр. 104, л. 83 об.

<sup>3</sup> См.: Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати, 60—70-е годы XIX века. Ленинград, 1988, с. 46—47.



вленным ей законом': администрация недостаточно сдерживала печать, а суды не поддерживали администрацию.<sup>4</sup>

Основной проблемой был вопрос о согласованности действий между судебной и административной властью. Министр внутренних дел А.Е. Тимашев считал необходимым следить за процессами по делам печати и оказывать давление на судебную власть с целью предотвращения оправдательных приговоров.<sup>5</sup> Д.А. Оболенский (председатель комиссий, в которых вырабатывался закон 1865 г.) считал, что 'Временные правила' о печати были плохо согласованы с новым порядком судопроизводства, что привело к недоразумениям между Министерствами внутренних дел и юстиции по вопросу о преследовании злоупотреблений печати, а Главное управление по делам печати, 'сохранив прежний цензурный взгляд на печать и не видя средств правильным путем преследовать замеченные... нарушения, ухватило за предоставленное ему право административных взысканий, и начало, без внимательного разбора, отмахиваться этим тяжеловесным орудием'.<sup>6</sup>

## 2. Комиссия С.Н. Урусова 1869—1871 гг.

В правительственных кругах было решено заменить 'Временные правила' новым полным уставом о цензуре. С этой целью 2 ноября 1869 г. была учреждена специальная Комиссия под председательством главного управляющего II отделением С.Н. Урусова. Членами ее были: от II отделения сенаторы Е.И. Бреверн и Ф.А. Брун, от Министерства внутренних дел — начальник Главного управления по делам печати М.Н. Похвиснев, член Совета Главного управления Ф.П. Еленев, член Совета Министра внутренних дел П.Т. Кितिцын, от Министерства юстиции сенаторы М.Н. Любошинский, М.Н. Турунов, И.И. Полнер. В 1870 г. в Комиссию был назначен новый начальник Главного управления по делам печати М.Р. Шидловский. В 1871 г. от ведомства православного исповедания обер-прокурор Синода И.А. Ненарокомов. Принимал участие в работе и представитель военного министерства генерал Л.Л. Штюмер (участвовавший в разработке закона 1865 г.).<sup>7</sup>

В Высочайшем рескрипте на имя председателя, зачитанном на первом заседании 8 ноября 1869 г. говорилось, что 'Временные правила' 1865 г. 'во многих случаях возбуждали недоразумения и не всегда могли служить

<sup>4</sup> Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 109, оп. 223, ед. хр. 34, л. 67—67 об.

<sup>5</sup> Там же, оп. 1, ед. хр. 2106, л. 1.

<sup>6</sup> Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ), ф. 391, оп. 1, ед. хр. 51, л. 1, 5.

<sup>7</sup> Деятельность Комиссии С.Н. Урусова освещена в книге К.К. Арсеньева: Законодательство о печати. Санкт-Петербург, 1903, с. 72—81.

достаточно положительным руководством при судебном преследовании'. Задачей Комиссии было составить новый устав о цензуре, который бы, 'предоставляя отечественной печати возможные облегчения и удобства', должен был 'вооружить как административную, так и судебную власть надлежащею силою для отвращения вредного влияния, могущего произойти от необузданности и неумеренности печатного слова'.<sup>8</sup> Академик А.В. Никитенко отметил в дневнике, что 'князю Урусову поручено было отыскать философский камень, то есть издать такие законы о печати, которые бы равно удовлетворяли и правительство и общество и, ограничивая свободу мысли, в то же время не мешали бы ходу науки и образования'.<sup>9</sup>

### 3. Обсуждение вопросов цензурного законодательства в печати в 1869—1871 гг.

Несмотря на то, что официально печать не пригласили к обсуждению проблем, связанных с пересмотром цензурного законодательства (как было в 1862 г.), вопрос этот не сходил со страниц периодических изданий.<sup>10</sup>

Едва прошел слух о готовящемся пересмотре цензурного устава, газета 'Санкт-Петербургские ведомости' высказала надежду на то, что печати дадут возможность обсудить вопросы, связанные с цензурным законодательством, и обратила особое внимание на необходимость изменения устава иностранной цензуры.<sup>11</sup>

В вопросе о преимуществах карательной системы над предварительной сошлись все.<sup>12</sup> 'Московские ведомости' дали определение подцензурной печати: 'она очищена, умыта, приглажена, сдержана и обуздана'.<sup>13</sup> 'Биржевые ведомости' подчеркнули, что подавляющее большинство периодических изданий предпочли бы избавиться от предварительной цензуры, так как 'всякий лучше согласится отвечать за совершенные им

<sup>8</sup> Журналы Особой комиссии для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, высочайше учрежденной 2 нояб. 1869 г. Санкт-Петербург, 1869—1871, с. 1 (далее Журналы...).

<sup>9</sup> Никитенко А.В. Дневник / Подгот. текста и примечания И.Я. Айзенштока. 3 т. Москва, 1956, т. 3, с. 160.

<sup>10</sup> Статьи о цензуре, появившиеся в крупных столичных журналах в 1865—1871 годах рассмотрены в статье Т.В. Антоновой: Пореформенная цензура в оценке русских журналов 1865—1871 гг. // Общественно-политическая проблематика периодической печати России (XIX—начало XX вв.). Сборник статей. Москва, 1989, с. 3—16. По предварительным подсчетам, за период с 1869 по 1882 гг. в периодических изданиях появилось более 150 статей по вопросам цензурного законодательства.

<sup>11</sup> По поводу слуха о пересмотре цензурного устава // Санкт-Петербургские ведомости. 1869. 15, 16 апр.

<sup>12</sup> Либеральная журналистика в России // Неделя. 1870. 11 янв.

<sup>13</sup> [Перед. ст.] // Московские ведомости. 1869. 12 дек.



уже действия, чем иметь при себе постоянного гувернера, который бы предостерегал его от этих действий'.<sup>14</sup>

К.К. Арсеньев в статье 'Русские законы о печати' выступил с критикой существующих законов.<sup>15</sup> Он считал необходимым освободить всю печать (кроме дешевых книг небольшого объема) на всей территории России от предварительной цензуры и административных взысканий. При действии системы административных взысканий, по его мнению, редакторы не могли ни объясниться с властями, ни обжаловать приговор. Арсеньев настаивал на необходимости определения срока действия для предостережений, в течение которого наказание теряло бы силу. Он выступал против концессионного порядка основания периодических изданий (то есть против получения предварительного разрешения министра внутренних дел), доказывая, что издание книг и журналов является ремеслом, выбор которого должен быть свободным для каждого. А запрещение заниматься каким-либо делом должно рассматриваться как ограничение гражданских прав, которое может последовать исключительно по суду. Арсеньев считал залог для периодических изданий неправомерным требованием и выступал, как минимум, за его уменьшение. По его мнению, залог существует не для обеспечения уплаты штрафов, как сказано в законе, а для того, чтобы затруднить основание новых периодических изданий.

Соглашаясь с положениями, высказанными Арсеньевым, газета 'Весть' рекомендовала прочесть его статью будущим членам Комиссии.<sup>16</sup> По мнению 'Вести' необходимо было сделать окончательный переход от административных наказаний к ответственности по суду, несмотря на некоторые оправдательные приговоры по литературным процессам.<sup>17</sup> В другой статье, опубликованной в день первого заседания Комиссии, 'Весть' выразила надежду на то, что льготы, дарованные уставом 6 апреля 1865 г., будут расширены.<sup>18</sup> На это же надеялся и 'Голос'.<sup>19</sup>

С положениями, высказанными К.К. Арсеньевым, соглашался Г.З. Елисеев. Он выступил против концессионного порядка основания периодических изданий, против предварительной цензуры и административных взысканий, но высказал опасение, что со временем суды в делах о преступлениях печати станут подчиняться администрации.<sup>20</sup>

<sup>14</sup> [Перед. ст.] // Биржевые ведомости. 1870. 5 июля.

<sup>15</sup> Арсеньев К.К. Русские законы о печати // Вестник Европы. 1869. № 4, с. 794—811; № 6, с. 732—790.

<sup>16</sup> Такой же точки зрения придерживалась и 'Русская летопись' (1871. 11 апр.).

<sup>17</sup> Слухи о пересмотре законов о печати // Весть. 1869. 14 июня.

<sup>18</sup> Комиссия по делам печати // Весть. 1869. 8 нояб.

<sup>19</sup> Четвертая годовщина закону 6-го апреля о печати // Голос. 1869. 5 сент.

<sup>20</sup> [Елисеев Г.З.] О направлении в литературе // Отечественные записки. 1869. № 8, с. 399—438; № 9, с. 82—125; № 10, с. 306—328.

В ноябре 'Голос' писал: 'как слова высочайшего рескрипта, так и состав большинства комиссии внушают надежду, что, если и последуют какие-нибудь перемены, то они будут служить только к уяснению, расширению и дополнению ныне действующего закона, а не к тому, чтоб отодвинуть дело печати назад'. И надеялся, что к работе комиссии будут привлечены деятели печати.<sup>21</sup>

А.Д. Градовский в статье 'По поводу пересмотра наших законов о печати'<sup>22</sup> писал, что факт назначения Комиссии для пересмотра цензурного устава еще раз доказывает неудовлетворительность закона: 'Положение нашей печати до 1865 г. можно назвать крепостным; после 1865 г. как бы осадным'. Он особо подчеркнул, что многое в законе 1865 г. было заимствовано из реакционного французского законодательства. Градовский писал, что в целом журналистика подвела итоги своей четырехлетней деятельности: 'кратко повторила основания, заставляющие желать наибольшей свободы слова и затем возложила свое упование на благоразумие и честность членов новой комиссии'. Он отметил, что в необходимости свободы слова убеждены почти все, хотя есть немногие, которые желают ее стеснения. Прочитав статью, А.В. Никитенко записал в дневнике: 'Разумеется, истины, высказанные им [А.Д. Градовским — Н.П.], не вразумят тех, кому всего нужнее вразумляться подобными истинами: для этого надобно иметь ум пошире и посолиднее ума жандармского офицера — а там, увы! таковых не имеется'.<sup>23</sup>

Деятели печати сожалели о том, что Комиссия Урусова 'хранит гробовое молчание'.<sup>24</sup> Тем не менее они постоянно пытались повлиять на ее работу. В 'Неделе' были высказаны пожелания, которые в основном сводились к необходимости отменить предварительную цензуру в провинции и залоги для периодических изданий.<sup>25</sup> В нескольких статьях был затронут вопрос о системе административных взысканий. В частности, подчеркивалось, что выражение 'вредное направление' крайне растяжимо и не включает в себе никаких точных указаний не только для писателей, но и для самой административной власти.<sup>26</sup> По мнению газеты, от такого обвинения не может быть застраховано ни одно издание, т.к. понятию 'вредное направление' в разное время придавался различный смысл.<sup>27</sup> Таким образом, благодаря этой системе, администрации предоставлено

<sup>21</sup> [Перед. ст.] // Голос. 1869. 5 нояб.

<sup>22</sup> Градовский А.Д. По поводу пересмотра наших законов о печати // Судебный вестник. 1869. 13, 14, 16 нояб.

<sup>23</sup> Никитенко А.В. Дневник... (примечание 9) т. 3, с. 160.

<sup>24</sup> Вопрос о свободе печати. Дело И.С. Аксакова. Пересмотр законов о духовной печати // Заря. 1870. № 3, с. 187; По поводу предостережения // Неделя. 1870. 13 сент.

<sup>25</sup> Централизация свободы слова // Неделя. 1870. 31 мая.

<sup>26</sup> Либеральная печать и администрация // Неделя. 1870. 28 июня.

<sup>27</sup> Скромные желания русской печати // Неделя. 1871. 19 окт.



право 'руководствоваться в своих карательных мерах единственно личным усмотрением'. Такой способ быстрее и надежнее судебного преследования и администрация предпочитает пользоваться преимущественно им.<sup>28</sup> В октябрьском номере 'Неделя' писала, что по ее мнению, журналистика уделяет недостаточно внимания вопросу о готовящейся реформе, а в своих пожеланиях не заходит слишком далеко. Считая 'единственным вполне рациональным законом о печати... тот, который отменил бы всякие специальные о ней законы, предоставив правонарушение печатного слова действию общих законов, наказующих правонарушение', никто не потребовал для печати такой свободы, которою пользуется печать в Америке, Англии, Швейцарии, так как всем известно, что в России немыслима свобода слова в таких размерах, что 'такая свобода приобретается высоким политическим развитием самого общества и не может быть следствием только доброй воли законодателя'.<sup>29</sup>

#### 4. Проект нового цензурного устава 1871 г.

Основная работа Комиссии Урусова началась в конце февраля 1870 г. и продолжалась до 6 ноября 1871 г. Вначале члены Комиссии изучали ход подготовки цензурной реформы и практики ее применения. Результатом этого было издание пятитомного сборника документов и материалов по цензуре 1860-х годов.<sup>30</sup>

Работа над текстом нового закона проходила следующим образом: поскольку за основу будущего устава решено было принять основные положения 'Временных правил' 1865 г., все параграфы старого устава обсуждались на заседаниях Комиссии, а затем для работы над каждым разделом были составлены специальные редакционные отделения из членов Комиссии. Отметим, что в работе всех редакционных отделений принимал участие цензор Ф.П. Еленев.<sup>31</sup> Летом 1871 г. работа была закончена и в сентябре был напечатан проект нового цензурного устава, включавший несколько редакций.<sup>32</sup> В сентябре-октябре Комиссия обсуждала проект. 4 ноября 1871 г. С.Н. Урусов доложил Александру II об окончании работ.<sup>33</sup>

Остановимся на основных отличиях нового проекта от 'Временных правил' 1865 г. В новом проекте объем для переводных сочинений, освобожденных от предварительной цензуры, снижался с 20 печатных листов

<sup>28</sup> По поводу приостановления двух периодических изданий // Неделя. 1871. 7 февр.

<sup>29</sup> Скромные желания русской печати // Неделя. 1871. 19 окт.

<sup>30</sup> Материалы, собранные особою Комиссиею, высочайше утвержденною 2 ноября 1869 года для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. 5 т. Санкт-Петербург, 1870.

<sup>31</sup> РГИА, ф. 776, оп. 28, ед. хр. 1, л. 243—243 об.

<sup>32</sup> Проект устава о печати и цензуре [Санкт-Петербург, 1871] (далее Проект...).

<sup>33</sup> РГИА, ф. 776, оп. 28, ед. хр. 1, л. 412.

до 10, объем оригинальных остался прежним — 10 печ. л.<sup>34</sup> Не прошло предложение Ф.П. Еленева установить норму объема для научных книг и учебников в 5 печ. л., а также расширить значение термина 'специальное ученое содержание' и включить в эту категорию все книги по сельскому хозяйству и промышленности, так как начальник Главного управления М.Н. Похвиснев считал, что именно из-за трудности определения степени научности сочинения решения суда не всегда согласовывались с мнением администрации.<sup>35</sup> От предварительной цензуры были освобождены все издания правительства, академий, университетов и научных обществ, произведения на древних классических языках и переводы с них, а также чертежи, планы, карты и ноты без слов.<sup>36</sup> Промежуток времени между представлением в цензуру и выпуском его в свет Комиссия предполагала увеличить с 3 до 4 дней для книг и с 2 до 3 — для журналов.<sup>37</sup>

Наибольшее внимание было уделено вопросу о периодических изданиях. Концессионный порядок основания журналов и газет (то есть только с разрешения Министра внутренних дел) не вызвал споров. Мнения разделились по вопросу об освобождении от предварительной цензуры. Часть членов настаивала на автоматическом освобождении разрешенных министром изданий, исключая сатирические, другие считали, что и этот вопрос должен быть оставлен в ведении министра. Еленев отметил, что поскольку в новом проекте предварительная цензура оставлена только для книг, по объему и цене доступных для народа, то логично было бы также оставить на усмотрение министра освобождение от цензуры только дешевых газет (не дороже 6 руб. с пересылкой) и сатирических журналов. Он заявил, что, оставив часть периодической печати под цензурой, правительство не сможет ослабить влияние журналистики и уменьшить число периодических изданий, так как влияние журналистики совсем не зависит ни от количества журналов, ни от степени свободы, предоставленной печати. В качестве примера он привел 'Современник' и 'Русское слово', выходившие 'при полном господстве предварительной цензуры, которые не только держали под своим влиянием всю читающую молодежь, но пользовались авторитетом даже в некоторых правительственных сферах'.

Не было у администрации верного средства и для определения благонадежности лица, собирающегося стать редактором, часто приходилось утверждать совсем неизвестных лиц, как было с газетой 'Неделя'. 'Цензура, — по мнению Еленева, — всегда была и будет бессильна бороться с этими изворотами подцензурной журналистики, выработанными и усо-

<sup>34</sup> Проект... (примечание 32), с. 2.

<sup>35</sup> Журналы... (примечание 8), с. 16—20.

<sup>36</sup> Проект... (примечание 32), с. 1—2.

<sup>37</sup> Там же, с. 30—31.



вершенствованными именно благодаря существованию цензуры. Цензура только обеспечивает неблагонамеренные журналы от всех рисков бесцензурной печати, искусственно длит их существование, и в то же время не дает им высказать свои крайние убеждения во всей их наготе и грубости, что несомненно отвратило бы от них большинство их теперешних читателей'.<sup>38</sup> Еленев считал, что снятие цензуры со всех столичных периодических изданий не привело бы к усилению влияния журналистики, а только было бы более логичным шагом для комиссии, тем более, что в руках министра есть административные взыскания, с помощью которых всегда можно прекратить любое издание. Однако после обоснования своих взглядов, Еленев подчеркнул, что снятие предварительной цензуры со всех изданий скорее всего не получит законодательного утверждения, и присоединился к сторонникам противоположного мнения.<sup>39</sup>

В результате министр внутренних дел получил право по своему усмотрению освобождать периодические издания от предварительной цензуры в столицах и городах, на которые закон будет распространяться.

В проекте был установлен размер залогов для провинциальных периодических изданий: ежедневные газеты должны были внести 2.500 руб., остальные — 1.250 руб. Для Петербурга и Москвы залогов остались прежние: соответственно 5.000 руб. и 2.500 руб. От залога освобождались издания правительственные, академические, университетские; городских, земских и сословных учреждений, а также ученого, хозяйственного и технического содержания. По уставу 1865 г. в случае запрещения периодического издания, внесенный залог возвращался через год. В Комиссии предлагали убрать эту статью, но по настоянию Еленева, который считал, что в этом случае для определенного сорта людей, 'промышляющих преимущественно диффамациями и так называемыми обличениями, или же пропагандою социалистических идей', облегчится возможность доставать залогов для своих литературных предприятий,<sup>40</sup> статья осталась без изменений.

В уставе 1865 г. система административных взысканий была принята как временная мера, до введения в действие новых судебных уставов. Члены Комиссии единогласно оставили в проекте административные взыскания, мотивируя это тем, что 'новая система суда не успела еще повсеместно распространиться'.<sup>41</sup> Осталось в проекте и общее выражение 'вредное направление', за которое издания подвергались административным взысканиям. Объявить предостережение изданию за 'вредное направление' было наиболее быстрым и удобным способом наказать

<sup>38</sup> Журналы... (примечание 8), с. 59.

<sup>39</sup> Там же, с. 59—60.

<sup>40</sup> Там же, с. 64.

<sup>41</sup> Там же, с. 72.

за публикацию неугодной статьи. Администрацию не устраивала долгая судебная процедура, оправдательные приговоры, а кроме того, в некоторых случаях возбуждать судебное преследование не представлялось возможным из-за боязни привлечь излишнее внимание общественности.<sup>42</sup> В журналах Комиссии отмечалось, что 'повременные издания действуют не прямо, не высказываются категорично; писание между строк, полугласные намеки, известный подбор и сопоставление статей, все это вместе составляет то направление, которое не редко, будучи, в сущности, враждебно религии, нравственности или общественному порядку, ускользает от юридического определения, но понятно большинству читателей'.<sup>43</sup>

По мнению Любощинского, предостережение, полученное периодическим изданием, делало рекламу 'вредной' статье, поэтому он предложил первое предостережение объявлять негласно, однако его предложение не было принято.<sup>44</sup>

Одной из важных уступок печати было ограничение срока действия предостережений. По новому проекту через 15 месяцев предостережение снималось. Комиссия считала, что установление срока для предостережений не ослабит его силы, так как 'в случае уверенности в неблагонадежности... повременного издания, бдительная и энергическая администрация всегда нашла бы возможность объявить такому изданию третье предостережение до истечения срока действия первых двух'.<sup>45</sup>

В проекте остался концессионный порядок основания периодических изданий, типографий, литографий и книжных магазинов, то есть обязательное получение разрешения от министра внутренних дел или местных властей.<sup>46</sup>

4 февраля 1872 г. по распоряжению Александра II было учреждено Совещание под председательством министра внутренних дел А.Е. Тимашева в составе С.Н. Урусова, шефа жандармов П.А. Шувалова, обер-прокурора Синода Д.А. Толстого, министра юстиции К.И. Палена и товарища министра внутренних дел М.Р. Шидловского. Были назначены представители и от Морского ведомства — генерал Лисовский; от министерства императорского двора — Кистер, товарищ министра финансов — С.А. Грейг, и от военного ведомства — Л.Л. Штюмер для рассмотрения проекта и согласования различных редакций.<sup>47</sup>

На этом все работы над проектом Комиссии С.Н. Урусова были

<sup>42</sup> Там же.

<sup>43</sup> Там же.

<sup>44</sup> Там же, с. 75.

<sup>45</sup> Там же, с. 81.

<sup>46</sup> Проект... (примечание 32), с. 25, 36.

<sup>47</sup> Оржеховский И.В. Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866—1878). Горький, 1973, с. 70.



прекращены. В 'Кратком историческом очерке законодательной деятельности по цензуре с 1828 по 1874 г.' объяснение было следующим: '... вследствие изменившихся вскоре взглядов высшего правительства на дело цензуры и в виду особых политических условий, мысль об издании полного законодательства о печати, с преобладающим значением судебной ответственности, была оставлена. Взамен этого было признано необходимым усилить власть министра внутренних дел, как по отношению к отдельным бесцензурным изданиям, так и к изданиям периодическим'.<sup>48</sup> Под 'особыми политическими условиями' подразумевались начавшиеся тогда политические процессы над народолюбцами.

### 5. Законы, направленные на ограничение цензурной реформы

В области законодательства по делам печати 1870-е годы были особенно богаты на новые законы. Уже через год после введения в действие 'Временных правил' 6 апреля 1865 г. начался процесс постепенного ограничения цензурной реформы. Правительство приняло ряд законов, суживавших пределы гласности, расширявших возможности экономического воздействия на печать и наконец законы, с помощью которых дела печати постепенно были изъяты из ведения суда.

Первым из этих законов был закон от 17 октября 1866 г., запрещающий редакциям периодических изданий, подвергавшихся приостановке, издавать и выдавать подписчикам отдельные сочинения, переводы или сборники от имени этой же редакции.<sup>49</sup> Он пополнил арсенал экономических методов воздействия на печать — редакция в этом случае теряла подписчиков. Поводом к его принятию послужила попытка редакции 'Русского слова' во время приостановки журнала бесплатно выдать подписчикам сборник 'Луч', в двух томах которого содержался материал четырех номеров журнала.<sup>50</sup>

К законам, расширявшим возможности экономических мер воздействия, относится и закон 14 июня 1868 г., предоставивший министру внутренних дел право запрещать розничную продажу периодических изданий.<sup>51</sup> Необходимость такой меры в документах Главного управления по делам печати объяснялась следующим: 'наибольший запрос предъявляется публикою на те именно газеты, которые или не соответствуют, по своему направлению, видам правительства, или же стараются привлекать к себе читателей посредством возбуждения разного рода раздражающих вопросов... газеты этого рода, подвергаясь чаще

<sup>48</sup> РГИА, ф. 908, ед. хр. 168, л. 53. См. также: Оржесховский И.В. (примечание 47), с. 70.

<sup>49</sup> Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Санкт-Петербург, 1830—1884 (далее ПСЗ-II). Т. ХLI. № 43747.

<sup>50</sup> См. подробнее: Кузнецов Ф.Ф. Журнал 'Русское слово'. Москва, 1965, с. 384—385.

<sup>51</sup> ПСЗ-II. Т. ХLIII. № 45973.

других административным взысканиям или судебному преследованию, распространяются в этих случаях, в огромном количестве экземпляров... . Таким образом, розничная продажа газет становится новым и как бы специальным проводником всего, преследуемого в печати правительством, в те именно классы народа, среди которых всякие превратные или неблагонамеренные внушения печати производят наибольший вред'.<sup>52</sup> Запрещение розничной продажи заметно сказывалось на финансовом положении издания, так как редакция, кроме потери определенной суммы от розницы, несла убытки еще и от сокращения поступлений рекламы и объявлений.

По подсчетам М.Н. Куфаева, денежные потери издателей от этой меры наказания за 1873—1878 гг. составили около 83.633 руб. В.Д. Розенберг отмечал, что этот закон стал одним из наиболее часто применяемых.<sup>53</sup>

Закон неоднократно подвергался критике в печати. По подсчетам газеты 'Голос', издание, которому запрещалась розничная продажа, ежедневно теряло до 50 руб., через несколько дней сумма уже превышала максимальный штраф, налагаемый по закону, а через четыре месяца убыток мог превысить сумму залога в 5.000 руб., который вносил издатель при основании журнала. 'Голос' считал, что такое строгое наказание может наложить только суд и его необходимо изъять 'из сферы личного воззрения' министра внутренних дел.<sup>54</sup> Н.А. Демерт отмечал, что закон был заимствован из французских правил: однако во Франции запрещалась именно разносная уличная продажа в самых бойких местах, а не розничная в помещении редакции: номер запрещенный к разносной продаже газеты свободно продавался в книжных магазинах, объявленных в этих газетах. В России, в случае запрещения, в конторах могли принимать лишь абонентную подписку.<sup>55</sup> Во 'Внутреннем обозрении' 'Вестника Европы' К.К. Арсеньев писал, что первые два предостережения, полученные периодическим изданием, практически не меняют его положения, а 'запрещение... розничной продажи не имеет приготавительных степеней, постигает журнал внезапно, неожиданно, и сразу наносит тяжелый удар его интересам'. Он особо подчеркивал необходимость установить срок запрещения розничной продажи и соглашался с мнением автора 'Отечественных записок' насчет отличия нового закона от французского.<sup>56</sup>

Пытаясь избежать убытков в случае запрещения книги, освобожденной

<sup>52</sup> РГИА, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 739, л. 5 об.—6.

<sup>53</sup> См.: Есин Б.И. Запрещение розничной продажи газет как средство ограничения свободы печати: На материалах русских газет второй половины XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. II. Журналистика. 1967. № 6, с. 70—71.

<sup>54</sup> [Перед. ст.] // Голос. 1869. 10 сент.

<sup>55</sup> Н.Д. [Демерт Н.А.] Наши общественные дела // Отечественные записки. 1870. № 6, с. 351—354.

<sup>56</sup> [Арсеньев К.К.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. № 6, с. 830—833.



от цензуры (по закону в цензурный комитет представлялась корректура), предприимчивые издатели стали печатать с набора только несколько оттисков для предоставления в цензуру, а тираж — только после выпуска книги в свет. Такая практика была прекращена законом от 19 апреля 1874 г., по которому книги, печатаемые без предварительной цензуры, должны были быть представлены в цензурный комитет после отпечатания всего тиража и после того, как набор был бы разобран.<sup>57</sup> Таким образом, в случае запрещения сочинения, издатель нес убытки за весь тираж.

В августе-сентябре 1879 г. в Совете министров рассматривались предложенные министром внутренних дел Л.С. Маковым новые правила о денежных взысканиях с периодических изданий. Министр указывал на то, что продолжающееся предосудительное направление некоторых органов печати свидетельствует о недостаточности существовавших мер пресечения злоупотребления печатным словом. По его мнению, важнейшая из этих мер — предостережение вместо убытков приносит издателям значительные выгоды: первое — увеличивает число его подписчиков, приостановка издания в летние месяцы экономит средства на выпуск газеты. (По мнению Макова, издатель большой ежедневной газеты сэкономил до 20.000 руб. за три месяца, высылая подписчикам номера издания сходного направления и платя только за бумагу, печатание и пересылку.) Другая мера — запрещение розничной продажи — касалась только ежедневных изданий, и судя по огромному количеству штрафов, налагаемых на разносчиков за нарушение этих законов, так же не представлялась действенной мерой.

Министр предлагал определить размер штрафов в зависимости от прибыли, получаемой издателем, при этом их размер должен был увеличиваться при повторении проступка. Таким образом, размер первого штрафа составил бы до 1% с валового годового сбора, второго — до 2%, третьего — 3% и т.д. Потери издания, оштрафованного в течение года пять раз, насчитывали бы до 15% от валового дохода. Право наложения штрафа должно было быть предоставлено Совету Главного управления, а утверждение — министру внутренних дел, к которому редакторы могли апеллировать в случае несогласия. Часть суммы от штрафов должна была пойти на зарплату цензорам. Однако Комитет министров постановил, что равнозначной мерой с предложенной Маковым было бы запрещение министром внутренних дел помещать частные объявления в провинившемся издании на срок от 2 до 8 месяцев.<sup>58</sup> Это и было утверждено в качестве закона Александром II 5 сентября 1879 г.<sup>59</sup>

<sup>57</sup> ПСЗ-II. Т. XLIX. № 53398.

<sup>58</sup> РГИА, ф. 776, оп. 6-1879, ед. хр. 387, л. 5—15 об.

<sup>59</sup> ПСЗ-II. Т. LIV. № 59985.

Серию постановлений, направленных на ограничение обсуждения в печати различных вопросов, открывал закон от 13 июня 1867 г., по которому постановления, отчеты и прения в дворянских, земских и городских собраниях, а также выступления их участников, могли быть опубликованы в печати только с разрешения губернского начальства.<sup>60</sup> Закон 30 января 1870 г.<sup>61</sup> запрещал оглашать в печати факты, обнаруженные дознанием или предварительным следствием до судебного заседания или прекращения дела, а закон 4 февраля 1875 г.<sup>62</sup> запрещал обнародовать материалы закрытых судебных процессов.

По закону 16 июня 1873 г. министр внутренних дел получил право изымать на неопределенный срок из обсуждения в печати вопросы, признанные правительством неудобными. Редакции получали циркуляры с запрещением касаться различных тем. За нарушение закона издание могло быть приостановлено на три месяца.<sup>63</sup> Г.З. Елисеев отмечал, что вскоре 'стали запрещать говорить обо всем, о чем вздумается администрации и когда вздумается'.<sup>64</sup> В 1881 г. 'Страна' писала о бесконечных циркулярах Главного управления по делам печати: 'Плачевна, мизерна участь русской печати! Как не сметь касаться ни этого вопроса, ни того, а главным образом — не сметь говорить о том именно, что всех в данный момент наиболее занимает, что у всех на уме, что, все равно, составляет тему всех искренних, задушевных разговоров, не сметь касаться именно — "злобы дня"!'.<sup>65</sup>

#### 6. Отношения суда и администрации к цензурной реформе и Закон 7 июня 1872 г.

Еще до введения в действие цензурной реформы 1865 г., министр внутренних дел П.А. Валуев безуспешно пытался договориться с Министерством юстиции, чтобы в делах печати судебное ведомство поддерживало министра внутренних дел. Первые же судебные процессы показали, что новые суды предпочитают действовать в соответствии с законом и быть независимыми от администрации. Александр II, поддерживавший П.А. Валуева, распорядился о скорейшем принятии правил судопроизводства по делам печати, работа над которыми шла с конца 1865 г.<sup>66</sup> 12 декабря 1866 г. был принят закон, по которому дела о преступлениях печати из ведения окружных судов передавались на рассмотрение судеб-

<sup>60</sup> Там же. Т. XLII. № 44690.

<sup>61</sup> Там же. Т. XLV. № 47966.

<sup>62</sup> Там же. Т. L. № 54353.

<sup>63</sup> Там же. Т. XLVIII. № 52395.

<sup>64</sup> [Елисеев Г.З.] Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1880. № 10, с. 262.

<sup>65</sup> [Перед. ст.] // Страна. 1881. 17 мая.

<sup>66</sup> Подробнее см.: Чернуха В.Г. Правительственная политика... (примечание 3), с. 71—76.



ной палаты и Сената, т.е. туда, где администрации было легче расправиться с неугодным изданием.<sup>67</sup> А.В. Никитенко писал о законе: 'Итак, вот уже первая победа бюрократии над судебною властью. Бедное русское правосудие!'.<sup>68</sup>

По закону 6 апреля 1865 г. книги, освобожденные от предварительной цензуры, могли подвергаться преследованию только в судебном порядке. Суд мог поддержать обвинение лишь в том случае, если в нем содержалось прямое нарушение статьи закона. Поэтому судебные дела часто заканчивались оправданием издателей и авторов. По подсчетам Л.М. Добровольского к 1872 г. в судебном порядке были запрещены и уничтожены только три книги: А. Бобровский (Суворин). *Всякие. Очерки современной жизни* (Санкт-Петербург, 1866); Н.В. Соколов. *Отщепенцы* (Санкт-Петербург, 1866); О. Писарев (Мильчевский). *Прелести и ужасы разврата...* (Москва, 1870).<sup>69</sup> В отчете Главного управления по делам печати за 1872 г. отмечалось выгодное положение, в котором находились книги, освобожденные от предварительной цензуры и подлежащие только ведению суда, в отличие от периодических изданий, подвергавшихся еще и административным взысканиям. В связи с этим указывалось, что в 1871 и 1872 годах наблюдался количественный рост книг с вредным направлением и отмечалось, что большинство судебных преследований оказалось безуспешным.<sup>70</sup>

После отказа Петербургской судебной палаты привлечь к судебной ответственности В.В. Берви-Флеровского за его книгу 'Азбука социальных наук', в которой не было усмотрено состава преступления, Александр II повелел немедленно сделать соответствующие дополнения в законе. В январе 1872 г. А.Е. Тимашевым была подготовлена записка, в которой он предлагал 'вредные' сочинения преследовать не в судебном, а в административном порядке. Он подчеркнул, что после оправдательных приговоров администрация часто не решается возбуждать новые судебные дела. Но даже при обвинительных приговорах 'вредные' идеи осужденных книг расходятся в обществе в виде отчетов о судебных заседаниях, публикуемых в газетах.<sup>71</sup>

Новый закон был утвержден 7 июня 1872 г.<sup>72</sup> Министр внутренних дел получил право запрещать выход в свет 'особенно вредным' книгам или журналам, изданным без предварительной цензуры. Эти дела были

<sup>67</sup> ПСЗ-II. Т. XLI. № 43978.

<sup>68</sup> Никитенко А.В. *Дневник...* (примечание 9), т. 3, с. 53.

<sup>69</sup> Добровольский Л.М. К истории цензурной политики русского правительства во второй половине XIX века // Ученые записки / Ленинградский педагогический институт. 1948. Т. 67, с. 260.

<sup>70</sup> РГИА, ф. 776, оп. 11-1872, ед. хр. 108а, л. 34 об.—35 об.

<sup>71</sup> Оржесховский И.В. (примечание 47), с. 72—73.

<sup>72</sup> ПСЗ-II. Т. XLVII. № 50958.

переданы из ведения судебных палат в ведение Комитета министров. Возбуждение судебного преследования уже было необязательным. Был также увеличен срок между представлением в цензуру книг и журналов и выходом их в свет с 3 до 7 и с 2 до 4 дней. (Срок был увеличен по сравнению с тем, который предполагался по проекту Комиссии Урусова.)

К этому времени были не решены дела о 36 книгах. Благодаря новому закону 34 из них были запрещены. Среди них: второй том собрания сочинений А. Карреля (1866); 'Сборник рассказов в прозе и стихах' (1871); 'История февральской революции 1848 г.' Луи Блана (1872) и др. В 1873 г. были уничтожены: 'История американских соединенных штатов' К.Ф. Неймана (1873); 'История революции 18 марта' П. Ланжеле и П. Коррье (1873); 'Артели на Руси' В.Ю. Скалона (1873); 'Женское дело в Европе и Америке' И. Алферьева (1873); роман М.А. Филиппова 'Скорбящие' (1873) и др.<sup>73</sup> Закон 7 июня 1872 г. сразу же начал широко применяться на практике, а судебные процессы почти прекратились. Цензурные власти были удовлетворены законом. В отчете Главного управления по делам печати за 1876 г. отмечалось, что 'закон 1872 года дал полную возможность цензурному ведомству положить предел появлению в... неперiodической печати сочинений, или ублажавших грубые вкусы толпы циничностью своего содержания, или поджигавших молодежь искусственными картинами иного, якобы лучшего государственного строя, иных общественных отношений'.<sup>74</sup>

### 7. Критика Закона 7 июня 1872 г.

Закон был подвергнут резкой критике современников. В Женеве была отпечатана брошюра 'Протест русских студентов против русского правительства по поводу закона о печати', в которой подчеркивалось, что этим законом судьба печати 'отдана на произвол г. министра внутренних дел'.<sup>75</sup> А.В. Никитенко назвал этот закон 'Finis печати!'.<sup>76</sup> А. Розен писал М.И. Муравьеву-Апостолу 10 августа 1872 г.: 'Дополнительные цензурные правила вызовут тот же цензурный произвол, который так много навредил нашему отечеству, погрузив его в мрак безгласности в течение многих десятков лет. Бестолковые усердные цензоры сами невольно выльют новый "Колокол" погромче Герценовского'.<sup>77</sup>

Газета 'Неделя' выступила с рядом статей, посвященных новому

<sup>73</sup> Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России, 1825—1904: Архивно-библиографические разыскания. Москва, 1962, с. 61, 78, 84, 105—110.

<sup>74</sup> РГИА, ф. 776, оп. 11-1877, ед. хр. 1, л. 350 об.

<sup>75</sup> Протест русских студентов против русского правительства по поводу закона о печати. [Женева, 1872], с. 3.

<sup>76</sup> Никитенко А.В. Дневник... (примечание 9), т. 3, с. 244.

<sup>77</sup> ГАРФ, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 1822, л. 1.



закону. Она считала, что закон затормозит развитие издательской деятельности и постепенно вернет ее на уровень, который она имела до 1865 г. при господстве системы предварительной цензуры.<sup>78</sup> В передовой статье первого номера 1873 года под названием 'Скорбный год' прошедший год был назван 'тяжелым во многих отношениях'. К таким несчастьям, постигшим страну, как холера, оспа, неурожай, кражи и грабежи был отнесен и закон о печати 7 июня 1872 г.<sup>79</sup> В Совете Главного управления по делам печати эта статья была принята к сведению для определения направления газеты как 'крайне предосудительное'. В докладе члена Совета В.Я. Фукса отмечалось, что сопоставление закона 'с прискорбными событиями... доказывает крайнюю бестактность редакции и неблагонамеренную тенденцию газеты'.<sup>80</sup> К десятилетнему юбилею цензурной реформы 1865 г. в 'Неделе' была напечатана статья, в которой анализировалось положение печати. В частности, отмечалось, что закон 7 июня 1872 г. отрицательно повлиял на издательскую деятельность: 'Вообще относительно книжной литературы можно сказать, что в настоящее время она находится почти в тех же условиях, в каких находилась до издания закона 6 апреля'.<sup>81</sup>

Через пять лет 'Вестник Европы' писал, что 'роль суда по делам печати доведена до минимума; в его ведении оставлены... только процессы о диффамации и клевете против частных и второстепенных должностных лиц'.<sup>82</sup>

#### 8. Комиссия П.А. Валуева 1880—1881 гг.

В результате принятия ряда законов в конце 1860-х—1870-х гг. власть обеспечила себя мощными рычагами административного воздействия на печать. При этом многие положения Устава 1865 г. оказались упраздненными. В 1880 г. 'Вестник Европы' писал: 'история русского законодательства о печати за последнее пятнадцатилетие представляет целый ряд ничем не уравновешиваемых ограничений и стеснений, так что чувствительною переменной к лучшему было бы теперь даже простое возвращение к закону 6 апреля'.<sup>83</sup> Также оценивали ситуацию и 'Отечественные записки': 'с 1872 г. мало-по-малу исчезает все то, что давало некоторый декорум прессе, что сохраняло ей вид якобы свободный, исчезает и суд, и мотивировка предостережений и даже предоставленная ей законом 6 апреля 1865 г. свобода выбирать темы для своих рассуждений по соб-

<sup>78</sup> Новый закон о печати // Неделя. 1872. 20 авг.

<sup>79</sup> Скорбный год // Неделя. 1873. 7 янв.

<sup>80</sup> РГИА, ф. 776, оп. 1, ед. хр. 12, л. 21 об.—22.

<sup>81</sup> Десятилетие свободной печати // Неделя. 1875. 31 авг.

<sup>82</sup> [Арсеньев К.К.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1880. № 6, с. 814.

<sup>83</sup> Там же, с. 813.

ственному усмотрению. Фактически закон 6 апреля вполне упраздняется, заменяясь усмотрением администрации'.<sup>84</sup>

Следует отметить, что печать, несмотря на все стеснения, постоянно боролась за расширение своих прав, используя систему мер противостояния цензуре, выработанную предыдущими десятилетиями. Деятели печати протестовали против административного произвола, жаловались на незаконные действия цензоров, игнорировали некоторые цензурные правила, а также применяли различные уловки, дающие возможность обойти закон.

Во время революционной ситуации, сложившейся в России в конце 1870-х годов, правительство пришло к выводу о необходимости изменения политики в области печати. Решено было разработать новый закон о цензуре и печати, по которому был бы осуществлен переход к системе ответственности печати исключительно в судебном порядке. 25 октября 1880 г. в 'Правительственном вестнике' было объявлено об учреждении 'Особого совещания для обсуждения основных начал, на которых возможно было бы приступить к окончательному пересмотру ныне действующих законоположений и временных правил о печати'.<sup>85</sup> П.А. Валуев добился своего назначения председателем комиссии,<sup>86</sup> цель работы которой изложил в письме к начальнику Главного управления Н.С. Абазе: '... при ныне существующем законодательстве по делам печати правительство не вооружено теми способами действия, которые могли бы, если не устранить, то по крайней мере уменьшить это неудобство. С этой целью предположен переход от смешанной системы административных и судебных взысканий к системе более строгих, но исключительно судебных карательных мер'.<sup>87</sup>

Кроме П.А. Валуева в состав Совещания вошли: М.Т. Лорис-Меликов (министр внутренних дел), М.С. Каханов (товарищ министра), С.Н. Урусов (главноуправляющий II отделением), А.А. Абаза (министр финансов), А.А. Сабуров (управляющий министерством народного просвещения), К.П. Победоносцев (обер-прокурор Синода), Э.В. Фриш (товарищ министра юстиции), Л.С. Маков (бывший министр внутренних дел), Н.С. Абаза (начальник Главного управления по делам печати).

На первом заседании, происходившем 30 октября 1880 г., рассматривалась записка Н.С. Абазы 'Краткий исторический очерк законодательной

<sup>84</sup> [Елисеев Г.З.] Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1880. № 10, с. 248.

<sup>85</sup> Правительственный вестник. 1880. 25 окт.

<sup>86</sup> Подробнее см.: Чернуха В.Г. Правительственная политика... (примечание 3). с. 51, 81—82.

<sup>87</sup> Цит. по: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. Москва, 1964, с. 265.



деятельности по цензуре с 1828 по 1874 г.’.<sup>88</sup> Остановившись специально на итогах работы Комиссии С.Н. Урусова и законах 7 июня 1872 г. и 16 июня 1873 г., начальник Главного управления пришел к следующему выводу: ‘Пользуясь такими обширными административными правами, министр внутренних дел мог уже вполне обходиться без помощи суда. Однако практика исключительного господства административных усмотрений показала, что они не могут принести существенной пользы и что сдерживать печать такими мерами не только крайне затруднительно, но даже вредно для правительства’. И хотя, по его мнению, очень трудно ‘формулировать уголовные законы так, чтобы они предусматривали все без исключения случаи злоупотребления печатным словом’, тем не менее он считал необходимым переход к карательной системе, начала которой были положены в законе 6 апреля 1865 г.<sup>89</sup>

На второе заседание, состоявшееся 5 ноября, были приглашены представители периодической печати: Н.П. Гиляров-Платонов (редактор ‘Современных известий’), В.В. Комаров (редактор ‘Санкт-Петербургских ведомостей’), А.А. Краевский (редактор ‘Голоса’), В.А. Полетика (редактор ‘Молвы’), М.Е. Салтыков-Щедрин (редактор ‘Отечественных записок’), М.М. Стасюлевич (редактор ‘Вестника Европы’) и А.С. Суворин (редактор ‘Нового времени’), назвавший это приглашение ‘правом бессловесного участия в выработке проекта’.<sup>90</sup>

Г.К. Градовский вспоминал, что накануне литераторы собрались у А.А. Краевского и выработали ‘несколько основных положений’, которые должны были высказать в Комиссии.<sup>91</sup> Но, в итоге, представители печати не выступили со своим проектом цензурного устава, и даже не пытались обговаривать его основные положения, а ограничились одной основной идеей о необходимости полного перехода к судебной ответственности за преступления, совершаемые печатью, и распространении этого положения на всю территорию империи. М.Е. Салтыков-Щедрин и М.М. Стасюлевич рекомендовали обсудить в печати проект, который составит Комиссия.<sup>92</sup> Цензор К.И. Воронич, считавший, что ‘пресса... всему благому мешает своею бестактностью и невежеством’, негодовал по поводу того, что с его точки зрения литераторы не высказали ничего нового и полезного для работы Комиссии П.А. Валуева, хотя в перерыве и обсуждали с ее членами ‘разные частные вопросы’.<sup>93</sup>

<sup>88</sup> РГИА, ф. 908, оп. 1, ед. хр. 168, л. 51—55.

<sup>89</sup> Там же, л. 53 об.—55.

<sup>90</sup> ГАРФ, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 2213, л. 1.

<sup>91</sup> Градовский Г.К. Роковое пятилетие, 1878—1882 (Из литературных воспоминаний) // Градовский Г.К. Итоги (1862—1907). Киев, 1908, с. 62.

<sup>92</sup> Речь М.М. Стасюлевича в Комиссии по пересмотру закона о печати 1880 года // М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Санкт-Петербург, 1911, т. 1, с. 544—549.

<sup>93</sup> Воронич К.И. Представители печати в Комиссии. Санкт-Петербург, 1880, с. 8, 10.

## 9. Обсуждение вопросов цензурного законодательства в печати в 1880 г.

Следует отметить, что деятели печати не ограничились выступлениями в Комиссии. На страницах своих изданий они постоянно обсуждали различные вопросы цензурного законодательства. К.К. Арсеньев выступил в 'Вестнике Европы' со статьей, посвященной юбилею закона о печати. По его мнению необходимо было пересмотреть все законы по цензуре, изданные после 1865 г., распространить систему карательной цензуры на провинцию, установить срок давности для предостережений и продолжить постепенный переход к карательной системе цензуры с ответственностью по суду.<sup>94</sup> 'Отечественные записки' утверждали, что 'представители печати, прежде всего, конечно, желали бы совершенного освобождения печати от ведения администрации и предоставления преступлений печати преследованию и рассмотрению исключительно суда, на основании твердого закона'.<sup>95</sup>

В октябре 1880 г. в нескольких номерах 'Голоса' печаталась статья А.Д. Градовского, посвященная цензурным вопросам. А.Д. Градовский считал, что в правительстве 'сознается необходимость вывести ее [печать — Н.П.] из того, поистине, жалкого состояния, в которое она была приведена мерами "обуздания"'.<sup>96</sup> Он указывал на необходимость пересмотра не только законов, принятых после цензурной реформы, но и самих 'Временных правил' 1865 г. с целью перехода от административных взысканий к судебному преследованию. Суд, по его мнению, выносил приговор после прений, где заслушивались обе стороны и обвиняемому предоставлялась возможность защищаться, а административные взыскания налагались без объяснений. Размер наказания, определяемого судом (максимальный штраф 500 руб.) ниже того, которому может подвергнуть администрация (запрещение печатать объявления на два месяца обходится газете от 10.000 до 20.000 руб.). А.Д. Градовский считал также необходимым расширить границы гласности, в частности, предложил публиковать сведения о ходе работ Комиссии. В другой статье А.Д. Градовский отметил, что в Комиссию были приглашены только представители столичной печати, которая уже имеет некоторые свободы, а провинциальная печать, которая подчинена предварительной цензуре, 'была обречена на безмолвие'.<sup>97</sup> Он считал необходимым развивать брошюрную литературу, и поэтому предлагал снять норму освобождения от цензуры книг в 10 печатных листов.

<sup>94</sup> [Арсеньев К.К.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1880. № 6, с. 813—815.

<sup>95</sup> [Елисеев Г.З.] Несколько слов по поводу вопросов злобы дня // Отечественные записки. 1880. № 9, с. 142.

<sup>96</sup> Градовский А.Д. Комиссия по пересмотру законов о печати // Голос. 1880. 29, 30, 31 окт.

<sup>97</sup> Градовский А.Д. Нужды печати // Голос. 1880. 11 нояб.



‘Неделя’ высказала пожелание о том, чтобы решение вопроса о пересмотре существующего законодательства о печати, с заменой административного надзора судебным, ‘не откладывалось в долгий ящик’,<sup>98</sup> и о необходимости распространения новых законов на провинцию.<sup>99</sup>

Высказался и правительственный официоз газета ‘Берег’. В нескольких ее номерах печаталась статья ‘Печать и торговля’,<sup>100</sup> в которой подчеркивалось, что ни административные меры, ни суд не достигают цели. Предлагалось запретить в газетах отдел объявлений и тем самым вообще уменьшить число газет.<sup>101</sup>

В делах Особого Совещания сохранилась записка издателя К.В. Трубникова, в которой он анализировал положение печати. По его мнению, цензурный устав 1865 г. ‘не поставил надлежащей преграды распространению ложных учений и политических мечтаний’. Административные взыскания ‘только возвышали славу данной газеты или журнала’, вместо запрещенных периодических изданий возникали новые благодаря подставным редакторам. Трубников считал необходимым развивать проправительственную прессу: ‘Чтобы противостоять вредному направлению нужен капитал и талантливые публицисты’.<sup>102</sup>

В октябре 1880 г. П.А. Валуев получил письмо из Севастополя, автор которого винил периодическую печать в том, что молодежь дошла до преступлений. Он считал, что систему карательной цензуры с ответственностью по суду необходимо распространить на территорию всей страны и снизить норму объема освобожденных от цензуры изданий с 10 до 5 печатных листов. Все это, по его мнению, должно было привести к тому, что ‘все... ложные либералы предстанут пред правительством без маски; все проводимые ими ложные системы не будут уже в состоянии укрываться под громкие фразы либеральствующей журналистики’.<sup>103</sup>

### 10. Проект нового цензурного устава 1881 г.

В ноябре 1880 г. П.А. Валуев, С.Н. Урусов, Э.В. Фриш и Н.С. Абаза начали разрабатывать основные положения будущего цензурного устава. Валуеву, стороннику системы административных взысканий, пришлось, по его словам, вести дело совсем иначе, чем он предполагал: ‘Оказалось, что при данных условиях полная свобода печати предрешена. Остается изыскивать способы и средства сделать ее по возможности менее

<sup>98</sup> Взыскание по делам печати // Неделя. 1880. 5 окт.

<sup>99</sup> Червинский П. На что надеяться? (По поводу ‘новых веяний’) // Неделя. 1880. 14 дек.

<sup>100</sup> Печать и торговля // Берег. 1880. 24, 26, 29, 31 окт.

<sup>101</sup> Там же. 31 окт. См. также: Силаев М.А. Правительственный официоз газета ‘Берег’ (1880 г.) // Труды / Государственный Исторический музей. Москва, 1976. Вып. 46, с. 228—229.

<sup>102</sup> РГИА, ф. 908, оп. 1, ед. хр. 168, л. 34—42.

<sup>103</sup> Там же, л. 134 об.

вредною'.<sup>104</sup> В конце февраля в Особое совещание были представлены выработанные ими документы.<sup>105</sup> В них говорилось, что члены этой новой комиссии не смогли прийти к общему решению по вопросу о подсудности преступлений по делам печати и по вопросу о разрешении разногласий между Министерством внутренних дел и Министерством юстиции. Валуев настаивал на необходимости возвращения к положениям реформы 1865 г. Преступления и проступки печати он предлагал подчинить общему порядку уголовного судопроизводства, то есть рассматривать их в окружных судах, а все недоразумения, возникающие между цензурными учреждениями и прокурорским надзором предоставлять разрешать министрам внутренних дел и юстиции. Абаза, Урусов и Фриш придерживались другого мнения. Они предлагали сохранить закон от 12 декабря 1866 г., по которому дела печати рассматривались в судебных палатах, а в вопросе о разрешении разногласий между министерствами — передать эти полномочия I департаменту Сената при участии Министерства внутренних дел. Позиция Валуева более отвечала интересам журналистики.

Проект основных правил цензурного устава состоял из четырех записок: 'О правах административной власти, заведующей делами печати', 'Основные положения для пересмотра уголовного закона по делам печати', 'Перечень предполагаемых изменений и дополнений карательных постановлений о печати', 'Основные положения для пересмотра административной части действующих постановлений о цензуре и печати'.

По новому проекту опять оставались в действии обе цензурные системы — предварительная и карательная. Предполагалось постепенно распространить карательную систему в тех местностях империи, где будет введена судебная реформа. Норма, дающая право печатать отдельные издания без цензуры снижалась с 10 до 5 печатных листов для оригинальных сочинений и с 20 до 10 листов для переводных. От предварительной цензуры освобождались все периодические издания в столицах и в тех городах, на которые распространится действие карательной системы, кроме изданий для народа, эстампов и рисунков. Денежный залог для освобожденных от цензуры газет в Петербурге и Москве был увеличен. Для выходящих более трех раз в неделю — с 5.000 руб. до 8.000 руб., для еженедельных изданий залог устанавливался в 5.000 руб., для остальных — в 4.000 руб. (Раньше все издания, кроме ежедневных, вносили 2.500 руб.) Для изданий, выходивших в других городах, залог оставался прежний.

<sup>104</sup> Цит. по: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия... (примечание 87), с. 264.

<sup>105</sup> РГИА, ф. 908, оп. 1, ед. хр. 168, л. 108. Отметим, что сведения о залогах в книге П.А. Зайончковского приведены не точно. См.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия... (примечание 87), с. 268.



В проекте провозглашалась отмена административных взысканий. Подчеркивалось, что приостановка и прекращение периодических изданий и уничтожение книг может последовать лишь по решению суда. За административной властью были оставлены следующие права: выдача разрешений на основание периодических изданий и утверждение ответственных редакторов; воспрещение обсуждения в периодической печати 'неудобных' вопросов; получение узаконенного числа экземпляров каждого издания до выпуска его в свет; наложение ареста и возбуждение судебного преследования.

Составители проекта считали, что необходимо, не дожидаясь пересмотра уложения о наказаниях, изменить и дополнить статьи уложения, относящиеся к преступлениям печати. Признавалось необходимым определить минимальную и максимальную меру наказания за каждое отдельное нарушение. Наивысшие размеры наказаний предполагалось увеличить: заключение в крепости до 5 лет; в тюрьме — до 3 лет, максимальный штраф 37.000 руб. (по уставу 1865 г. — 500 руб.). Срок для возбуждения судебного преследования для периодических изданий определялся в 6 месяцев, для остальных — 1 год.

### **11. Прекращение работы Комиссии П.А. Валуева и поворот в сторону реакции**

28 февраля 1881 г. состоялось последнее заседание Особого совещания. После убийства народовольцами Александра II работа комиссии не возобновлялась. П.А. Валуев писал в дневнике:

Весь ход дела по комиссии о печати характеризовал систему гр. Лорис-Меликова и отражал на себе странные особенности официальной современной среды. Государь желал перемены в смысле обуздания прессы. Бывший министр внутренних дел желал того же, но преимущественно имел в виду перехватить дела у гр. Лорис-Меликова и его клеветы Абазы, который только на вид считал себя подчиненным своего министра. Я предполагал воспользоваться пересмотром закона, чтобы еще раз попытаться провести мою основную идею о том, что карательные и предупредительные меры недостаточны, что они вообще должны быть редко употребляемы, и что для уравнивания или уменьшения влияния враждебной правительству прессы нужно было, чтобы само правительство не оставалось немым, как было до сих пор, и официально и официально следило за той прессой шаг за шагом, а на каждом шагу противопоставляло правду неправде. Гр. Лорис-Меликов думал только о том, чтобы оградить свою газетную популярность и под предлогом строгого преследования вредной печати формою суда, — избавить администрацию от щекотливой обязанности налагать взыскания в административном порядке. ... После второго заседания комиссии (с приглашением журналистов) я убедился в невозможности прийти к каким-нибудь удовлетвори-

тельным результатам... . Затем дело тянулось, так сказать, в силу первоначального толчка; но никто в его успех не верил, — и после 1-го марта никто о нем не упоминал.<sup>106</sup>

После 1 марта 1881 г. поворот в сторону реакции в правительственной политике сразу же отразился на положении печати. Как известно, Александр III называл литераторов не иначе, как 'мерзкими писаками'.<sup>107</sup> В августе 1881 г. на докладе министра внутренних дел о приостановке газеты 'Голос' на шесть месяцев он написал: 'Об одном сожалею, что нет большего наказания по закону'.<sup>108</sup> Печать всячески пытались заставить замолчать. Начальник Главного управления Н.С. Абаза просил редакторов периодических изданий до похорон Александра II не публиковать статей о 'бедности крестьян, о наделах, об административных ссылках, о прошлом царствовании, о надеждах на перемены'.<sup>109</sup> М.Е. Салтыков-Щедрин писал, что 'в сфере книгопечатания циркуляры так и сыплются'.<sup>110</sup> Редакторы периодических изданий вынуждены были заменять массу непропущенных страниц, а то и целых статей, постоянно находясь под страхом взыскания. 8 апреля 1881 г. Н.В. Шелгунов писал Е.И. Ардов-Апрелевой: 'У цензоров есть такое предписание: все пропуски, упущения, недоразумения, которые извинялись до 1 марта, после 1 марта извиняться не будут... . Ужасно ловят... . Бесцензурным, пожалуй, еще труднее'.<sup>111</sup>

Либерально-настроенные политики были уволены в отставку, а циркуляром от 21 апреля 1881 г. запрещалось об этом писать. В частности, произошла и смена начальников Главного управления. Вместо Н.С. Абазы был назначен историк и литератор князь П.П. Вяземский. Н.В. Шелгунов писал о нем: 'Это человек, зависящий от влияний; он может быть белым, красным, зеленым и даже желтым... . Но нам-то трудно быть всех цветов'.<sup>112</sup>

В мае 1881 г. на пост министра внутренних дел был назначен Н.П. Игнатьев, всячески пытавшийся притеснять печать.<sup>113</sup> Современники утверждали, что положение с цензурой стало очень тяжелое. С. Дара-

<sup>106</sup> *Балуев П.А.* Дневник. 1877—1884. Петроград, 1919, с. 146—147.

<sup>107</sup> Переписка Александра III с гр. М.Т. Лорис-Меликовым (1880—81) // Красный архив. 1925. № 1(8), с. 119.

<sup>108</sup> РГИА, ф. 776, оп. 1-1881, ед. хр. 17, л. 55.

<sup>109</sup> *Ардов-Апрелева Е.И.* Муки редактора (Из писем Николая Васильевича Шелгунова 1880—1884) // *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов, М.Л., Воспоминания.* Т. 1. Москва, 1967, с. 373.

<sup>110</sup> *Салтыков-Щедрин.* Собрание сочинений в 20 т. Москва, 1965—77. Т. 19. Кн. 2. Москва, 1974, с. 49.

<sup>111</sup> *Ардов-Апрелева Е.И.* Муки редактора... (примечание 109), с. 374.

<sup>112</sup> Там же, с. 373.

<sup>113</sup> Подробнее см.: *Балуев Б.П.* Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. Москва, 1971, с. 33—40.



ган писал Г.А. Де-Воллану 9 октября: '... теперь что-то ужасное творится с цензурой, скоро нечего читать будет'.<sup>114</sup>

## 12. Проект 'Временных правил' Н.П. Игнатьева и Закон 27 августа 1882 г.

Весной 1882 г. Н.П. Игнатьев разработал проект 'Временных правил', которые облегчили бы администрации расправу с неудобными периодическими изданиями.<sup>115</sup> В проекте предлагалось опять ограничиться временными правилами, не изменяя 'настоящего преобладающего административного порядка'. Игнатьев считал, что суд 'может служить надежным оплотом в защите правительства и общества против явных посягательств, но едва ли может служить надежным союзником в борьбе против ухищрений враждебной прессы', а 'исключительное обращение администрации в делах печати к судебной власти открыло бы широкий путь к безнаказанной антиправительственной агитации'.<sup>116</sup> Игнатьев предлагал предоставить министру внутренних дел право одновременно с объявлением периодическому изданию первого предостережения запрещать его розничную продажу; вместе с объявлением второго — запрещать сверх того и печатание частных объявлений. (И то и другое — без ограничения срока.) После двух предостережений министр мог приостановить это издание на срок до шести месяцев или обязать редакцию ежедневного издания представлять экземпляры каждого номера в цензурный комитет не позднее 23 часов накануне дня выпуска. По желанию министра внутренних дел против этого издания могло быть возбуждено и судебное преследование. Право совершенного прекращения периодического издания в административном порядке предполагалось предоставить Высшей комиссии, состоящей из министра внутренних дел, министра народного просвещения, министра юстиции и обер-прокурора Синода. Министр внутренних дел мог ставить вопрос о прекращении издания независимо от количества полученных предостережений.<sup>117</sup>

Обер-прокурор Синода П.К. Победоносцев одобрил проект.<sup>118</sup> Министр народного просвещения И.Д. Делянов предложил некоторые дополнения, например, обязать периодические издания, 'замеченные в систематическом распространении лжи, клеветы и оскорбительных отзывов против правительства или частных лиц', подписывать фамилию автора под каждой статьей. Министр юстиции Д.Н. Набоков выступил против объединения наказаний. По его мнению не следовало соединять

<sup>114</sup> Де-Воллан Г.А. Очерки прошлого // Голос минувшего. 1914. № 5, с. 117.

<sup>115</sup> Зайончковский П.А. Кризис самодержавия... (примечание 87), с. 412—413.

<sup>116</sup> РГИА, ф. 908, оп. 1, ед. хр. 168, л. 135 об.

<sup>117</sup> Там же, л. 135 об.—137 об.

<sup>118</sup> См.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия... (примечание 87), с. 412.

запрещение розничной продажи с первым предостережением, а запрещение печатать частные объявления со вторым, чтобы в распоряжении администрации было как можно больше карательных мер. После третьего предостережения или приостановки он предлагал подчинить издание предварительной цензуре.<sup>119</sup>

В августе 1882 г. новый министр внутренних дел Д.А. Толстой, рассмотрев проект Н.П. Игнатьева и замечания министров, составил новый проект закона, который после рассмотрения в Комитете Министров (Толстой считал, что внесение проекта в Государственный совет замедлило бы дело),<sup>120</sup> был утвержден Александром III 27 августа.<sup>121</sup>

По закону издания (выходившие не реже одного раза в неделю), возобновленные после временной приостановки, должны были каждый номер представлять в цензурный комитет не позднее 23 часов накануне дня выхода в свет. Приостанавливать выпуск этих изданий цензурному комитету разрешалось без возбуждения судебного преследования. Срок действия этого наказания устанавливал министр внутренних дел. Таким образом, после приостановки, газеты вновь подчинялись предварительной цензуре, да еще ставились в тяжелые условия так как после 22 часов никакие материалы уже не попадали в номер и издание теряло оперативность в освещении событий.

Редакции газет и журналов, выходящих без предварительной цензуры, обязаны были сообщать по требованию министра внутренних дел фамилии авторов анонимных или подписанных псевдонимами статей.

Вопрос о совершенном прекращении или о приостановке периодических изданий решала созданная Верховная комиссия по печати, состоявшая из министров внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора Синода при участии руководителя ведомства, возбуждавшего рассматриваемый вопрос. Совещание четырех министров имело право лишить редактора и издателя возможности когда-либо в будущем редактировать или издавать другой периодический орган. (Это наказание, которое раньше мог наложить только суд на срок не свыше пяти лет, было переведено в разряд административных взысканий.) Закон распространялся на все периодические издания, в том числе и на арендуемые у правительственных и учебных учреждений.

### 13. Обсуждения Закона 27 августа 1882 г.

Текст 'Временных правил' был перепечатан в 'Неделе' с многозначительным замечанием: 'Этот новый закон о печати настолько ясен сам

<sup>119</sup> РГИА, ф. 908, оп. 1, ед. хр. 168, л. 139—139 об.

<sup>120</sup> Там же, ф. 776, оп. 1, ед. хр. 18, л. 33.

<sup>121</sup> Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Санкт-Петербург, 1885—1916. Т. II. № 1072.



по себе, что нам с читателями остается без всяких рассуждений принять его “к сведению””.<sup>122</sup> А.Д. Градовский отметил, что почти все издания высказали отрицательное отношение к новому закону.<sup>123</sup>

Подробный разбор текста закона был дан К.К. Арсеньевым в ‘Вестнике Европы’. Он считал, что и до 1882 г. власть администрации над печатью была ‘почти безграничной’, а после принятия нового закона для административного произвола уже не стало никаких стеснений и никаких гарантий для свободы печати: ‘в направлении, одинаковом с духом “временных” правил идти больше некуда, оно доведено уже и теперь до крайних пределов’.<sup>124</sup>

Закон стал широко применяться на практике. В 1880-е годы Совещанием четырех министров были закрыты: ‘Московский телеграф’ (1883), ‘Отечественные записки’ (1884), ‘Светоч’ (1885), ‘Здоровье’ (1885), тифлисская газета ‘Дрозба’ (1885), киевская ‘Заря’ (1886) и ‘Сибирская газета’ (1889). Прекратили свое существование вследствие применения третьего пункта правил (представление очередного номера в цензурный комитет до 23 часов): ‘Страна’ (1883), ‘Голос’ (1883), ‘Восток’ (1886), ‘Русский курьер’ (1889), газета Гатцука (1890), ‘Русское дело’ (1890).<sup>125</sup>

В отчете Главного управления по делам печати за 1882—1891 годы новый его начальник Е.М. Феокистов дал характеристику новому закону и объяснил, чем он был вызван: ‘Печальное положение нашей печати, к которому она пришла в конце 70-х годов благодаря предоставленной первоначально ей свободе и снисходительному отношению к ней власти, вызвало необходимость ограничения этой свободы и иного, более строгого отношения к ней со стороны правительства. С этой целью 27 августа 1882 г. были высочайше утверждены новые правила относительно периодической прессы, значительно суживающие свободу ее и вместе с тем увеличивающие цензурные правомочия’.<sup>126</sup>

\* \* \*

Исследователь истории цензуры В.А. Розенберг следующим образом характеризовал положение печати в 1880-е годы: ‘При Толстом и его ближайших преемниках, когда во главе цензурного ведомства стал... Феокистов, она [предварительная цензура — Н.П.] превратилась в сплошной трагический анекдот, напоминавший николаевскую эпоху. Но правила 27-го августа, загоняя русскую печать в... духовную тюрьму.

<sup>122</sup> Новый закон о печати // Неделя. 1882. 19 сент.

<sup>123</sup> [Градовский А.Д.] Ближайшие задачи нашей печати // Голос. 1882. 21 сент.

<sup>124</sup> [Арсеньев К.К.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1882. № 10, с. 792—793.

<sup>125</sup> Подробнее см.: Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. Москва, 1970, с. 280—298; Балугев Б.П. (примечание 106), с. 43—52.

<sup>126</sup> Цит. по: Зайончковский П.А. Российское самодержавие... (примечание 125), с. 273—274.

приготовили злую участь и для счастливых, заручившихся правом бесцензурного печатания до этого указа. Под его ударами в течение трех-четырех лет погибло большинство столичных газет и журналов. ... Оппозиционному органу печати, как бы он ни был лоялен и сдержан, опасности грозили со всех сторон и на каждом шагу'.<sup>127</sup> Интересно свидетельство Г.К. Градовского, работавшего в конце 1860-х годов в провинциальных подцензурных газетах и мечтавшего перебраться в столицу, где печать подчинялась правилам о карательной цензуре, что по его мнению 'означало свободу и самостоятельность, говорило об избавлении мысли и слова от цензурных пеленок, от унижительной и раздражающей опеки над человеческим умом и творчеством'. После его переезда в Петербург в 1869 г. и работы в столичных органах печати оказалось, что "«столичная свобода» печати не более, как плохо намалеванная, далеко не блестящая, скоро продырявившаяся и обесцветившаяся декорация'.<sup>128</sup>

\* \* \*

Неоднократные попытки пересмотра цензурного законодательства, предпринимаемые в правительственных комиссиях, не привели к принятию нового устава о печати взамен 'Временных правил' 6 апреля 1865 г. Вместо этого была издана серия законов, направленных на ограничение действия цензурной реформы. В 1882 г. правительство завершило контрреформу: в законодательном порядке была уничтожена суть правил 1865 г. — судебная ответственность за нарушение закона. В таком виде закон о цензуре юридически определял положение печати более 20 лет.

<sup>127</sup> Розенберг В.А. Против течения // На чужой стороне. Берлин, 1923. № 3, с. 196—197.

<sup>128</sup> Градовский Г.К. К истории русской печати. Материалы и заметки // Русская старина. 1882. № 2, с. 493.



# A Selected Bibliography of Recent Works on Russian and Soviet Censorship

M. V. Zelenov with M. Dewhirst

## Introductory Note

Mikhail Vladimirovich Zelenov is a young historian who was born and educated in Gorky. He was appointed to the position of *dotsent* in the Department of History and Politics at the Volgo-Viatskaia Akademiia Gosudarstvennoi Sluzhby, Nizhny Novgorod, in 1996. His candidate's dissertation was devoted to the writings of V. I. Nevskii (1876–1937), a Bolshevik who became the Director of the Lenin Library in Moscow in 1925 and was arrested in February 1935 (see Zelenov's article in *Voprosy istorii KPSS*, 1991, No. 8, pp. 121–135). His main field of interest has been Russian historiography of the nineteenth and twentieth centuries, a topic which inevitably involved him in a study of censorship in Russia both before and after the October Revolution. His most recent publication is an article entitled 'Glavlit i istoricheskaya nauka v 20–30-e gody' in *Voprosy istorii*, 1997, No. 3, pp. 21–36. Zelenov is currently completing his doctoral thesis on 'The Soviet state, the Bolshevik party and historical science in Russia in the 1920s and 1930s'.

Towards the end of 1996 Mikhail Vladimirovich spent a few weeks in England on a Visiting Fellowship from the British Academy. He was based at the School of Slavonic and East European Studies, University of London, where I had the pleasure of discussing with him the genesis, development and peculiarities of the Soviet censorship system. It transpired that he had brought with him his notes for a selected bibliography of recent publications, mainly by citizens of the Russian Federation, on Russian and Soviet censorship. It seemed to me that these materials should be published as soon as possible so that the growing number of scholars working in this area could refer forthwith to a wider range of sources than would otherwise be possible. I have checked as many of the entries *de visu* as is currently possible in the UK and added a few items of particular value (in my opinion) which were unknown to Zelenov. It ought to be stressed that this is a highly selective bibliography; it will no doubt be superseded by a much fuller one in the not very distant future. I should point out that we are aware that some half-dozen of the authors listed may well not be citizens of the Russian Federation; it might have been better to describe them as 'former Soviet' scholars, but, for all we know, that may also be inaccurate. I have to take the responsibility for omitting several of Zelenov's entries and for leaving in a few items (e.g. relating to Armenia, Belarus, Latvia and Ukraine) which I thought might not otherwise come to the attention of

readers of *Solanus*. The place of publication of the periodicals listed below is Moscow, unless otherwise stated. The place of publication of all monographs has been included.

MARTIN DEWHIRST

Работы российских авторов по истории досоветской  
цензуры, опубликованные в 1988—1995 годах

- Антонова Т.В.* Пореформенная цензура в оценке русских журналов 1865—1871 гг. // Общественно-политическая проблематика периодической печати России (XIX—нач. XX вв.). Москва, 1989. С. 3—16.
- Антонова Т.В.* Столичные журналы о цензурных преобразованиях в России, 1862—1882. Москва, 1990. 175 с. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 44024 от 26.02.91.
- Батурин Ю.* Невинное пользование правом мыслить и писать...: Из истории цензурных курьезов в России // Журналист, 1992, № 11/12. С. 16—17.
- Батурин Ю.М.* Политический осциллятор: 'Новый Карфаген' против гласности (из российской истории) // Политические институты и обновление общества. Москва, 1989. С. 168—184.
- Батурин Ю.М.* Цензура против гласности: от Ивана Грозного до 1917 г. // Советское государство и право, 1989, № 3. С. 134—142.
- Бацанадзе А.С.* Грузинская пресса и царская цензура в период второй революционной ситуации и реакции (1879—1885). Автореферат диссертации... к.и.н. Тбилиси, 1990. 22 с.
- [Без автора] Свобода печати в России в начале XX века // Российский ежегодник, Вып. 2 (1990). С. 235—242.
- Березина В.Г.* К журнальной борьбе начала 1830-х годов (цензурная история второго номера 'Московского телеграфа' за 1831 год) // Русская литература, 1988, № 4. С. 164—175.
- Брюсов В.* Свобода слова. Публикация, вступление и примечания Гиндина С.И. // Литературная газета, 1990, 22 авг. № 34. С. 6. (Публ. статьи 1905 г.)
- Бычков С.С.* Радищев и цензура 1860-х годов // Русская литература, Ленинград, 1989, № 2. С. 197—200.
- Витенберг Б.М.* 'Бутурлинский комитет' // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия в пяти томах. Том 1. А—Д. Москва, 1994. С. 320.
- 'Вольная культурная работа...' П. Сорокин, И. Павлов, П. Кропоткин в защиту свободы печати // Человек, 1991, № 4. С. 107—110.
- Галай Ю.* Цензурные мытарства краеведа // Записки краеведов, Нижний Новгород, 1991. (О Гациском, А.С.)



- Геворкян Л.М.* Газета Григора Арцруни 'Мшак' и цензура (1872—1892) // Вестник общественных наук, Ереван, 1990, № 9. С. 3—11. [На арм. яз.] [Резюме на англ. яз.]
- Генералова Н.П.* Из истории 'Современника' 1859—1863 гг. ('Свисток' в борьбе с царской цензурой) // Некрасовский сборник, Ленинград, № 10 (1988). С. 19—32.
- Друговская А.Ю.* Цензурой запрещено // Вопросы истории, 1990, № 4. С. 165—169. (О Н.Г. Чернышевском.)
- Евдокимова М.В.* Полемика в русской прессе о свободе слова и цензурных постановлениях, 1857—1867. Автореферат диссертации... к.и.н. Санкт-Петербург, 1994.
- Замлинський В.О., Палієнко М.Г.* Журнал 'Киевская старина' під царською цензурою // Український історичний журнал, Київ, 1993, № 10. С. 62—76.
- Кодан С.В.* Духовная цензура в законодательстве крепостнической России (1800—1850-е годы) // Осмысление духовной целостности. Екатеринбург, 1992. С. 286—296.
- Котельников В.А.* Гончаров как цензор // Русская литература, Ленинград, 1991, № 2. С. 24—51. (Публикация нескольких критических отзывов Гончарова, связанных с его цензорской службой 1850—1860-х гг.)
- Кучина Т.Г.* Главное управление по делам печати (ГУПДП) Министерства внутренних дел // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия в пяти томах. Том 1. А—Д. Москва, 1994. С. 560.
- Левина Н.Г.* Цензурная реформа 1865 года и русская периодическая печать // Буржуазные реформы в России второй половины XIX в. Воронеж, 1988. С. 105—111.
- Марков К.А.* Проблемы свободы печати в России начала XX в. // Государство и право, 1993, № 11. С. 132—139.
- Неожиданный оппонент. Предисловие и примечания Семанова С. // Слово: Литературно-художественный ежемесячник Госкомиздатом СССР и РСФСР, 1990, № 8. С. 61—62. (Публикация статьи Брюсова 'Свобода слова' 1905 г., являющейся откликом на статью Ленина 'Партийная организация и партийная литература'.)
- О свободе печати // Новое время, 1990, № 19. С. 37—39. (Публикация фрагментов статей русских публицистов из сборника 'В защиту слова' 1905 г.)
- Патрушева Н.Г.* Деятели печати в борьбе с цензурой: 60-е гг. XIX в. // Книжное дело в России во второй половине XIX—нач. XX в., Санкт-Петербург, Вып. 6 (1992). С. 41—55.
- Патрушева Н.Г.* Учреждения Главного управления по делам печати (1865) и начало его деятельности // Книжное дело в России во второй половине XIX—нач. XX в., Ленинград, Вып. 4 (1989). С. 41—55.
- Патрушева Н.Г.* Цензурная реформа в России 1865 г. Автореферат диссертации... к.и.н. Москва, 1990. 18 с.
- Равич Л.М.* Для Петропавловской крепости недостижима: Библиография и цензура в России // Библиография, 1993, № 5. С. 98—109. (Период 1837—1913.)

- Рахманова Н.А.* Цензурное ведомство против Джорджа Кеннана // Книжное дело в России во второй половине XIX—нач. XX в., Ленинград, Вып. 5 (1990). С. 41—45.
- Сапожников А.И.* С.А. Панчулидзе и его сочинение '11 марта 1801 года' // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Санкт-Петербург, 1994. С. 47—53. (Цензура в России в кон. XIX—нач. XX вв.)
- Сдобнов В.В.* Гоголь и царская цензура // Художественное восприятие: Проблемы теории и истории. Калинин, 1988. С. 87—93.
- Соловьев И.В.* Подцензурная печать 1858—начало 1859 гг. в России и крестьянская реформа. Автореферат диссертации... к.и.н. Москва, 1995.
- Сомов В.А.* Цензура иностранных изданий в Риге в конце XVIII в. // *Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. Известия АН Латв. ССР, Рига, 1990, № 4. С. 53—58.
- Стафорова Е.Л.* Министерство народного просвещения и печать при А.В. Головине (60-е гг. XIX в.) // Отечественная история, 1995, № 5. С. 60—72.
- Сяльверстава С.* Фармаванне сістэмы нагляду за культурай Беларусі у канцы XVIII—першай палове XIX ст. // *Беларусіка=Albaruthenica*, Мінск, 1994. С. 39—48.
- Ущиповский С.Н.* Основные направления цензурного редактирования текстов в журнале 'Исторический вестник' (по архивным материалам) // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение, Ленинград, 1992, Вып. 2. С. 112—116. (О журнале, выходящем в Санкт-Петербурге в 1880—1917 гг.)
- Хромов О.Р.* Цензор и религиозный лубок в России // Книжное знание в отечественной культуре XIII—XX веков. Москва, 1994. С. 87—99.
- Чемерисская М.* Когда придумывать победы стало невозможно: о цензурной реформе в России середины XIX в. // Родина, 1989, № 4. С. 60—62.
- Чернуха В.Г.* Главное управление по делам печати в 1865—1881 гг. // Книжное дело в России во второй половине XIX—нач. XX в., Санкт-Петербург, Вып. 6 (1992). С. 20—40.
- Шевченко М.М.* Правительство, цензура и печать в России в 1848 году // Вестник МГУ. Сер. 8. История, 1992, № 1. С. 16—26.
- Щукин В.* [Рец. на кн.: Mucha В. *Dzieje cenzury w Rosji*. Łódź, 1994] // Новое литературное обозрение, № 15 (1995). С. 368—369.
- Эймонтова Р.Г.* 'Великорус': Спорные вопросы // Отечественная история, 1992, № 3. С. 62—72.



Работы российских авторов по истории советской цензуры,  
опубликованные в 1988—1995 годах

- Адибеков Г.М. Литературный фронт. История политической цензуры. 1922—1946 гг. Рецензия на сборник документов // Научно-информационный бюллетень. РЦХИДНИ, Вып. 4 (1994).
- Бабиченко Д. 'Повесть приказано ругать...': Политическая цензура против Михаила Зощенко // Коммунист, 1990, № 13. С. 68—76.
- Бабиченко Д.Л. Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. Москва, 1994. 172 с. (Раскрыто наступление на художественную литературу до середины 40-х годов по материалам РЦХИДНИ.)
- Бабиченко Л.Г. Как в Коминтерне и ведомстве Жданова выправляли 'Интернациональную литературу' // Вопросы литературы, 1994, Вып. 2. С. 145—155.
- Баран В. Цензура в системі тоталітаризму // Сучасність, Київ, 1994, № 6. С. 104—117. (Украина в 1918—1970-х гг.)
- Баршт К.А. Подцензурные страсти. Москва, 1990. 47 с.
- Блюм А.В. За кулисами 'Министерства правды'. Тайная история советской цензуры 1917—1929. Санкт-Петербург, 1994. 319 с.
- Блюм А.В. 'Под серпом и молотом' (Бунин под советской цензурой) // Звезда, Санкт-Петербург, 1995, № 10. С. 131—137.
- Блюм А.В. Цензурные преследования литературы на иврите в СССР в 20-е годы // Вестник Еврейского университета в Москве, Москва, Иерусалим, 1995, № 1. С. 175—184.
- Блюм А.В. Частные и кооперативные издательства двадцатых годов под контролем Главлита (по архивным документам 1922—1929 гг.) // Книга: Исследования и материалы, Сб. 66 (1993), с. 175—191. (Статья написана по фонду Ленинградского Облита с привлечением отдельных материалов из ГАРФ, раскрывает политику в области печати ЦК и Главлита.)
- 'Веселые ребята' — комедия контрреволюционная. Публикацию подготовил Сидоров Н. // Источник: Документы русской истории, 1995, № 3. С. 72—78. (Идеологическая цензура фильма 1934.)
- Газету 'Родина' закрыть навсегда... // Родина, 1994, № 5. С. 98—100. (Отношение к оппозиционной печати в 1918 г. в ВЧК.)
- Гаспаров М.Л. Классическая филология и цензура нравов // Литературное обозрение, 1991, № 11. С. 4—7. (Об изъятии русской и советской цензурой непристойнобренных слов в переводах античной поэзии на русский язык.)
- Глазков М. Послереволюционная библиотечная политика // Московский журнал, 1993, № 7. С. 42—44. (Эссе о библиотечных чистках.)
- Глебов Ю.И. [Рец. на кн.: Блюм А.В. За кулисами 'Министерства правды'. Тайная история советской цензуры 1917—1929. Санкт-Петербург, 1994.] Последнее послание цензору // Книга: Исследования и материалы, Сб. 70 (1995). С. 256—259.
- Голлербах Е. Преодоление Гутенберга // Искусство Ленинграда, Ленинград, 1989, № 5. С. 31—41. (О русском самиздате.)

- Горчева А.Ю. Главлит: Становление советской тотальной цензуры // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика, 1992, № 2. С. 32—40. (Первый обзор деятельности Главлита с 1922 по 1991 год, написанный исключительно на фонде Главлита из ГАРФ, но в нем много неточностей.)
- Горчева А.Ю. Детские лагеря ОГПУ и НКВД и пресса // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика, 1993, № 4. С. 13—23.
- Горчева А.Ю. 'Не подлежит распространению...' // Советская библиография, 1991, № 5. С. 56—79. (Тюремная и лагерная пресса в СССР в 1918—1935 гг.)
- Горчева А.Ю. 'Не подлежит распространению...' (Лагерная пресса 1935—1955 гг.) // Советская библиография, 1991, № 6. С. 63—84.
- Горчева А.Ю. 'Не подлежит распространению...' Пресса в детских учреждениях ОГПУ и НКВД // Советская библиография, 1992, № 1. С. 99—112.
- Горчева А.Ю. Цензура. Прошлое. Настоящее. Будущее? // Россия, 4—10 мая 1991.
- Горчева Т.М. Журналистика и цензура (По материалам советского радиовещания 20—30-х годов. Источниковедческий аспект) // История СССР, 1990, № 4. С. 112—123.
- Горчева Т.М., Луначарский Е.Л. Документальный фонд советской радиожурналистики // Археографический ежегодник за 1987 год, 1988. С. 119—131.
- Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). Москва, 1994. 146 с. (Материалы конференции, проходящей в 1993 г. между германскими и российскими журналистами, историками, теологами и т.д. о цензуре. Книга насыщена конкретным материалом по истории художественной литературы.)
- 'Грустный режим, при котором конфискуется литература': (Испанский журналист о России начала 30-х годов) // Отечественные архивы, 1993, № 3. С. 114—116. (Публикация письма журналиста о том, что исчезли его книги.)
- Джимбинов С. Эпитафия спецхрану?.. // Новый мир, 1990, № 5. С. 243—52. (Обзор деятельности спецхрана в библиотеках РСФСР-СССР, эмоциональный, построенный не на архивных материалах, а на опубликованных источниках и воспоминаниях.)
- Довгалю Галина. Хранитель Былого // Московский журнал, № 12, 1991. С. 48—51.
- Документы свидетельствуют... Из фондов ЦХСД. Как партия руководила литературой // Вопросы литературы, 1993, Вып. I—VI; 1994, Вып. I—VI; 1995, Вып. I—V.
- Е.Д. [Рец. на кн.:] 'Литературный фронт'. История политической цензуры 1932—1946. Сборник документов. Составитель Д.Л. Бабиченко. Москва, 1994; Бабиченко Д.Л. Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. Москва, 1994 // Новое литературное обозрение, № 12 (1995). С. 397—398.
- Жирков Г.В. История советской цензуры: Период комиссародержавия (1917—1919) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение, 1994, Вып. 1. С. 82—92.
- 'Звезда' в годы 'Большого террора': Хроника цензурных репрессий (По секретным



донесениям Ленгорлита и Главлита). Предисловие, подготовка текста и примечания Блюма А. // Звезда, Санкт-Петербург, 1993, № 11. С. 170—181. (Публикация документов 1926—1940 гг.)

Из истории создания и функционирования спецхрана в архиве // Отечественные архивы, 1994, № 1. С. 18—26. (На основе архивных материалов РГВИА, статья о спецхране в 1920-х—1980-х гг.)

Из переписки А.В. Луначарского и П.И. Лебедева-Полянского. Публикацию подготовил А.В. Блюм // De visu, 1993, № 10 (11). С. 16—23. (Цензурная политика в 1923—1929 гг. в области художественной литературы по фонду Лебедева-Полянского из Архива РАН.)

Измозик В. Голоса из прошлого. Письма 20-х годов, не дошедшие до адресатов // Наука и жизнь, 1994, № 3. С. 2—16. (Статья написана по материалам перлюстраций.)

Измозик В. Переписка через ГПУ... // Родина, 1994, № 9. С. 78—83. (Перлюстрация писем в СССР в 1917—1920-х гг.)

Измозик В.С. Политический контроль в Советской России, 1918—1928. Автореферат диссертации... д.и.н. Москва, 1995.

Исключить всякие упоминания...: Очерки истории советской цензуры. Составитель: Т.М. Горяева. Минск-Москва, 1995. 334 с. (Сборник статей: Т.М. Горяева. 'Советская политическая цензура (история, деятельность, структура)' (в которой дан очерк развития Главлита в 1922—1991 гг. на основе фонда Главлита в ГАРФ); Она же. 'Несвободное радио для несвободных людей'. (Очерк радиоцензуры с публикацией документов из ГАРФ, Архива РГТРК 'Останкино' и ЦГАЛИ СПб.); Она же. 'Блицкриг в Польшу'. (Создание цензуры в Польше 1944—1945 гг. на основе фонда Главлита в ГАРФ.); Т.Ф. Павлова. 'Пильняк жульничает и обманывает нас...' (К истории публикации 'Повести непогашенной луны' Б. Пильняка); Д.Л. Бабиченко. 'И. Сталин: "Добьемся до всех"'. (Как готовили послевоенную идеологическую кампанию. 1943—1946 гг.) (На основе документов из РГАЛИ и РЦХИДНИ.); Л.П. Афанасьева. '"Цирк" в цирке'. (Публикация стенограммы 1949 г. собрания коммунистов Главного управления цирков.); В.Е. Антонец, И.В. Солодкая. 'Театр на Таганке. Противостояние (Из истории одного спектакля)'. (Материалы по истории постановки 'Что делать?' в 1969—1970 гг.); А.М. Аликова. 'Искусство под бульдозером'. (История выставки 1974 г.); [Интервью сотрудника Главлита В.А. Солодина] 'Убежден, что работал на стабильность государства...'

История советской радиожурналистики: Документы. Тексты. Воспоминания, 1917—1945. Ответственный составитель Т.М. Горяева. Москва, 1991. 434 с.

КГБ вчера, сегодня, завтра. Москва, 1994. 255 с. (Материалы III конференции в Москве, в том числе статьи о цензуре.)

Конюхова Елена В. Арестованная книга. (Неизвестные страницы из истории издания «Словарного указателя по книговедению» А.В. Мезьер) // Историко-библиографические исследования. Сборник научных трудов, Санкт-Петербург, IV (1994). С. 114—128.

Костырченко Г.В. Из истории советской цензуры в годы Великой Отечественной войны // Независимая газета, 19 июня 1992.

- Куренков Г.А. 1922 год. Что было государственной и военной тайной в РСФСР // Отечественные архивы, 1993, № 6. С. 80—86. (Публикация Перечня тайн, разработанного в 1922 году; из РЦХИДНИ.)
- ‘Литературный фронт’. История политической цензуры 1932—1946 гг. Сборник документов. Составитель Д.Л. Бабиченко. Москва, 1994. 272 с. (Документы по истории художественной литературы, находящиеся в РЦХИДНИ.)
- Любарский К. Самиздат и ‘Свобода’ // Независимая газета, 15 декабря 1992.
- Мартынова Л.С. Деятельность ОкрЛИТА Омска в 1925 г. // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея, Омск, № 3 (1994). С. 174—177.
- Москаленко А. Свобода печати: взгляд изнутри: Размышления о мостах и пропастях в идеологии // Радуга, Киев, 1988, № 9. С. 115—128; № 10. С. 103—113.
- ‘Не приемлю роман в его неверии...’: Вокруг жизни и творчества А.И. Солженицына. Публикация документов: Чернев А., Юданов В. // Известия ЦК КПСС, 1990, № 12. С. 145—151.
- Николюкин А.Н. Из истории советской цензуры // Российский литературоведческий журнал, 1994, № 4. С. 251—252. (На стр. 253—277 публ.: ‘Руководящий каталог по изъятию всех видов литературы из библиотек, читален и книжного рынка’.)
- Протесты Всероссийского Союза писателей против цензурного террора (1920—1921). Публикацию подготовил Блюм А. // Вопросы литературы, 1994, Вып. 4. С. 275—289.
- ‘Публикации моих работ блокируются’ // Источник: Документы русской истории, 1995, № 5. С. 84—88. (Кто и почему отвергал труды Л.Н. Гумилева, док. 1987 г. из фонда ЦХСД.)
- Савин В.А., Виноградова Я.Ю. Из истории создания и функционирования спецхрана в архиве // Отечественные архивы, 1994, № 1. С. 18—26.
- Сажин В.Н. Неудавшийся прорыв немоты (О невышедшем номере ‘Литературной газеты’ 1921 года) // Пятые тыняновские чтения, Рига, 1990. С. 162—167. (Из истории советской цензуры. Приводятся постатейные описания состава ‘Литературной газеты’ мая 1921 г.)
- Самиздат: по материалам конференции ‘30 лет независимой печати: 1950—1980-е гг.’ Санкт-Петербург, 25—27 апреля 1992. Составление и редакция В. Долинина, Б. Иванова. Санкт-Петербург, 1993. 140 с.
- ‘“Самиздат” претерпел качественные изменения’ [Письмо Ю.В. Андропова 1970 г. из фонда ЦХСД] // Источник: Документы русской истории, 1994, № 2. С. 77—78.
- Смирнов С.В. О свободе печати и журналистского творчества в СССР // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение, 1991, Вып. 4. С. 87—90.
- Солодин В.А. Главлит [Интервью с Д. Лихановым, со схемой структуры Главлита на 1 августа 1991] // Совершенно секретно, 1992, № 1. С. 12—13.
- Тарасова Ф. [Рец. на кн.:] Блюм А.В. За кулисами ‘Министерства правды’. Тайная история советской цензуры, 1917—1929. Санкт-Петербург, 1994 // Новое литературное обозрение, № 11 (1995). С. 355—356.



- Федотов М.А.* Был ли разрушен 'новый Карфаген'? (из истории советского законодательства о цензуре) // Политические институты и обновление общества. Москва, 1989. С. 185—194. (Обзор истории Главлита по опубликованным законодательным актам и нормативным документам.)
- Федотов М.А.* Гласность и цензура: Возможность сосуществования // Советское государство и право, 1989, № 7. С. 80—89.
- Фырнин М.* Маршал Жуков — без купюр // Чудеса и приключения, 1995, № 8. С. 54—59. (О цензуре первого издания 'Воспоминаний и размышлений' в 1969 г.)
- Цензура в России: история и современность. Тезисы конференции 20—22 сентября 1995 г. Санкт-Петербург. Ответственный ред. М.Б. Конашев. Санкт-Петербург, 1995. 65 с.
- Цензура в царской России и Советском Союзе: Материалы конференции 24—27 мая 1993 г. Ред. Т.В. Громова. Москва, 1993. 176 с.
- Цензура иностранных книг в Российской империи и Советском Союзе: Каталог выставки. Москва, 1993. 104 с. и приложение.
- Чагин В.В.* Запрещенные и уничтоженные // Библиография, 1994, № 5. С. 84—86. (Статья о цензуре в Красноярске в 1942—1978 годах. Упоминаются запрещенные там книги: Москалев М.А. Сталин в сибирской ссылке (1942), М.А. Булгаков, А.А. Ахматова, Евг. Попов.)
- Шикман А.П.* 'Презумпция разрешенности' // Советская библиография, 1990, № 1. С. 22—31. (Работа Главлита СССР в 1985—1989.)
- Шикман А.П.* Совершенно несекретно // Советская библиография, 1988, № 6. С. 3—12. (Популярный и неполный обзор истории спецхрана в библиотеках СССР.)

# Index to *Solanus*, Volumes 1–10

J. S. G. Simmons

This index to the first ten volumes of *Solanus* (New Series), offered as a tribute to the journal's noble Editors, Gregory Walker and Christine Thomas, is in two alphabetical series: (a) Personal Names, and (b) Subjects and Places. Volume publication-years have been omitted: they can be extrapolated if one remembers that Volume 1 appeared in 1987, and that volumes have appeared annually thereafter.

'r' indicates a reviewer or reviewee.

## INDEX OF PERSONAL NAMES

- Afanas'ev, M. D.: iv.116–21  
Akopov, A. I.: iii.114–15 r  
Aleš, M.: iii.55–7  
Alexander I: v. 40–1  
Ambodik, N. M.: vi.60–3  
Anderson, H.: vii.116–17 r  
Andreesen, W.: ii.108–9 r  
Arans, D.: v. 204–5 r  
Arnold, G.: x.195–6 r  
Aslanoff, S.: ii.106–7 r  
  
Barenbaum, I. E.: vii.122–3 r  
Barons, K.: vii.58, 60  
Bartlett, R. P.: i.95 r; x.194–5 r  
Beardsley, A.: i.12  
Beyer, T. R.: iii.116–19 r  
Bezrodnyi, M.: vii.35–54  
Bieńkowska, B.: v.202–4 r; ix.89–90 r  
Bilek, F.: iii.63  
Birkett, G.: vii.11, 14  
Blum, A. V.: ix.87–9 r  
Bogomolov, N. A.: x.193 r  
Bohatcová, M.: vi.96–7 r  
Bowles, J.: iii.112–14 r  
Braunerová, Z.: iii.59  
Brine, J.: i.104–5 r; ii.39–57 (Soviet reader); iv.109–11 r; vi.99–100 r; vii.124–5 r; viii.89–90 r; x.189–91 r  
Brockhaus, F.: v.97–8  
Brooks, J.: i.101–2 r  
Bruhn, P.: ix.92–3 r  
Butler, W. E.: i.76–87 (VOK), 109–11 r; iii.103–8 (Samizdat), 122–3 (Book Inst.); iv.67–75 (VOK Charter); v.167–76 (Press law)  
Buturlin, D. P.: vii.20  
Bychkov, A. F.: vii.19–20, 28  
  
Camfield, G. P.: vi.98–9 r  
Čapek, J.: iii.70–1  
Cassano, B.: iii.14  
Catherine II: v.31–8  
Chamerska, H.: v.202–4 r  
Cherkashina, N. P.: iv.100–1 r  
Chojnacki, W.: viii.86–7 r  
Choldin, M. T.: i.99–100 r; ii.81–7; iv.109–11 r; v.130–42  
Chukovskii, K. I.: i.14, 18–20  
Cleminson, R.: iii.109–11 r; vi.97–8 r; viii.75–9  
Compton, S. P.: i.102–3 r; vii.121 r  
Corning, A.: ii.3–38



- Cross, A. G.: iii.12–24; viii.93–4 r  
 Croucher, M.: vi.96–7 r; x.191–2 r  
 Crowe, N. J.: viii.93–4 r  
 Cybulski, R.: x.71–5
- Davies, R.: i.4–40  
 Davis, R. H.: iii.111–12 r, 114–15 r;  
 iv.87–99; ix.96–7 r; x.188–9 r  
 Deletant, A. & D.: i.108 r  
 Deluga, W.: ix.30–48  
 Dement'ev, P.: iii.14  
 Dewhirst, M.: iv.108–9 r; ix.87–9 r  
 Dix, G.: ix.94–5 r  
 Dovhan, K.: iii.77–88  
 Drage, C. L.: i.98–9 r  
 Dunin, J.: x.5–12  
 Dzhigo, A.: x.84–91
- Eisenstein, E. L.: vi.3–26
- Farris, J. P.: x.178–87  
 Fedorova, V. I.: iii.3–11; v.31–49;  
 vii.115–16 r  
 Fiol, S.: vii.70  
 Fitzpatrick, S.: v.200–2 r  
 Florenskii, P. A.: viii.53–74  
 Friedberg, M.: iv.109–11 r
- Garrard, J. G.: ii.3–38  
 Gladkova, T. L.: iv.107–8 r  
 Gollerbakh, E. A.: viii.53–74  
 Golubeva, O. D.: iii.112–14 r  
 Gömöri, G.: x.195–6 r  
 Gorfunkel, A.: ix.73–8 r  
 Gor'kii, A. M.: i.4–53  
 Grbić, D.: ix.79–82 r  
 Griffiths, D.: v.95–107  
 Grimsted, P. K.: v.177–98  
 Grjebine, H.: i.4–40  
 Grunts, M. V.: viii.94–5 r  
 Grzhebin, Z. I.: i.4–53
- Hardeman, H.: i.41–53  
 Hartley, J. M.: v.199–200 r  
 Heidtmann, F.: ii.108–9 r  
 Hellman, B.: iv.111–12 r  
 Hellyer, P.: ix.93–4 r; ix.96–7 r
- Henderson, B.: iv.3–15  
 Henderson, E.: viii.42  
 Herzen, A. I.: v.103, 105  
 Hetzer, A.: x.13–23  
 Hippisley, A. R.: vi.56–69  
 Hlaváček, K.: iii.63–4  
 Holman, M. J. de K.: iv.103–5 r  
 Hunter, B.: i.108 r
- Iakubovich, P. F.: iii.40–51  
 Ialysheva, V. V.: ix.24–9  
 Iavorskii, S.: iii.14  
 Isaevych, Ia. D.: i.97–8 r; iv.76–86;  
 v.25–30; vii.69–96  
 Iudin, G. V.: vii.130  
 Iur'evich, L.: ix.82–7 r  
 Ivan Fedorov: i.95–6 r; vi.71–2; viii.48
- Janecek, G.: i.102–3 r  
 Jaremko, C.: ii.69–80  
 Jaroszewicz-Piereslawcew, Z.: x.196–7 r  
 Jiřincová, L.: iii.75
- Kalab, M.: iii.67  
 Kalashnikov, A. I.: viii.90–2 r  
 Karamzin, N. M.: iii.15  
 Karlowich, R. A.: ii.88–96 r; v.199–200 r,  
 200–2 r  
 Karzhavin, V.: iii.14  
 Kasack, W.: iv.108–9 r  
 Kashutina, E. S.: i.109–11 r  
 Kasinec, E.: ii.88–96 r; iii.77–88  
 Kasprowicz, E. L.: v.95–107  
 Kaznina, O.: v.204–5 r  
 Kel'ner, V. E.: v.108–19  
 Kharlamov, V. I.: iii.115–16 r  
 Khodasevich, V. M.: i.30–2  
 Kimmage, D.: vii.124–5 r  
 Kipel, Z. Z.: ii.100–1 r  
 Kisaranskas, V.: i.109–11 r  
 Kjellberg, J.: iv.111–12 r  
 Kobliha, F.: iii.63–4  
 Kochubei, V. P.: iii.13  
 Konn, T.: vii.116–17 r; viii.89–90 r  
 Konůpek, J.: iii.60  
 Koressaar, V.: ii.97–8  
 Korf, M. A.: vii.19, 21–4, 31

- Korsch, B.: iv.24–49; viii.92–3 r  
 Kratz, G.: iii.116–19 r; x.194–5 r  
 Kreslins, J.: ii.98–9 r  
 Kreslins, K.: vi.102–3  
 Kriuchkov, P. P.: i.33  
 Kulikowski, M.: iii.89–102; iv.107–8 r;  
     viii.80–3 r; ix.15–23  
 Kupka, F.: iii.58  
  
 Lada, J.: iii.66  
 Ladyzhnikov, I. P.: i.27  
 Lenin, V. I.: iv.3–15  
 Letenkov, E. V.: iii.111–12 r  
 Liatskii, E. A.: vii.35–54  
 Lisovskii, N. M.: iii.81  
 Liubavin, M. A.: iii.40–51  
 Lo Gatto, E.: i.29  
 Luppov, S. P.: i.94  
 Lydenberg, H. M.: iii.79  
  
 Makedonskaia, E. I.: i.109–11 r;  
     viii.90–2 r  
 Mánes, J.: iii.53–5  
 Marker, G.: i.98–9 r; iii.25–39, 115–16 r  
 Martov, L.: iv.12  
 Martsevich, Iu. P.: i.109–11 r  
 Mathiesen, R.: vi.3–26  
 Masiutin, V. N.: iv.105–7 r  
 Mehnert, K.: i.104–5 r  
 Menhart, O.: iii.67  
 Miatlev, I. P.: iii.5, 7  
 Mikheeva, G. V.: vi.70–89; vii.117–19 r;  
     x.98–105  
 Minčić-Obradović, K.: ix.79–81 r  
 Misinš, J.: vii.62, 64, 67  
 Mohyla, P.: ix.34–44, 47  
 Mucha, A.: iii.57–8  
 Müller, K.: iii.75  
 Murche-Kikut, A.: viii.84–5 r  
 Muzika, F.: iii.70  
  
 Nadson, A.: ii.104–6 r; viii.33–52  
 Nagy, Z.: v.50–60  
 Napiersky, K. E.: vii.55–7  
 Nemirovskii, E. L.: i.95–6 r; vii.97–114;  
     ix.49–72, 79–82 r  
 Nikolaeŭ, M.: ix.82–7 r  
  
 Nowakowski, Z.: vii.3, 12, 13, 14  
  
 Okenfuss, M.: iii.27–30  
 Olenin, A. N.: iii.112–14 r  
 Oliva, V.: iii.57  
 Orwell, G.: i.59  
 Osorgin, M. A.: i.24–5  
 Osorgina, T. A.: iv.107–8 r  
 Ostroumova-Lebedeva, A. P.: i.9  
 Otto, R.: iv.103–5 r  
  
 Paeglis, J.: vii.55–68  
 Paichadze, S.: vi.90–5  
 Patrusheva, N. G.: v.120–9  
 Paul I: v.39  
 Pavlik, D.: iii.52–76, 120–1 r; vi.96–7 r  
 Pavlova, Zh.: iv.101–3 r  
 Pennington, A.: iii.109–11 r  
 Perrie, M.: i.101–2 r  
 Phillips, U.: ix.90–2 r  
 Pichler, A.: vii.24–5  
 Pitman, L.: iii.119–20 r; ix.94–5 r  
 Plekhanov, G. V.: iv.13  
 Pokrovskii, N. N.: i.95 r  
 Poppe, A.: iii.109–11 r  
 Poroshin, T. E.: iii.13  
 Pozdeeva, I. V.: v.5–24; vi.27–55;  
     x.131–69  
 Preisler, J.: iii.61–2  
 Preissig, V.: iii.59–61  
 Procházka, A.: iii.61  
  
 Ralston, W. R. S.: vi.62  
 Rampazetto, G. A.: vii.113  
 Ravinskii, D. K.: ix.24–9, 98–101  
 Remizov, A. M.: i.18–19  
 Remnek, M. B.: vii.119–21 r  
 Rogachevskii, A.: x.193 r  
 Röhling, H.: i.106–7 r; vii.123–4 r  
 Rondestvedt, K.: ix.3–14  
 Rothstein, A.: vi.6–7, 12, 14  
 Rudka, S.: viii.85–6 r  
 Rumiantsev, N. P.: vii.22–3  
 Russell, R.: vii.121 r  
 Ruud, C. A.: vi.98–9 r  
 Ryan, W. F.: ii.106–7 r  
 Ryznar, E.: vi.96–7 r



- Sanse, E. A.: iii.3–4, 7  
 Saprykina, N. G.: i.109–11 r  
 Savel'eva, T. L.: vii.130–2 r  
 Screen, J. E. O.: ii.107–8 r; iv.111–12 r;  
 viii.23–32, 94–5 r  
 Scrivens, R.: vii.119–21 r  
 Šěn, F.: x.170–7  
 Shilov, L.: iv.16–23  
 Shitsgal, A. G.: iii.25  
 Šima, J.: iii.68  
 Simmons, J. S. G.: x.191–2 r  
 Skaryna, F.: vii.71; viii.39–47  
 Škorić, K.: ix.79–82 r  
 Smirnov, Ia. I.: iii.15  
 Smith, I. A.: viii.13–22, 94–5 r  
 Sobol', S.: vii.84  
 Sollogub, V. A.: iii.8–9  
 Somov, V. A.: iii.17  
 Soucek, S. V.: ii.102–3 r  
 Stasiulevich, M. M.: v.108–19  
 Stasov, V. V.: vii.17–34  
 Stel'makh, V. D.: viii.3–12; x.29–47,  
 189–91 r  
 Stuart, M.: iv.101–3; vii.17–34; x.188–9 r  
 Studemeister, M.: vii.115–16 r  
 Suetnov, A.: iv.50–66, 113–14 r;  
 v.143–52  
 Sukhanov, N. N.: i.20, 50  
 Sukhorukov, K. M.: x.76–83  
 Sullivan, J.: x.196–7 r  
 Suvorov, P. I.: iii.13  
 Svolinský, K.: iii.71, 73  
 Świdarska, H.: i.54–75; v.84–94; vii.3–16  
 Sytin, I. D.: vi.98–9 r  
  
 Teige, K.: iii.67  
 Tenin, B. M.: i.110  
 Terry, G. M.: iii.119–20 r; ix.93–4 r  
 Thiede, V.: ix.92–3 r  
 Thomas, C.: i.94, 95–6 r; x.106–30  
  
 Tichý, F.: iii.73  
 Tolstoi, L. N.: iv.103–5 r  
 Trübner, N.: v.98–9  
 Tsiapinski, B.: viii.47  
 Turgenev, I. S.: vi.62  
  
 Váchal, J.: iii.64  
 Vengerov, S. A.: vi.70–89  
 Verbyts'kyi, T. O.: vii.84  
 Viola, L.: v.200–2 r  
 Vorontsov, A. R.: iii.24  
 Vorontsov, S. R.: iii.12–24  
 Voznesenskii, A. V.: vi.97–8 r; ix.73–8 r  
  
 Wagner, L.: x.92–7  
 Walker, G. P. M.: i.88–93 (*Solanus*  
 index), 105–6 r; ii.108–9 r; v.153–66  
 (Soviet publishing); vii.123–4 r,  
 viii.88–9 r  
 Walker, M.: viii.92–3 r  
 Walravens, H.: iii.116–19 r; iv.105–7 r  
 Ware, R.: i.99–100 r  
 Werner, X.: iii.116–19 r; iv.105–7 r  
 Wertschmann, V.: ii.101 r  
 Wytrzens, G.: i.106–7 r  
  
 Zalewski, W.: i.105–6 r; ii.58–68;  
 vii.117–19 r; ix.92–3 r  
 Zanders, V.: x.24–8  
 Zapasko, Ia. P.: i.97–8 r  
 Zasulich, V. I.: iv.12  
 Zazowska, E.: iv.100–1 r  
 Zil'bershtein, I. S.: i.36  
 Zilliacus, K.: vii.6–7  
 Zilper, N.: v.95–107  
 Zitelsberger, N.: i.97–8 r  
 Zizanii, S.: viii.49–51  
 Zmroczek, J.: v.61–83; vi.100–1 r;  
 viii.84–7 r; ix.89–90 r; x.48–70

## INDEX OF SUBJECTS AND PLACES

All Union Society of Bibliophiles:  
i.76–87; iv.67–75

Almanacs: x.193 r

*Anglo-Russica*: viii.93–4 r

Archives: v.177–98

Avant-garde: i.102–3 r

Azbuki: iii.25–39

Baltic States: viii.94–5 r

Belarus

bibliography: ii.104–6 r

encyclopaedia: ii.100–1 r

manuscripts: ix.82–7 r

printing: viii.33–52

religion: viii.33–52

Bibliography

control: ix.3–14

East European: ix.92–3 r

national: ix.3–14

Russian: vii.117–19 r; x.84–91

Yugoslav: x.92–7

Bibliophily

Russia: i.76–87, 95 r; iv.67–75

Ukraine: v.25–30

Book design: iii.52–76; vii.121 r

Book market

Poland: x.48–75

Russia: x.76–83

Bookplates: i.86–7, 109–11 r;  
vii.115–16 r; viii.90–2 r

Book studies: ii.58–68; iii.77–88

Book trade: iii.12–13; vii.122–3 r

British Library: ix.96–7 r; x.195–6 r

British Museum: iv.3–15

Bulgaria: ix.11–14

Censorship

Britain: vii.3–16

Latvia: x.24–8

Poland: i.54–75; v.67–9

Russia: i.99–100 r; v.120–9

Soviet: v.130–42; ix.87–9 r; x.29–47

Central Asia: ii.102–3 r

Comecon: viii.89–90 r

Confraternities: viii.35–6, 38–9

Cyrillic printing: i.95–6 r (Ivan Fedorov),  
97–8 r (Ukraine); iv.76–86 (NYPL);  
v.5–24 (Moscow), 25–30 (Ukraine);  
vi.3–26 (Mathiesen); vii.97–114  
(Venice); ix.49–72 (Ruino), 73–6 r  
(Old Believers), 79–82 r (Grbić);  
x.131–70 (Pozdeeva)

Czech Republic

book design: iii.52–76

books in: vi.96–7 r

printing history: viii.75–9

publishing: v.50–60

samizdat: iii.120–1 r

Decembrists: vii.50–3

*Emblemat dukhovnyi*: vi.64–8

Emblem books: vi.56–69; ix.32–40

Emigration

Polish: vii.3–16

Russian

newspapers: ix.20–1

periodicals: iv.107–8 r; ix.19–20

publications: iii.89–102; v.95–107,  
204–5 r; ix.15–23

publishing: i.4–53; iii.116–19 r; ix.21

Emigrés: iii.116–19 r

Engraved books: vi.64–8

Ermitazh: iv.101–3 r; v.31–49

Estonia: ii.97–8 r; viii.94–5 r

Finland: iv.111–12 r; viii.23–32

German: x.194–5 r

Germany: x.13–23

Glagolitic: vi.3–26

Glasnost: v.130–42

Gospels (Ruino): ix.49–72

Gramophone records: iv.16–23

*Grazhdanskaia azbuka*: iii.25–39

Hermitage: iv.101–3 r; v.31–49

Hungarian books: x.195–6 r

Illustration: iii.5–11, 52–76; iv.87–99



Incunabula: iv.100–1 r  
 Institute of the Book: iii.122–3  
*Iunosti chestnoe zertsalo*: iii.27–39

Jesuits: viii.37, 52  
*Journal de St Pétersbourg*: iii.3–11

Katyn: vii.8–10  
 Kiev: vii.80–4; viii.78; ix.30–48  
*Knigovedenie*: ii.88–103 r  
 Knizhnaia palata: vi.70–89; x.84–91  
*Knizhnoe delo*: viii.88–9 r

Latin: ix.30–48

Latvia: ii.98–9 r  
     bibliography: vii.55–68; viii.94–5 r  
     censorship: x.24–8  
     libraries: vi.102–3  
     Masiutin: iv.105–7 r

Law, press: v.163–76

Lenin Library: iv.116–21

Librarians (USA): x.178–87

Librarianship: iv.24–49

Libraries

    Russia: ii.39–57; iii.12–24; ix.24–9

    SPb Public: iii.112–14 r

    S. R. Vorontsov: iii.15–23

    Winter Palace: iv.101–3 r; v.31–49

Library (concept): x.189–91 r

Library relations, Soviet–US: ii.81–7

Literacy: i.101–2 r; iii.29

Lithuania: viii.94–5 r

    bookplates: i.109–11 r

London: iii.16–17

*Lukemisia Suomen sotamiehille*: viii.23–32

Lvov: vii.76–80, 84, 86

Manuscripts: iii.109–11 r; ix.82–7 r

Matica Srpska: ix.79–82 r

Mechitarists: i.106–7 r

Moldavia: ii.101–2 r

Moscow Press: v.5–24; vi.27–55;  
     x.131–69

Münster: x.194–5 r

Newspapers: iii.97–8; v.108–19; ix.20–1

New York: v.199–200 r

New York Public Library: iv.76–86,  
     87–99; x.188–9 r

Niasvizh: viii.47

Ogni: vii.35–54

Old Believers: vi.97–8; ix.73–8 r;  
     x.196–7 r

Olomouc: viii.75–9

Osteuropa-Institut: ix.92–3 r

Ostrog: vii.72–6

*Paterik pecherskii*: ix.32–4

*Parus*: i.14, 42 n. 4

PAX: v.72–5

Pechatnyi dvor: v.5–24; vi.27–55

Periodicals

    Polish émigré: vii.3–16

    Russian émigré: iii.95–7 r; iv.107–8 r

    Samizdat: viii.80–3

Peter the Great: iii.25–39

Photographs: iv.87–99

Poland

    archives: v.202–4 r

    bibliographical control: ix.5–9

    bibliography in: v.202–4 r

    book in: v.202–4 r

    book studies: ii.58–68

    émigré press: v.84–94; vii.3–16

    Kiev *polonica*: ix.30–48

    libraries: v.202–4 r; vi.100–1 r; x.5–12

    losses: ix.89–90 r; x.5–12

    Old Believers in: x.196–7 r

    press: v.69–72

    private presses: v.90

    publishing: i.54–75; v.61–83; x.50–4

        clandestine: v.75–81

        émigré: v.84–94

        samizdat: viii.83–7

*Polish libraries today*: vi.100–1 r

Popular literature: i.101–2 r

*Poriadok*: v.108–19

Port Arthur: vi.90–5

*Posrednik*: iv.103–5 r

Prague: viii.40

Press

    Poland: v.69–72

    Russia: iii.114–15 r

Primers: iii.25–39; viii.75–9

### Printing

Church Slavonic: x.106–69

Cyrillic: x.131–69

Moscow: v.5–24

Old Believers: x.196–7 r

St Petersburg: iii.3–11, 27–39

Sorbian: x.170–7

Vienna: i.106–7 r

### Publishing

Poland: x.50–4

clandestine: v.75–81

independent: i.54–75

Port Arthur: vi.90–5

Russia: i.99–100 r; ii.69–80; iii.3–11;  
v.153–66; viii.53–74

émigré: i.4–53; iii.98, 100–1; vi.90–5

*Put'*: viii.53–74

### Readership

Russia: i.104–5 r; ii.3–57; v.5–24;  
vi.99–100 r; viii.3–12; x.29–47

Ukraine: iii.77–88

Reference works: i.105–6 r; ii.108–9 r;  
x.191–2 r

Religion: viii.33–52

### Russia

archaeographic expeditions: i.95 r

art: iv.105–7 r

avant-garde books: vii.121 r; ix.96–7 r

bibliographies: ix.94–5 r

bibliography

history: vii.117–19 r

national: x.84–91, 98–105

bibliophily: i.76–87; iv.67–75

book in: vii.119–21 r

Book Chamber: vi.70–89

book market: x.76–83

bookplates: i.86–7, 109–11 r

book trade: vii.122–3 r

censorship: i.99–100 r; iv.109–11 r;  
v.120–9, 130–42; x.29–47

émigré

literature: iii.89–102; v.204–5 r;  
ix.15–23

periodicals: iv.107–8 r

publishing: i.4–53; iii.116–19 r;  
v.95–107

émigrés: iii.98–9, 116–19 r

German-language books: x.194–5 r

illustrated books: iv.87–99

libraries: ii.39–57; iv.113–14;  
vii.124–5 r

'trophy' collections: x.13–23

library relations (USA): ii.81–7

literature, popular: i.101–2 r

press: iii.111–12 r

printing: i.95–6 r; v.5–24; vi.27–55;  
x.131–70

publishing: i.98–9 r; ii.69–80; iii.25–39

publishing houses: i.4–53 (Grzhebin);  
iii.3–11 (Journal de St Pétersbourg);

vii.35–54 (Ogni); iv.103–5 r

(Posrednik); i.10–14, 41–2

(Shipovnik); vi.98–9 r (Syтин); i.5,  
14–15, 42, 44–7 (Vsemirnaia

literatura)

reference works: 105–6 r

religion: viii.92–3 r

samizdat bibliography: iv.50–66

### Russian

language: viii.3–12

library terms: viii.13–22

orthography: ii.106–7 r

*Russian books in print plus*: ix.90–2 r

Russian Church (London): iii.16–17

Russica: iv.111–12 r

### St Petersburg

bibliography: ix.98–101

Hermitage Library: iv.101–3 r; v.31–49

printing: iii.3–11

Public Library: iii.112–14 r; vii.18–34

### Samizdat

Czech: iii.120–1 r

Poland: viii.84–7 r

Russia: iii.103–8; v.143–52; x.39–43

bibliography: iv.50–66; viii.80–3

Satirical journals: i.7–10

Serbia: ix.49–72, 79–82 r

Shipovnik: i.10–14, 41–2

Siberia: vii.130



Slavonic Studies: ii.108–9 r  
     bibliography: ix.92–3 r, 93–4 r;  
         x.191–2 r  
     North America: x.178–87  
     reference works: ii.108–9 r; x.191–2 r  
 Slovenia: x.92–7  
 Social aspects: iii.77–88  
 Sorbian: x.170–7  
 Soviet studies: vii.116–17 r  
*Symbola et emblemata*: vi.56–62  
  
 Terminology: viii.13–22  
 ‘Trophy’ collections: x.13–23  
  
 Ukraine  
     bibliophily: v.25–30  
     book: iii.77–88

    emblem books: ix.32–40  
     encyclopaedia: ii.100–1 r  
     printing: i.97–8 r; v.25–30; vii.69–96  
     readership: iii.77–88  
 USA: ii.81–7; x.178–87  
  
 Venice: vii.97–114  
 Vienna: i.106–7 r  
 Vilna: viii.40, 44, 46, 49–51, 77–9  
 VOK: i.76–87; iv.67–75  
 Vsemirnaia literatura: i.5, 14–15, 42,  
     44–7  
  
 Yugoslavia: x.92–7  
  
 Zapisi: x.131–70

## Review Articles and Reviews

*Бубнов Н.Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. Санкт-Петербург, Библиотека Российской Академии наук, 1995. 435 с.

*Вознесенский А.В.* Старообрядческие издания XVIII—начала XIX века: Введение в изучение. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. 159 с.

Литературное наследие писателей-старообрядцев достаточно давно привлекает внимание историков русской литературы и общественной мысли; многие выдающиеся памятники были неоднократно опубликованы и тщательно откомментированы, иные лишь учтены и ждут более обстоятельного рассмотрения. Однако, старообрядческая рукописная книга второй половины XVII в. в качестве самостоятельного историко-культурного явления впервые изучена в рецензируемой монографии Н.Ю. Бубнова.

Постановка подобной исследовательской задачи оказалась возможной лишь в сравнительно недавнее время (написанию книги предшествовали многочисленные статьи и публикации автора, начиная с 1970-х годов). Прежде для этого просто не было достаточного материала. Научные книгохранилища начали систематически собирать старообрядческую рукописную книгу только в последней четверти XIX в. Рукописное наследие старообрядцев хранилось у своих естественных и исконных пользователей и читателей, а порой подвергалось угрозе забвения и гибели, отчасти в связи с угасанием древней традиции, но в неизмеримо большей степени из-за преследований со стороны властей, особенно катастрофических по своим последствиям в годы тоталитарной диктатуры.

На протяжении последних десятилетий, благодаря подвижнической деятельности Владимира Ивановича Малышева, его учеников и продолжателей, была воссоздана, в библиотеках Ленинграда-Санкт-Петербурга, Москвы, Урала и Сибири, огромная 'крестьянская библиотека', основу которой составили памятники старообрядческой рукописной традиции. Книга Н.Ю. Бубнова опирается на эту солидную археографическую базу, в создании которой ее автор принимал деятельное участие.

Монография посвящена памяти А.И. Копанева, замечательного историка русского крестьянства, многие годы возглавлявшего Отдел рукописей и редких книг Библиотеки Академии наук и возродившего в ней традиции полевой археографии (он был и председателем Ленинград-



ской Археографической Комиссии). Исследования Н.Ю. Бубнова прочно связаны с отечественной традицией изучения литературного наследия и идеологии старообрядчества, начиная с трудов В.Г. Дружинина, а более всего с работами его старших современников и коллег, В.И. Малышева, А.Н. Робинсона, Н.Н. Покровского, Н.С. Демковой и их учеников. В русле этой традиции самим Н.Ю. Бубновым было немало сделано для выявления, датировки, установления авторства, различных редакций ряда старообрядческих памятников XVII в. Однако, предметом рассмотрения в монографии являются не просто произведения авторов-старообрядцев сами по себе, но специфический феномен старообрядческой рукописной книги. Это — ‘книга, созданная старообрядцами’ (с. 8), и никакой тавтологии тут нет. Подобно тому, как печатная книга по своему значению не совпадает с опубликованным в ней произведением, и книга рукописная не сводится к содержащемуся в ней тексту. Старообрядческая книга есть памятник или совокупность памятников, объединенных одной темой или тенденцией, она представляет собой именно издание: само понятие издания вполне закономерно применимо не только к печатному, но и к рукописному периоду бытования книги (с тем же основанием можно было бы говорить о книге и ее издании в Средние века и в эпоху Возрождения до Гутенберга).

Распространявшаяся в рукописном виде, ориентированная на определенный круг читателей, старообрядческая книга ‘является совершенно особым типом рукописной книги, опирающейся как на древнерусскую рукописную традицию, так и в меньшей мере на традицию русского книгопечатания — как по форме, так и по содержанию. Рукописное “тиражирование” старообрядческих “изданий” самими читателями, стремление придать этим копиям статус “освященных” церковных книг является своеобразным феноменом русской книжной культуры на пороге нового времени’ (с. 38). Продолжив в новых специфических условиях существование и развитие рукописной книги, старообрядческая книга явила собой особый тип рукописной книги — книги ‘постпечатной’ (с. 39). Поэтому ей присущи многие признаки, свойственные как древнерусской рукописной книге, так и книге печатной, при этом определяющим было влияние продукции Московского Печатного Двора дониконовского периода.

Н.Ю. Бубновым проделана большая работа по выявлению и учету старообрядческой рукописной книги XVII в. Так как далеко не все созданные старообрядцами книги сохранились в виде отдельных книг, а ‘растворились’ в позднейших сборниках, автор поставил перед собой задачу выявления не только ‘физических’ книг, но и этих же книг в составе многочисленных сборников. При этом ‘старообрядческие книги сложного состава можно рассматривать [...] как своеобразные “сверхпроизведения”, которые следует изучать в качестве самостоятельных литературных памятни-

ков' (с. 361). В результате удалось выявить, с учетом различных редакций, 48 книг, включающих 120 сочинений, сохранившихся в десятках и сотнях списков, как современных созданию книг, так и позднейших (см. с. 11).

Создатели старообрядческой литературы, отражающей богатое духовное содержание, развитую идеологическую систему, противостоящую официальной церкви и государству, 'стремились не только "вписать" свои сочинения в общий контекст древнерусской литературы, но и, в свою очередь, привлечь в круг старообрядческих писаний многие древнерусские памятники с помощью переосмысливания их идеологии в нужном для себя духе' (с. 29).

Эта органическая связь с древнерусской культурной традицией не просто декларирована исследователем. Она тщательно прослежена на обширном конкретном материале. Н.Ю. Бубнову удалось показать активное использование писателями-старообрядцами не только древнерусских текстов, но и конкретных рукописей и старопечатных книг. Особенно важны и интересны наблюдения над работой старообрядцев с рукописями крупнейших книгохранилищ, таких, как Патриаршая библиотека, библиотеки Троице-Сергиевой лавры и Соловецкого монастыря. Им прослежено и показано обращение старообрядцев к совершенно конкретным рукописям этих собраний, на основании как древних и новых описей этих библиотек, так и — что особенно важно — рукописей, сохранившихся до наших дней в книгохранилищах Санкт-Петербурга и Москвы. Поэтому вывод книги, что старообрядцы 'опирались на вековой опыт, накопленный русскими книжниками' (с. 300), подтверждается документально. Выявление связи старообрядческих сочинений с источниками — рукописями (в частности, Соловецкой библиотеки) и печатными книгами (в том числе и доставленными вскоре после издания из Москвы) помогает автору разрешить важнейшие вопросы датировки памятников и соотношения разных текстов и их редакций (см., в частности, с. 309, 324—327 и др.). Итоги исследования представлены в ряде сложных стемм, раскрывающих соотношения разных старообрядческих сочинений и их источников (напр., на стр. 136, 333 и 355), в 'Списке книг, созданных московскими старообрядцами в 1664—1682 гг.' (с. 122—124), в 'Перечне рукописных книг Соловецкой библиотеки, использованных в "Сказании о новых книгах"' (с. 305—308).

Н.Ю. Бубнов рассматривает три центра создания старообрядческой рукописной книги второй половины XVII в. — Московский, Соловецкий и Пустозерский, в их взаимосвязях и взаимовлияниях, в соответствии с периодизацией старообрядческого движения и выработки его идеологических оснований.

Вопрос о связи старообрядчества с древней традицией представляется особенно важным. В научной литературе высказывались достаточно



обоснованные суждения о том, что 'старина', к которой обращались старообрядцы, не шла дальше их современности, в крайнем случае — начала XVII столетия. В целом это представляется убедительным: защищали они не абстрактную древность, а привычную им богословскую и литургическую традицию. Но обоснование ей искали именно в древности. Анализ использованных старообрядческими полемистами источников показывает, что корни их мировоззрения шли достаточно глубоко. Это подтверждается и материалом, приведенным в монографии Н.Ю. Бубнова. Достаточно далеко 'вглубь' от XVII в. уводят не только литургические книги, к которым обращаются защитники 'древлего благочестия', среди которых оказывается пергаменный ('харатейный') Служебник XIII в. и Евангелие апракос и Апостол апракос 1424 г., но и такие издревле бытовавшие на Руси произведения, как Хроника Григория Амартола, творения Василия Великого и Иоанна Златоуста, Дионисия Ареопгита и Никона Черногорца. Среди использованных старообрядческими авторами памятников — Житие Марии Египетской в составе сборника 1523 г., Житие Евфросина Псковского 1569 г., Жития Сергия Радонежского, Александра Невского, Зосимы и Савватия Соловецких (последнее в списке 1623 г.), Повесть о Варлааме и Иоасафе, Повесть о Новгородском белом клобуке, Хронограф в редакции 1512 г., Повесть о Флорентийском соборе Симеона Суздальского, многочисленные произведения Максима Грека, в том числе и в списках XVI в., 'Златая цепь' и 'Златоструй' (оба в списках XVI в.), Стоглав 1551 г., 'Просветитель' Иосифа Волоцкого и другие сочинения, упоминание и использование которых свидетельствует о достаточно глубоких связях с предшествующей традицией, отнюдь не ограниченной временем, непосредственно предшествующим расколу.

Поэтому нельзя не признать большой заслугой автора рецензируемой книги включение в нее, наряду с другими крайне полезными указателями (Указатель имен, Указатель старообрядческих сочинений, Указатель хранилищ и шифров рукописей, использованных в книге) также и специального Указателя книг и рукописей, использованных старообрядцами (с. 428—430). Правда, к сожалению, в него включены не все упоминаемые в тексте памятники. Так, пропущенной оказалась не озаглавленная точнее сербская печатная книга ('145 лет как печатана'), на которую ссылался на допросе у архиереев 11 мая 1666 г. дьякон Федор, видевший ее 'у жившего в Москве сербского черного священника Мардария' (с. 66). Не попала она в указатель, вероятно, потому, что ее не удалось отождествить. Между тем речь идет несомненно о Псалтири с Часословцем, напечатанной в Горажде Феодором Любавичем на средства Божидача Гаражданина. О датировке ее до сих пор идут споры: в колофоне указан год от Рождества Христова 1529, но от сотворения мира 7029, т.е. 1521-й. Опыт показывает, что в кириллических изданиях этого времени

чаще случается ошибка в счете от Рождества Христова, нежели в более близком православным издателям исчислении от сотворения мира. Во всяком случае священник Мардарий и дьякон Федор исходили из года 7029-го, и таким образом справедливо полагали, что к году 7174 (т.е. 1666-му) со времени издания книги прошло 145 лет.<sup>1</sup> Не уточнено в указателе издание ‘Часословца греческого’, вышедшего в ‘Саликоте Венецкой’ в 1644 году, о котором шла речь в Грановитой палате в 1682 г. (и упомянутого, кстати, не только на стр. 180, к которой отсылает Указатель, но и на стр. 319) — это следовало бы сделать по известной греческой библиографии Леграна.<sup>2</sup>

Некоторые возражения вызывает и описание упомянутых в указателе кириллических изданий XVI—XVII веков. Их названия следовало бы привести в соответствие с современными научными описаниями, принятыми в отечественных каталогах. Так, ‘Беседы апостольские’ (Киев, 1623) — это ‘Беседы на 14 Посланий ап. Павла’ Иоанна Златоуста. Острожскую Библию Ивана Федорова принято датировать не 1580, а 1581-м годом, несмотря на наличие первой даты в части сохранившихся экземпляров. ‘История о листрийском ... Феррарском или Флорентийском соборе’ — не самостоятельное издание, а часть (л. 35—57) книги: Клирик Острожский [Гаврило Дорофеевич?]. Отпис на лист Іпатія володимирського и берестейського єпископа. Острог, 1598.<sup>3</sup> ‘Книга о вере’ (Острог, 1588) — сочинение Василия Суражского ‘О единой истинной православной вере’; данное уточнение необходимо для различения книг со сходным названием. Именно книгу Василия Суражского имел в виду Никита Добрынин, упоминая ‘Книгу о вере польской печати’ (стр. 325), а никак не ‘Книгу о вере единой святой церкви’ (Киев, 1619): во времена его Челобитной киевские издания к польским не относили. ‘Небо Новое’ Иоанникия Галятовского (Львов, 1665) ошибочно приписано Иоанну Дамаскину и датировано (неверно) 1662 г. Изданная в Вильне в 1596 г. ‘Грамматика’ имеет автора: им был Лаврентий Зизаний. Киевский ‘Часослов’ 1657 г. описывается обычно как ‘Часослов и молитвы повседневные’, другой упомянутый в Указателе ‘Часослов’ был издан в Киеве не в 1660, а в 1661 году.

Еще одна частная неточность допущена в упоминании на с. 376 в примеч. 115 (со ссылкой на исследование А.И. Лилова) ‘еретика Мотовели, который написал опровержение на иезуитов по заказу князя Васи-

<sup>1</sup> Лукьяненко В.И. Издания кириллической печати XV–XVI вв. Санкт-Петербург, 1993. Описание 5.

<sup>2</sup> Legrand E., *Bibliographie hellénique, ou Description raisonnée des ouvrages publiés par des Grecs au dix-septième siècle*. Vols. I–V (Paris, 1894–1896).

<sup>3</sup> Запаско Я., Ісаєвич Я. Каталог стародруків, виданих на Україні. Кн. I. Львів, 1981. № 37.



лия Острожского': очевидно, это тот 'прелукавый Мотовил', 'согласник и обновитель Павла Самосадского ереси и Фотинуса некого, древних еретиков', которого обличал князь Андрей Курбский.<sup>4</sup>

Мы сочли необходимым обратить внимание на эти неточности еще и потому, что они свидетельствуют о непреодоленном разрыве между исследователями рукописной традиции и книги старопечатной, а в известной мере и между специалистами по отечественной и зарубежной истории.

Фундаментальное исследование Н.Ю. Бубнова, посвященное раннему этапу истории старообрядческой рукописной книги, позволяет ему прийти к выводам общего характера. Речь идет прежде всего об оценке русского старообрядчества и его консерватизма. Автор рецензируемой монографии рассматривает старообрядческую полемику о церковных обрядах и разночтениях в богослужебных книгах не как чисто формальный спор о малозначительных деталях православного культа (к чему бывали склонны апологеты Никоновских реформ и официальные критики старообрядчества), а как выражение глубинных процессов, происходивших в русском обществе и в его идеологии. Основу спора составляли эсхатологические представления старообрядцев, согласно которым именно в связи с приближением конца света 'недопустимы малейшие изменения форм православного культа' (с. 299). Согласно Н.Ю. Бубнову, 'распространенное представление о старообрядцах как ретроградах, ярых врагах новаций в культуре, сторонниках исключительно национальной православной ориентации не находит реального подтверждения в материалах' его исследования (с. 367). Раскол произошел 'на сломе эпох, [...] из-за различного понимания русскими людьми возможного пути выхода страны из относительной культурной изоляции, в которой она оказалась после падения Византии ...' (там же). Правда, к числу факторов раскола автор книги относит и то, что он именует 'неосторожным вмешательством иностранцев в русские дела', имея, вероятно, в виду роль, сыгранную в церковной реформе греческими иерархами. Здесь мне видится известное упрощение ситуации. Роль иноземцев, хотя и была на поверхности, не только в церковной реформе, но и в реформах Петра Великого, была подчиненной. Но, несомненно, ослабление культурной и общественной роли церкви и духовенства в результате всех этих преобразований, их подчиненное, служебное и приниженное положение в системе самодержавия, сыграло отрицательную роль в истории страны, и в значительной мере определило 'болезненный для страны и ее народа административный путь реализации культурных и экономических реформ, проведенных

<sup>4</sup> Письма князя А.М. Курбского к разным лицам. (Извлечено из 'Сочинений князя Курбского'.) Изд. Имп. Археографической Комиссии. Санкт-Петербург, 1913, стб. 103.

несколько десятилетий спустя Петром Великим' (там же).

Относительность традиционализма и консерватизма старообрядцев (во многих церковных вопросах их позиция оказалась в исторической перспективе значительно более жизненной, а стало быть и 'прогрессивной', нежели позиция официальной церкви Синодального периода (до Поместного собора 1917—1918 гг.))<sup>5</sup> с очевидностью просматривается и в приведенном в монографии Н.Ю. Бубнова материале старообрядческой книги XVII в. Из содержания рецензируемого исследования следует, что движение русского общества в направлении к реформам было достаточно широким, охватывающим значительные общественные слои. Спор в сущности был о пути необходимых преобразований и о цене, которой они должны были быть оплачены.

Монография Н.Ю. Бубнова, вносящая значительный вклад в изучение важного этапа истории русской книги, дает серьезный материал для размышлений о судьбах русской культуры, общества и государства на путях перехода к Новому времени.

Монография А.В. Вознесенского завершает его трилогию, посвященную старообрядческой печатной книге XVIII—начала XIX вв. Первые две части<sup>6</sup> были посвящены научному описанию изданий; новая работа подводит итоги многолетних исследований. Написана она чрезвычайно плотно: просматривать ее невозможно и бесполезно. Первый ее раздел, посвященный связям старообрядческой печатной книги с традициями кириллического книгопечатания, требует тщательного изучения материала с одновременной фиксацией крайне нужных для библиографа и книговеда конкретных сведений, по большей части впервые вводимых в научный оборот в таком объеме и в такой конкретной исторической перспективе. Второй (особенно приложение 3) погружает читателя в богатый мир своеобразной духовной культуры русского старообрядчества.

Изучение особенностей старообрядческих изданий потребовало от автора значительно расширить рамки исследования, по сравнению с тем, что заявлено в заглавии книги. В связи с этим в нее оказался включен богатый и интересный материал, касающийся типографских особенностей всей кириллической традиции, предшествовавшей старообрядческому книгопечатанию и современной ей. Представленные вместе, эти сведения полезны для изучения восточнославянской печатной книги от ее возникновения в 1491 г. в типографии Швайпольта Фиоля до 20-х годов XIX столетия.

<sup>5</sup> Выступление Н.И. Николаева на обсуждении кандидатской диссертации А.В. Вознесенского в Пушкинском Доме Российской Академии наук 30 сентября 1996 г.

<sup>6</sup> См. Горфункель А. Старообрядческая печатная книга XVIII—начала XIX вв. в каталогах Андрея Вознесенского. // *Solanus, New Series*, Vol. 9 (1995), pp. 73–78.



Тщательное рассмотрение всех особенностей старообрядческой печатной книги, включая употребление гравированного орнамента и литых наборных украшений, наличие или отсутствие титульных листов, колофонов и гравюр, формат изданий, компоновку листов в тетради, систему сигнатур и счета листов, позволяет А.В. Вознесенскому прийти к ряду важных выводов о связи ее с предшествующей и современной традицией — как в преемственности, так и в отталкивании. Как выясняется в результате изучения обширного материала, старообрядческое книгопечатание отнюдь не сводилось к внешнему воспроизведению книг старомосковского образца — хотя ориентация на дониконовскую (преимущественно времен патриарха Иосифа) печать несомненна и очевидна. Но помимо этого, определяемого сознательным выбором, влияния, на тип и характер старообрядческой печатной книги оказывали воздействие издания украинские и белорусские. Заметим кстати, что широкое использование многобуквенных сигнатур, в том числе как прописных, так и строчных букв и их сочетаний, было характерно для западноевропейского книгопечатания уже с последней трети XVI в. и могло — вероятно, через польскую книгу, — быть воспринято старообрядческими типографами как общепринятый технический прием.

Кропотливое изучение всех ‘внешних’, чисто типографских особенностей старообрядческой печатной книги позволяет автору прийти к выводам, выходящим за рамки чисто формального книговедения и касающимся содержания книг, издательской программы печатников, и — шире — книжной культуры старообрядчества. ‘Целью старообрядческого книгопечатания, — подчеркивает А.В. Вознесенский, — вовсе не было обязательное создание ‘точных копий’ московских дониконовских изданий’ (с. 18). Консервативность старообрядцев и в этой области не была абсолютной, они учитывали состояние и итоги современной им книгопечатной практики, отчего ‘старообрядческая книга оказалась вполне современной своей эпохе’ (с. 54). При этом, благодаря связям старообрядческих типографий между собой, преемственности в их деятельности, они сумели сохранить и выявить свою культурную целостность. Все это относится и к источникам, использованным при издании старообрядческих книг — это были отнюдь не исключительно книги дониконовской московской печати, но и издания иных типографий, и богатая рукописная традиция, и, наконец, собственные старообрядческие издания: постоянные перепечатки книг как в рамках одной типографии, так и в пределах старообрядческого книгоиздания в целом — все это способствовало и расширению издательской программы, и выявлению ее своеобразия и независимости от официальной культуры. Оригинальность старообрядческого книгопечатания сказалась даже в издании наиболее традиционных, литургических книг, которые отличались своим составом от приня-

тых образцов, что позволяет говорить о ‘собственно старообрядческих’ их типах (с. 78, прим. 4), включающих важные к ним дополнения, часто публиковавшиеся впервые (с. 82). К сожалению, эта особенность лишь упомянута А.В. Вознесенским, а между тем для более полного осмысления издательской программы необходим подробный анализ и этой стороны старообрядческой печатной книги.

Наиболее полно специфику издательской программы старообрядческих типографий отражают книги и памятники письменности, напечатанные ими впервые. Этим изданиям посвящена наиболее важная, и в количественном, и в качественном отношении, часть монографии А.В. Вознесенского — Приложение 3, занимающее две трети книги. (Приложение 1 содержит Список библиографических указателей, во 2-ом даны Дополнения к ранее опубликованному Каталогу старообрядческих изданий, включающие подробное описание 10 изданий, 8 из которых описано впервые.)

Как показал А.В. Вознесенский, старообрядческим типографиям принадлежит честь первой печатной публикации многих памятников древнерусской литературы и собственно старообрядческих сочинений. Каждое такое издание представляет собой тем самым *editio princeps* и в качестве такового необходимо должно учитываться при текстологическом исследовании произведений. Среди сочинений, рассмотренных в 21 параграфе исследования (к сожалению, расположенных в алфавитном порядке названий, что удобно для их отождествления и описания, а не в хронологии их создания, что было бы интереснее в плане историко-литературном), есть памятники, имевшие на Руси давнюю рукописную традицию, хотя и печатавшиеся по более поздним спискам, как Скитское покаяние, Пандекты и Типикон Никона Черногорца, Житие Василия Нового, Служба всем российским чудотворцам инок Григория. Но по большей части речь идет о памятниках сравнительно поздних. Это позволяет автору присоединиться к мнению А.И. Соболевского, что старина, которую хранило старообрядчество — ‘не более, как XVII век’ (с. 79, прим. 10). Вывод этот, отчасти справедливый применительно к издательской программе старообрядческих типографий, вряд ли может быть безусловно распространен на старообрядческую культуру в целом — если учитывать находки археографических экспедиций, включающие памятники более ранние.

Отбор типографами произведений для нового издания (так же как и при перепечатке изданий дониконовских) определялся соответствием их задаче спасения в лоне истинной православной церкви, ‘традиции которой сохранились лишь в старообрядчестве’ (с. 80). Публикуемые тексты должны были утверждать ‘истинность русского православия’ и его преемственность по отношению к древнему христианству (там же; ср. с. 109). Издательская программа печатников-старообрядцев включала издания



апологетических и полемических сочинений, толкования библейских книг. Характерно, что, выпустив лишь два издания Евангелия-тетр и одно — Апостола богослужебно-четьего типа, старообрядцы шесть раз печатали Евангелие учительное, один — Евангелие Благовестное Феофилакta Болгарского, они предприняли первое (и на столетие оставшееся единственным) монументальное издание Апостола толкового, представляющего собой свод толкований многих 'святых и богоносных учителей церковных', получивший окончательную обработку уже на Руси, вероятно, в XVII веке. С эсхатологическими настроениями, распространенными в старообрядчестве, связано издание таких памятников, как Житие Василия Нового, сборника Слово о лжепророках и лжеучителях и Служба, житие и похвала Иоанну Богослову. Особый интерес представляют впервые опубликованные старообрядцами нравоучительные сборники — прежде всего составленная в первой половине XVII в. Альфа и Омега. Сопровождающие тексты поучений неравносложные вирши принадлежат, по убедительному предположению А.В. Вознесенского, кому-то из поэтов приказной школы 1640-х годов; вероятно, издание этого сборника готовилось на Московском Печатном дворе. Другие важные издания такого рода — сборники Златоуст, Цветники и сборники, составленные на основе Соборника, Цветник священноинока Дорофея. В этих изданиях была продолжена древнерусская литературная традиция 'проповеди книги'.

Не меньший интерес представляет чрезвычайно популярный среди читателей-старообрядцев (о чем свидетельствует и множество рукописей, найденных археографами, и неоднократные переиздания второй половины XIX—начала XX в.) апокриф 'Страсти Христовы', равно как и ценный для изучения истории старообрядчества сборник История об отцах и страдальцах соловецких, включающий в двух разных видах не только одноименное сочинение Семена Денисова, но и составленную казначеем Соловецкого монастыря Геронтием Пятую Соловецкую челобитную, Послание о сложении перстов соловецкого старца Герасима Фирсова, Повесть о белом клобуке и три сочинения дьякона Федора. Этими изданиями была заложена имевшая большое будущее традиция издания исторических и полемических сочинений старообрядцев. Эти и другие, подробно описанные А.В. Вознесенским памятники заслуживают дальнейшего текстологического и филологического исследования. Необходимые основания для их изучения заложены автором рецензируемой книги. Им глубоко рассмотрены происхождение и состав каждого издания и составлены стеммы (по типу тех, что приняты при текстологическом исследовании рукописной традиции), показывающие связь и взаимозависимость отдельных старообрядческих изданий. Разработанная А.В. Вознесенским методика представляется весьма перспективной для текстологического анализа старопечатных изданий литературных памят-

ников — и не только старообрядческих.

В своей монографии А.В. Вознесенский сумел, впервые в такой полноте, раскрыть историю старообрядческого книгоиздания XVIII—начала XIX веков. Книговедческий анализ в его книге неразрывно сливается с глубоким источниковедческим и историко-культурным рассмотрением содержания издательской программы печатников-старообрядцев. Ему удалось показать роль и место в старообрядческой культуре, наряду с богатой рукописной традицией, книги печатной, которая пользовалась глубоким уважением в старообрядческой среде. Правда, в подтверждение восходящей к XVII столетию традиции высокого статуса печатной книги, автор приводит не вполне удачный пример: процитированное им высказывание о преимуществе книг печатных перед рукописными (прозвучавшее в прениях о вере в 1644 году) принадлежит, как он сам указывает, не русскому участнику спора, а иноземцу, и потому не может служить доказательством вывода, впрочем, вполне справедливого (см. с. 81, прим. 13).

Кроме того, хотя книги, впервые изданные старообрядцами, представляют их издательскую программу наиболее выпукло и наглядно, хотелось бы видеть и более полный ее содержательный анализ, который учитывал бы и перепечатки московских изданий, и издания богослужебных книг. Это потребовало бы некоторого расширения объема книги, но сделало бы содержащийся в ней анализ исчерпывающим и окончательным.

Фундаментальное исследование А.В. Вознесенского представляет собой не только значительный вклад в изучение старообрядческой книжной культуры, но и знаменует собой принципиально новый этап в развитии русского книговедения.

Александр Горфункель

*Davis Center for Russian Studies,  
Harvard University*

I. V. Pochinskaia, *Staroobriadcheskoe knigopechatanie XVIII–pervoi chetverti XIX vekov*. Ekaterinburg, Ural'skoe otделение RAN, 1994, 182 pp., lxxi unbound leaves of reproductions.

The history of the great schism in the Russian Church, at least in its early stages, is well known to students of Russian seventeenth-century history, as is the 'Zhitie' of the greatest of the 'schismatics', Archpriest Avvakum, whose autobiographical account is one of the most outstanding works not only of Old Believer literature, but of Russian literature as a whole. What is less generally realised is that one of the most important points of conflict between Patriarch



Nikon, his supporters, and their opponents (Avvakum, Epifanii and others) was the book. Since the adoption of Christianity the book had been regarded in Russia as the repository of wisdom and righteousness, and the reading of books was seen not as an agreeable pastime but as a moral imperative. The revision of liturgical texts on the basis of foreign, especially Greek and Latin, models was therefore regarded by many members of the Russian Church as akin to heresy and was greeted with a sense of moral and theological outrage. They and their successors became known as 'schismatics' (*raskol'niki*) or 'old ritualists' (*staroobriadtsy*), but are better known in English as the Old Believers. If we accept the periodization proposed by N. Iu. Bubnov (N. Iu. Bubnov, *Staroobriadcheskaia kniga v Rossii vo vtoroi polovine XVII v.*, Sankt-Peterburg, 1995, pp. 26–35), we may regard the period covered by Dr Pochinskaia's work as the fourth stage in the history of the Old Believer book (the first three stages being 1653–mid-1660s; mid-1660s–1682; and 1682–98). Her monograph consists of two parts: a history of Old Believer printed books from 1701 to 1819 (pp. 9–83) and an album of the ornamentation of the books produced by six foreign and one Russian (Chernigov) presses. The album contains a description of 87 editions arranged in alphabetical order of place of publication and 71 unbound leaves with 455 reproductions of headpieces (*zastavki*), tailpieces (*kontsovkī*), decorated initials and engraved illustrations.

Pochinskaia concentrates on the Starodub region, which extended to the frontier with Poland-Lithuania and which had already become a centre of Old Believer activity by the end of the seventeenth century (Bubnov, op. cit., p. 34). Its proximity to the border had also made it a natural centre of trade with Poland since the sixteenth century, and it is to the activities of the Old Believer merchants that much of her narrative is devoted because it was they who could cross the frontier, commission the printing of texts, smuggle them into Russia and, through their trading links, distribute books throughout the Empire. The earliest books printed for the Old Believers were a *Chasovnik* (Book of Hours), produced by the press of the Brotherhood of the Epiphany (Bogoiavlenskoe bratstvo) in Mogilev in 1701, followed by psalters (1705, 1717) and other chasovniks (1716–17), all of them reprinted in the early 1730s. The only other press used during this early period was, surprisingly, that of the Troitse-Il'inskii Monastery in Chernigov (in 1716–17) on the Russian side of the frontier. This press was closed by the Synod following an inquiry in 1720. The Mogilev and Chernigov books were commissioned by the Kaluga merchant Erast Kadmin. One of the great difficulties in giving an accurate account of Old Believer books of this and later periods is the practice of giving false imprints and dates, no doubt due to a desire to conceal the true locations of the presses from the authorities. Pochinskaia cites (pp. 35–6) the cases of the 'Mogilev, 1711' Psalter and the 'Mogilev, 1713' *Chasovnik*. Both were printed on paper produced by the mill of Prince P. I.

Repnin, founded in 1759, which she thinks can be dated to about 1764 (p. 35), but she considers the Psalter to be a copy of a Vilnius edition of 1778, whereas the *Chasovnik* gives the date of Easter from 1773. She wisely does not even attempt to attribute these books to any of the known printers employed by the Old Believers. Printing of Old Believer books was resumed (according to Pochinskaia) in the 1770s by the press of the Basilian Uniat Holy Trinity Monastery in Vilnius. It should be said that another Russian expert on the Old Believer printed book, A. V. Voznesenskii, disagrees, judging that Old Believer printing recommenced in 1767 in Vilnius (A. V. Voznesenskii, *Starobriadcheskie izdaniia XVIII–nachala XIX veka: vvedenie v izuchenie*, Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1996, p. 36). The Vilnius press was joined by two other Uniat presses in printing books for the Old Believers in the 1770s and 1780s: those of the Basilian monasteries of the Annunciation in Suprasl' (1772–81) and of the Assumption in Pochaev (1781–1800). Other Polish presses included the Royal Press at Gródno and Dufort's press in Warsaw. A brief flowering of Old Believer printing in Russia itself was stimulated by Catherine the Great's decree of 1783 which permitted the establishment of private presses. Two presses were founded in the settlement of Klinty, the first by V. Ia. Zheleznikov and D. S. Rukavishnikov, the second by Fedor and his son Akim Kartashev. After the closure of private presses in 1797 under Paul I, both presses printed clandestinely (the first until about 1802, the second until 1818). Other Old Believer printing centres within the Empire included that of the merchant Seleznev (Makhnovka, 1802–5), K. V. Kolychev's press at Ianov (approx. 1805–17), which became the most productive of them all, and finally Kolychev's other press at the village of Maidan-Pochapinetskii.

Pochinskaia's book appears in an edition of 500 copies of a standard that one associates with the Russian provincial press; the quality of the reproductions, though, is very good given the poor paper on which they appear. The bibliography (pp. 69–83), which I found helpful, makes clear the author's use of official archives, but the book's value as a scholarly resource is diminished by its lack of an index of personal names. Nevertheless, this is a worthy contribution to the growing corpus of works on the history of the Russian Old Believers and their books.

D. L. L. HOWELLS

*Taylor Institution Library, Oxford*



N. A. Bogomolov (ed.), *Pisateli sovremennoi epokhi: bibliograficheskii slovar'*, vol. 2. Academica Rossica, Studia biographica, 2. Moscow, Russkoe bibliograficheskoe obshchestvo, EksPrint NV, 1995. 272 pp. Index.

It is no exaggeration to describe this volume as 'long-awaited', appearing as it does almost seventy years after volume one of *Pisateli sovremennoi epokhi*. In the preface to volume two, the editor outlines the fate of its predecessor: published in 1928, withdrawn shortly afterwards and locked away until quite recently in *spetskhrany*, even though a reprint appeared in Leipzig in 1972. The compilers of the first volume nevertheless continued to gather materials on writers not included there, though it must soon have become clear that immediate publication was unlikely. The present volume was painstakingly reconstructed from three archival sources.

An unsigned and apparently incomplete preface to the second volume is mostly taken up with an energetic response to Gor'kii's criticisms of the first volume. Major figures, Gor'kii complained, were missing, while minor ones were included. Had he read the preface, the compilers retorted, he would have realised that their selection was limited by the materials they had to hand; writers omitted would be dealt with in subsequent volumes. Furthermore, there had been a deliberate decision to make the book as inclusive as possible, so that researchers might find information on minor figures there if nowhere else.

The second volume follows the original in its concern to be inclusive, providing information on a host of little-known writers, critics and translators. Given the upheavals which were to come in the Soviet Union, this must be considered a unique resource for scholars tracking down those who vanished from the scene a few years later. As in the first volume, there is a scrupulous avoidance of ideological posturing; writers in emigration such as Bunin, Odoevtseva and Khodasevich are treated with the same studied neutrality—a rarity at a time dominated by the hectoring voices emanating from RAPP (Russian Association of Proletarian Writers)—as are staunch supporters of the Communist Party such as the poet-functionary Aleksei Dorogoichenko, novelist Iurii Libedinskii, even Nikolai Bukharin.

There is considerable variation in the biographical details given, perhaps because much of the material included was supplied by the subjects themselves. While the entry on the poet Sofia Parnok is short and to the point, giving details of her education, travels and publications, that on the poet Nikolai Kliuev is ornamented with colourful details of his origins and his involvement with schismatic groups, noting that he has twice been imprisoned for his religious beliefs. The details of Marietta Shaginian's pre-1917 career demonstrate a range of activities from lecturing workers on Greek classical philosophy to being trained in a school for textile workers, while Mikhail Zoshchenko's entry

lists his post-1917 occupations as follows: hunter, carpenter, cobbler's apprentice, telephone operator, policeman, detective and actor.

The book is supplied with a useful index for both volumes one and two, and includes writers' pseudonyms in the alphabetical list, with cross-references to the main entry. It is without doubt a significant addition to the resources available for researchers into the literature and culture of the Soviet period.

KATHARINE HODGSON

*University of Wales, Bangor*

Klaus W. Waschik and Natalia B. Volkova (eds.), *Russian State Archive of Literature and Art (RGALI): The Complete Archive Guide*, first CD-ROM edition. Lotman-Institute of Russian and Soviet Culture, Bochum, Germany, and Russian State Archive of Literature and Art. Munich, K. G. Saur Verlag, 1996.

RGALI, formerly TsGALI (The Central State Archive of Literature and Art), has been publishing *putevoditeli* since 1951. By 1996 six volumes had appeared, and the seventh supplementary volume for new entries is scheduled for 1997. This CD-ROM version contains the text of the as yet unpublished seventh volume, as well as listing all the documents in the former closed section of the archive (the *spetskhran*), a short guide to which was published in 1994 in cooperation with the Paris publishing house Irenise.

On entering the CD-ROM the searcher sees an alphabetical card cabinet, a directory of *fond* numbers, a free text search, and a thematic card cabinet containing eight categories (personal files; collections; state institutions and public organisations; theatres and choirs; film organisations; museums; teaching institutions and research institutes; publishing houses).

Each card gives the number of a *fond*, the total number of items held in it and the dates between which the material was collected; there is also brief information about the person or institution concerned, followed by a list of the *edinitsey khraneniia*. The individual numbers of the *ed. khr.* are not given.

The transliteration system works beautifully. Type in 'Xechov' and this appears on screen in neat Cyrillic characters as Чехов; for those unfamiliar with this system a key to transliteration is provided. The contents of every record card can be printed in Cyrillic with ease as long as the printer is configured for TrueType fonts (graphic mode).

Users of the free search program should be warned that if you type in, for example, 'Il'f', the search will find only Il'f in the nominative case (5 cards). To find all the case endings you need to use the wild card (an asterisk) which extends to three letters: thus 'Il'f\*' produces 35 cards. This is fine with a name that is unique to one person. With 'Bulgakov', however, of which there are several, it finds all the case endings of all the Bulgakovs and Bulgakovas. Attempts to find only M. A. Bulgakov generated a swift response of 'search item not



found'; this must be because 'a search-term input which consists only in a one- or two-letter word, a preposition or a number will be ignored'. If the text had been entered as 'M.A.Bulgakov', this problem would have been avoided, but presumably it was scanned from the original text of the *putevoditeli*.

If your library does not already have the complete set of *putevoditeli* with a guaranteed order for volume seven plus the volume on the *spetskhran*, then you need this CD-ROM. If you do have all these items, then you are clearly a major research library and the CD-ROM is something you ought to acquire as an enhancement of your holdings.

LESLEY MILNE

University of Nottingham

*Russian National Bibliography on CD-ROM*. Munich, K. G. Saur Verlag, 1996. DM 3200.00.

The *Russian National Bibliography on CD-ROM* covers the period 1980–1995 and contains approximately 776,000 records. It is a useful tool for both researchers and information professionals, combining reliable bibliographic data on Russian publications with the advantages of free-text searching. The overall design makes it flexible and easy to use.

The *RNB* has, however, inherited the fundamental flaw of its precursor *Russian Books in Print Plus* (see the review by Ursula Phillips, *Solanus*, vol. 9 (1995), p. 90). The introductory paragraph in the promotional brochure provides a clue to this shortcoming: 'The titles on this CD-ROM were provided by the Russian Book Chamber (Rossiiskaia knizhnaia palata), the official National Bibliographic Centre and Russian ISBN agency. It is in charge of the complete archive of all works published in the former Soviet Union and—after 1991—in the Russian Federation respectively.' The problem lies in its reliance on the holdings of the Book Chamber, a major casualty of the breakdown of the publishing infrastructure engendered by the collapse of the Soviet Union. It has been estimated that as many as 25% of the books published in the Russian Federation have failed to reach the Book Chamber (Konstantin Sukhorukov, 'The Book Market in Russia', *Solanus*, vol. 10 (1996), p. 77). Official statistics for recent years put the total number of new titles at around 30,000 per annum ('Rossiiskoe knigoizdanie: dykhanie vesny', *Knizhnoe obozrenie*, no. 11 (12 March 1996), p. 2); the contents of the database for 1993–1995 fall well short of this figure. The suspicion must be that many of the regional and 'fringe' publications (often of particular interest) are among those which were not deposited in the Book Chamber.

Those who have used *Russian Books in Print Plus* will find the *RNB* interface familiar. Memory-hungry Windows has so far been resisted, with the

DOS interface retaining its speed and clarity. The database can be searched by means of Boolean operators or browsable indexes (by author, title, publication details, etc.), and results can be displayed in a number of formats. Search results stored automatically during a session can be easily combined or refined using the keyword facility and truncation (by means of an asterisk). A menu option for browsing by subject heading (in Russian) is provided, although the absence of a manual detracts from this positive feature. While a detailed user-guide (containing Universal Decimal Classification tables) was supplied with *Russian Books in Print Plus*, only installation and basic search instructions accompany the *RNB*. The on-line help function serves as a useful quick reference page but does not go into any depth.

The configuration of the keyboard can be specified, with the option of a mnemonic keyboard layout (where Latin keys correspond to Cyrillic characters primarily according to sound) or standard *itsukeng* (the Cyrillic equivalent of *qwerty*). Switching between Cyrillic and LC transliteration (with instructions in English) during a session is straightforward. A useful feature is the ability to print records in transliteration and Cyrillic (with a Hewlett-Packard Laserjet). The *RNB* also offers the possibility of exporting records in MARC format.

As the publishing situation in Russia stabilises with, it is hoped, a corresponding increase in the deposit of new titles in the Book Chamber, future updates of this CD-ROM could provide an important source of catalogue copy as well as valuable bibliographic information.

OLIVER HUGHES

*The British Library*

Maria Kocójowa and Wojciech Zalewski (eds.), *Libraries in Europe's Post-Communist Countries: Their International Context: Proceedings of the Fourth International Conference of Slavic Librarians and Information Specialists, Kraków-Przegorzały, August 3–5, 1995*. Kraków, PTB, 1996. (Materiały edukacyjne bibliotekoznawstwa i informacji naukowej, 5.) 289 pp.

Conference proceedings pose many problems for librarians. They are notoriously difficult to acquire, may send the cataloguer to less-used parts of the cataloguing codes, and may physically be little more than stapled piles of photocopied sheets. Reading them often convinces the sceptic of the importance of the work of the editor, proof-reader and specialist translator. Bibliographic analysis of a volume's content is frequently inadequate. Indeed, many conference papers do have a very limited shelf-life, being rapidly overtaken by events or superseded by more polished presentations in journals. Some conference volumes seem intended as souvenirs for the participants rather than a contribution to scientific knowledge. And yet for those working at the cutting edge



of a discipline, conference papers may be the main source—the only source—of printed information. How do the proceedings of the Kraków Conference shape up?

The initial impression is good: well-printed, securely bound, good paper. This is sustained by the quality of the translations. What then of the substance? The various forewords and introductions are somewhat repetitious, but the actual papers are not. The range of topics is very wide but united by the need to look at the problems and possibilities arising from the new post-communist realities of the former Soviet Union and Eastern Europe. The keywords throughout are 'automation', 'cooperation' and 'reform'. There are useful papers on the situation in general in Russia, Ukraine and Bulgaria, and several more detailed papers on librarianship in Poland, stressing the impact of the recent changes. Jan Wołosz's excellent paper on how democratic change is affecting the National Library in Warsaw is complemented by Jacek Wojciechowski's brief, snappy and thought-provoking piece on public libraries. It is particularly encouraging to read about the cooperative implementation of VTLS by four major Polish libraries—problems as well as achievements. Education and training are represented by factual country surveys for Belarus', Estonia, Latvia, Lithuania, Poland, Slovakia and Ukraine, and a thoughtful analysis of the principles of education and training for automated libraries by Jela Steinerova, which is directed mainly at the needs of Central Europe but deserves a wider audience. This is also true of Ken Varnum's paper on the issues involved in creating digital collections at the Open Media Research Institute, which provides a practical demonstration of the problems, particularly the lack of good searching software that can cope with the multiplicity of languages and special characters represented in OMRI's databases. The relevance of East European experience for the rest of the world is demonstrated by the difficulties Slovenian librarians are encountering over access to electronic publications under their country's new Copyright Act. Another paper which especially interested me was Peter Burnett on the Regional Library Programme of the Soros Open Society Institute, which clarified the many snippets of information which I had heard about the RLP.

The conference's links with the Fifth World Congress for Central and East European Studies ensured that librarians and information workers from eighteen countries were present, and the conference papers are supported by useful appendices, particularly lists of participants (with full addresses) and (somewhat quirky) information about commercial firms distributing books and serials from Central and Eastern Europe. These proceedings deserve to be read beyond the small group of librarians with special interests in the former Soviet Union, Eastern and Central Europe.

Krystyna Bednarska-Ruszajowa, *Das polnische Buchwesen: bibliographische Einführung*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 1994. (Arbeiten und Bibliographien zum Buch- und Bibliothekswesen, 11.) 531 pp. Bibliographies. Indexes. DM 128.00.

This pioneering retrospective bibliography, the first in Polish book studies, covers the history and nature of the field from its beginning—approximately 1601 for the field of bibliography, 1732 for descriptive or interpretive studies—until 1985. The subtitle states that it is a ‘bibliographical introduction’, a clue that this is not a bibliography of the usual type, one whose primary purpose is to aid students and researchers in finding literature on a particular topic. It is, rather, a scholarly study in its own right. With its precise classification scheme and chronological (rather than the more usual alphabetical) arrangement below that, the reader is shown the developments and contours within each part of the discipline.

Even if helping researchers find literature may not be the primary aim of the work, it can nevertheless be used effectively for that purpose. It contains over 4100 entries, including such significant subjects as bibliographies of bibliographies and book studies, periodicals in the field, encyclopedias of book studies, history of the book in various times and regions of Poland and elsewhere, publishing, printing, the book trade, librarianship, libraries of different types in different areas of Poland and elsewhere, reading, etc. The chronological arrangement makes finding when *Bibliotekarz* began, for example, more difficult than an alphabetical arrangement would. On the other hand, one can clearly see which journals began earlier and later, and one would rarely need to read through more than two or three pages with such a query.

The bibliography is selective. As the author states in the introduction, she has not included the entire contents of *Bibliografia Bibliografii i Nauki o Książce* (Łódź, etc., 1914), since this includes non-scholarly material. She also uses only material by Polish authors. A random check of articles in *Przegląd Biblioteczny* from the 1960s and 1980s shows that not all of them are included; however, conference papers and opinion pieces are not excluded. *Poradnik Bibliotekarza* from the 1970s produces similar results. Since the author does not spell out the criteria she used for selecting material, a researcher wishing exhaustive coverage should use this work in conjunction with *Bibliografia Bibliografii* and/or Estreicher’s bibliographies.

A single work is listed in more than one section if its subject merits it; full citations appear in each place, with the work keeping the number from its first appearance. There are also an author index and a subject index of people and places. The classified arrangement makes an additional subject index unnecessary.

It is unfortunate that such a major bibliography is not presented with bet-



ter typography. Levels of the classification scheme are effectively distinguished from each other and from entry text. Below that, however, headings for individual people, cities, booksellers etc. merge into the previous entry. Use of boldface, underlining and/or indentation could have prevented this difficulty without requiring extra space. In addition, running headers with classification headings could have helped the researcher stay oriented if a section ran for more than one page.

Since this work is clearly intended for scholars and students of Polish book studies (all of whom would read Polish and most of whom would live in Poland), it is odd that it contains so little Polish outside the actual entries. Only the detailed classification scheme at the beginning is given in Polish as well as German. The title page, table of contents, section headings within the text and introduction appear only in German.

In spite of these minor criticisms, the work is a major achievement and should prove interesting and useful for both researchers and librarians.

KAREN RONDESTVEDT

*University of Pittsburgh Library System*

Władysław Chojnacki, *Bibliografia polskich publikacji podziemnych wydanych pod rządami komunistycznymi w latach 1939–1941 i 1944–1953: czasopisma, druki zwarte, druki ulotne* (Bibliography of Polish underground publications issued under communist rule, 1939–1941 and 1944–1953: periodicals, books, brochures and leaflets). Przygotowali do druku Wojciech Chojnacki i Marek Jastrzębski. Warszawa, Literackie Towarzystwo Wydawnicze, 1996. 352 pp. Illustrations. Index.

Professor Władysław Chojnacki (1920–1991) was director of the Office of Bibliography of Nineteenth- and Twentieth-Century Polish History, Polish Academy of Sciences, and editor of the monumental *Bibliografia historii Polski XIX wieku*. He began his bibliographic activities in 1945 and until his death in 1991 authored or edited 272 publications (see G. Jasiński, 'Bibliografia prac Władysława Chojnackiego', in *Komunikaty mazursko-warminskie*, 3–4 (197–198), 1992, pp. 406–416). Professor Chojnacki was a bibliographer of Free Poland, and has been called the 'Estreicher of the underground' (after the renowned Polish bibliographer of the nineteenth century), a title he merited by his focus on publications outside censorship; he was prosecuted by the authorities for his pains. From the beginning he devoted his attention to the pre-World-War-II German, post-War Polish, territories of Warmia and Masuria, and to Polish–German relations. Together with his son Wojciech, he published several bibliographies dealing with Polish Americana and Polish Brazilianiana as well as Polonia at large. Most pertinent in this context,

however, is his registration of underground publications in works such as *Bibliografia zwartych druków konspiracyjnych wydanych pod okupacją hitlerowską w latach 1939–1945* (Warszawa, 1970), and *Bibliografia publikacji podziemnych w Polsce 13.XII.1981–VI.1986* (Paris, 1988, published under the pseudonym Jozefa Kamińska). The work under review completes Chojnacki's registration of Polish underground publications.

The work registers forty journals and one leaflet issued during the Soviet occupation of the Second Polish Republic from October 1939 until 1941, and 1926 items issued in those territories up to 1946, as well as in Poland, all from 1944 to August 1953, when the last known underground publication was issued. Specifically, the bibliography registers and gives locations for 506 periodical titles, 182 books and 1278 leaflets, including some items held by private but unidentified collectors. For journals extant issues are enumerated, 3200 in total. In a few cases information has been obtained from secondary sources but most items were examined *de visu*. The search was extended beyond libraries and archives to private collectors and court records, in addition to the security office archives and both the central and provincial archives of the Ministry of Internal Affairs, when the author was granted access to them in 1989. This has resulted in the most comprehensive coverage so far possible of these elusive materials.

The work is divided into three parts: journals, books and brochures, and leaflets. The bibliographical description is thorough, including, in addition to standard data, mottos, slogans, format, printing technique, number of copies printed, and, for leaflets, 'incipit' and 'explicit'. A number of annotations provide information about editors, in some instances indicating their tragic fate, and issuing agencies. The work has an introduction in Polish and English which discusses the criteria for inclusion, sources of information, bibliographical standards applied and a general characterisation of the materials. It includes a review of the literature of the subject, a list of abbreviations, indexes of personal names, places of publication, publishers, and some illustrations. A chronological index would have been useful, although the author includes a table indicating the number of publications for a given year.

Publication and dissemination of these materials was more difficult under the communists than during the wartime German occupation. Quite often the editors of anti-Nazi publications became anti-Soviet voices and continued publishing their journals after the war. Warsaw remained a major publishing centre, but the bulk appeared in the southern territories of Lublin, Kraków and Rzeszów, and the eastern regions such as Białystok. In short, underground publishing went on throughout Poland, an indication of the nationwide opposition to Soviet rule.

The research value of this work far exceeds mere bibliographical registration. The identification of the majority of issuing bodies and the index to those



bodies classifies the opposition movement. Extensive annotations, which, for books, include a description of the contents (some description is also given for the contents of journals), and, for leaflets, quotations from the beginning and end of the text, indicate the prevailing political character of the publications and reduce the need for a subject index. The books and leaflets cover a wide range of topics: reports of debates in the British parliament, directions to the nation from the Polish government in exile and the Polish underground military authorities, instructions on how to react to actions undertaken by the communist government in Poland, evaluation of political parties and their programmes, advice on how to vote in the crucial 1947 elections, numerous appeals to the nation at large and to individual groups including the military, workers, peasants, youth, women, and communist party members, warnings (*ostrzeżenie*) and declarations (*oświadczenie*). While the leaflets are mainly of an informational and documentary character, the books, the majority of which are in brochure format, include, in addition to some of the topics listed above, popular history, poetry and political songs.

Classics in bibliography are rare phenomena, especially those compiled by an individual. This work is such a classic. It complements the national bibliography, it identifies what is crucial for the national history and yet is the most elusive material in the history of Polish publishing, scattered as it is through various, often unusual, repositories, produced under duress and searched for by those who wished to destroy it, not only during the time of its first appearance, but also since 1989, along with incriminating archival documents from the communist era. The work is a monument crowning Professor Chojnacki's life-work and erected for his father by his son, Dr Wojciech Chojnacki, the volume's editor and a prominent bibliographer in his own right.

WOJCIECH ZALEWSKI

Stanford University Library

*Kto był kim w drugim obiegu? Słownik pseudonimów pisarzy i dziennikarzy. 1976–89, opracował zespół: Cecylia Gajkowska . . . (et al.); pod redakcją Dobrosławy Świerczyńskiej. Warszawa, Instytut Badań Literackich, 1995.*

In an extract from his widely read feuilleton 'Z ukosa' ('A sideways look') published in the Paris emigré journal *Kultura* in 1992 (nr.10, p. 78) one of the eminent underground writers of the Solidarity era, Tomasz Jastrun (Smecz) expresses his feelings at being approached by the compilers of this dictionary. His first reaction is one of astonishment at being asked to divulge, in response to a telephone call, names and pseudonyms used by himself and his fellow underground writers, which in the past, he would have refused to reveal even under threat of torture. However, having had time to think it through, he

recognises the usefulness of the project but realises that his desire to cooperate is thwarted by a dangerous new enemy: his rapidly fading memory.

Here lies the importance of this work: to record for current and future researchers biographical details of the participants in the Polish independent publishing movement, which played so profound a role in the opposition movement, leading to the dismantlement of Communist power in Poland, before even more of its history is forgotten or buried.

The dictionary, prepared by a team from the Institute of Literary Research (IBL) in Warsaw, lists *ca.* 3000 pseudonyms, found in uncensored books and literary, cultural, political and socio-economic periodicals, used by 1200 writers, editors and others connected with the independent publishing movement. The main section lists in alphabetical order, under pseudonym, the real name of the writer, any other forms of the pseudonym used, the publication in which the compilers found the pseudonym (including place and year of publication), the type of material (e.g. an article, an interview, a translation), and finally the source of information (often the author him or herself). The second section lists in alphabetical order the real name of the writer with brief biographical details followed by the pseudonyms used.

The compilers trawled many sources: published bibliographies and catalogues, library catalogues and their own files built up over the years. They also issued appeals for information via the press, radio and television, and wrote thousands of individual letters. The dictionary includes a useful short bibliography of these published and unpublished sources.

In the preface they admit their disappointment that about 35% of the pseudonyms they listed are still unsolved: these are listed at the end of the dictionary with a request for any further information about them. This highlights the problems faced by anyone attempting to codify the clandestine printed output of a period of enormous political and cultural ferment. Firstly, preservation of anonymity was essential to avoid imprisonment or other harsh penalties. Secondly, as many of these publications depended on immediacy for maximum effect, consisting of calls for urgent action or spontaneous responses to political events, authorship was not restricted to a discrete group: anyone in the right place at the right time could become an author. Thus many 'non-professional' authors are unlikely ever to be traced. Thirdly, many authors of articles written in the heat of the moment may now not even themselves remember all they wrote.

Despite its inevitable incompleteness, the dictionary is likely to be of use to a wide range of researchers, ranging from librarians and bibliographers cataloguing collections of independent publications, to historians and researchers interested in journalism, contemporary literature and the sociology of Polish post-war literary and cultural life. It will assist researchers looking at the evolution of a writer's social and political views during the Solidarity era by estab-



lishing which underground publications he or she was linked with. It thus represents a valuable addition to any reference collection on contemporary Polish affairs.

JANET ZMROCEK

*The British Library*

## Contributors

Liudmila Charipova is a postgraduate student at Cambridge University.

Martin Dewhirst is a Lecturer in Russian Language and Literature in the Department of Slavonic Languages and Literatures, Glasgow University.

Armin Hetzer is a Lecturer in Linguistics at Bremen University.

Miklós Kontra is Head of the Department of Sociolinguistics, Linguistics Institute, Hungarian Academy of Sciences.

N. G. Patrusheva is on the staff of the Rare Books Department, National Library of Russia.

J. S. G. Simmons is an Emeritus Fellow of All Souls College, Oxford.

E. K. Sokolinskii is on the staff of the Department of Bibliography and Book Studies, National Library of Russia.

M. V. Zelenov is a Senior Research Worker in the Department of History and Politics of the Volgo-Viatskaia Akademiia Gosudarstvennoi Sluzhby, Nizhny Novgorod.

## MARIJANA DWORSKI

*Out-of-Print & Secondhand Books*

*bought & sold*

### **Balkans, Russia, Eastern Europe**

history, travel, politics, language, folklore

37, Lion Street, Hay-on-Wye, via Hereford. HR3 5AA U.K..

Tel.Fax (+44) 01497 820996

*(regular catalogues and lists)*



# Newspapers from Eastern Europe & Russia

on 35 mm microfilm

The following newspapers are currently available.  
Also available are additional titles from each country.

## RUSSIA

Argumenty i fakty • Komsomol'skaia pravda • Krasnaia zvezda  
Literaturnaia Rossiia • Literaturnaia gazeta  
Moscow News • Moskovskie novosti  
Pravda • Rossiiskaia gazeta • Trud

## UKRAINE

Demokratichna Ukraina • News from Ukraine • Pravda Ukrainy

## CZECH REPUBLIC

Hospodářské noviny • Lidové noviny • Mlada fronta dnes  
The Prague Post • Rudé právo

## POLAND

Gazeta Wyborcza • Polityka • Rzeczpospolita  
The Warsaw Voice • Życie Literackie

## SLOVAKIA

Národná obroda • SME • Trend

more than 100 newspapers from Eastern Europe & the FSU  
backfiles and standing orders available



**NORMAN ROSS PUBLISHING INC.**

330 West 58th Street, New York, NY 10019, USA

212/765-8200 • 800/648-8850 • fax: 212/765-2393 • [info@nross.com](mailto:info@nross.com)







Printed by  
Quorn Litho  
Loughborough, Leicestershire